

БАЛКИ В КОЛЕСА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
ФЕЛЬЕТОНЫ
КАРИКАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ 1973

БАЛКИ В КОЛЕСА
Юмористические рассказы,
фельетоны, карикатуры
Составитель **И. Жосул**
Редактор **П. Ширяев**
Технический редактор **К. Чеканский**
Корректор **С. Воленберг**

Сдано в набор 26/XII 1972. Подписано в печать 18/VI 1973. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Физ. печатных листов 11,5. Усл.-печ. листов 10,7. Учетно-изд. листов 10,1. Тир. 100.000. АВ06614 Цена 32 коп. Зак. 4492

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП МОЛДАВИИ
Кишинев-центр, улица Пушкина, 22, Дом печати

Типография Издательства ЦК КП
Молдавии, Кишинев

Алексей МАРИНАТ

НЕЗАЩИЩЕННАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

В семье вспыхнул скандал, большой скандал. Ученый совет предложил мне поехать на два года в Новосибирск для защиты диссертации. Жена заявила категорическое — нет. «Если уедешь на два года, — сказала она, — да еще станешь кандидатом, то можешь прощаться с семьей! Кандидат ищет «кандидатшу», доктор — «докторшу» и так далее». Пытался объяснить, что есть доктора, у которых жены медсестры. Но, в конце концов, решил пригласить ее родителей и родственников, чтобы и они высказались. Может, думаю, сумеют убедить и разрешат конфликт.

Давно не гостили ни родители, ни сестры с мужьями, так что жена искренне обрадовалась. Приготовилась к встрече, достала свежие помидоры, зеленый лук, брынзу овечью, балычек и еще кое-что, о чем я умолчу, — боюсь знакомые дойдут телефонными звонками. Наконец стол накрыли и с нетерпением стали ждать дорогих гостей. С балкона заметили их приближение. Жена и дети выбежали навстречу, я тем временем достал коньяк из холодильника и бережно поставил на стол. Громче всех восторгалась теща:

— Здравствуйте, дорогие, давненько не виделись, счастья вам, как жизнь молодая?

Едва сняв платок с головы, отодвинула внучат в сторону и установилась на телевизор.

— Что, испортился, не работает?! — встревожилась она.

— Нет, работает. Просто не включили.

— Почему не включаете?!

Моментально включил аппарат и, пока раздевались остальные гости, на экране появилась кавалерия. Одна из сестер жены по рассеянности сняла чулки.

— Что ты, Феодора, в квартире прохладно...

— О чем ты говоришь?.. — произнесла она, не отрываясь от телевизора. — Чью кавалерию показывают?

Последними зашли в квартиру дети с довольно обиженным

видом: никто не поинтересовался, какие оценки получили они за первое полугодие, не пожелали «расти большими»!

Жена спросила, как добрались, на чем приехали, не занесены ли дороги снегом? Ее вопросы повисли в воздухе: внимание пришедших было приковано к телевизору.

Я, тем временем, ласкал взором коньяк и деликатесы. Подал знак жене: пора-де приступать к трапезе. Она громким голосом позвала к столу, но никто не услышал: на экране — орудийная канонада.

— Дорогие гости, просим... — произнес я.

Никто даже бровью не повел.

— Просим к столу, присаживайтесь, мама, Феодора, Люся, папа, садитесь, — обращалась жена к каждому в отдельности.

— Товарищи, прошу внимания! — крикнул я.

Теща взглянула подозрительно: что, мол, рехнулся?

— Папа, мы голодные! — умоляла жена.

— Ну, садитесь за стол, уже поздно. Григорий и Василий, будьте вы первыми, — наставлял свекор.

Я стал подталкивать гостей к столу, но они шли, не отрывая взгляда от экрана. Таким же образом посадил за стол своячениц. Тесть с тещей расположились на диване, во главе стола.

Разлил коньяк лучшей марки, поднял рюмку и произнес тост. Но никто даже не повернул головы в сторону тамады. Только на секунду, пока кавалерия куда-то ускакала, все оторвались от аппарата, и, увидев в моих руках рюмку, подняли свои. Но тут из-за сопки снова выскочила кавалерия.

Гости спешно опустили пустые рюмки, на ощупь взяли по кусочку хлеба.

А с экрана неслось безудержное «вперед!». Зрители находились в большом напряжении: с минуты на минуту конница должна была проскочить мост, а мост был заминирован. И один диверсант держал руку на тумблере взрывателя...

Наш красноармеец искусно выполз из-за кустов и стукнул диверсанта прикладом по голове. Тут дети крикнули: «Ура», а я незаметно опрокинул еще одну рюмку.

После того, как опрокинул еще и третью рюмку, набрался храбрости и стал выкладывать свои тезисы:

— Уважаемые гости, дорогие родственники, прошу минуту внимания! Рассудите нас...

Тем временем, Василий, свояк мой, ударил в ладони: лазутчик, который едва-едва не был пойман, улизнул. Мои слова растаяли в воздухе. Присутствующие возмущались: «Вот, черт, сбежал!»

— Товарищи, родители дорогие, — обратился я вторично. — Нужно обсудить очень важный вопрос... Стану я или не стану кандидатом математических наук.

— Ах, черт! — выругался тесть.

— Ах, проклятый! — произнесла теща.

Тот, которого надо было изловить, вторично улизнул. Опрокинув четвертую рюмку, я наклонился к жениному уху и шепнул: на кухне голубцы кипят.

— Что, не можешь потушить огонь? — произнесла она со злостью.

В конце концов, все это стало меня нервировать:

— Дорогие гости, бросьте вы эту стрельбу и скачки!.. — взмолился я.

Какое там!!!

Сходил на кухню и уже стал закусывать по-настоящему. Сунул каждому гостю по рюмке, они машинально выпили, не отрываясь от экрана. Враг в третий раз улизнул.

К счастью, фильм вскоре кончился. Василий, свояк, остался недовольным.

— Эх, все-таки не поймали!

— Не сумели, — сказала теща, — надо было с первого раза схватить.

— Интересно, кто это был: немец или американец? — спрашивает второй свояк.

— Враг революции, времен гражданской войны. Ты даже этого не понял! — наставлял свекор.

— Кто враг: тот, кто бежал, или тот, кто ловил? — спросила Люся.

— А кавалерия чья была?! — спросила и Феодора.

Развернулась горячая дискуссия. Врагом был то тот, кто бежал, то тот, кто преследовал. Началась вторая серия, все вскочили.

— Сейчас посмотрим, кто кого... — произнес свояк Василий.

— Пойди взгляни, что там с голубцами, — обратилась ко мне жена.

— Иду, — сказал я, выскочил в коридор и достал из кладовки лыжи. Думаю, прогуляюсь, пока придут в себя гости...

Вернулся примерно через час. По накрепко сжатым губам свояка Василия понял, что врага еще не поймали.

— Слушай, Феодора, не пора ли нам домой? — спросила теща, когда конница стала на привал. Но тут прозвучал горн, и кавалеристы бросились в седла.

— Сейчас увидим, — сказал Василий, нервно поглаживая виски.

— Дорогие гости, вы не проголодались? — спросил я.

— Не успели даже кашу сварить, — пожалела теща бойцов.

— Может выпьем по рюмочке? — снова обратился я.

— Теперь уже поймают, — уверенно произнес свояк Василий.

Сел за стол сам. После прогулки на лыжах аппетит был отменным. Но меня беспокоила неразрешенная проблема: уеду или не уеду? Что скажет тесть, что скажут сестры? Сумеют ли они убедить жену?

— Дорогие родители, уважаемые родственники!.. Прошу выслушайте одну секунду, ведь после фильма начнется «Клуб кинопутешествий», и тогда я не смогу и слова сказать.

Один кавалерист настиг противника и занес саблю над головой. Теща вскрикнула:

— Бей его, паразита!

Но в этот момент враг вскочил на рядом стоящую лошадь и... ускакал.

Свояк Василий от неожиданности всплеснул руками:

— Удрал и на этот раз!

— Видимо, не поймают, — высказалась младшая сестра жены.

— Взгляни, сколько время! Опоздаем на поезд, — сказал ее муж.

До этого ли было? Наши, вот-вот, должны поймать диверсанта. Но тот, черт его возьми, нырнул в реку и поплыл под водой. Каким бы ловким он ни был, наши должны поймать!

— Папа, оставьте, в конце концов, все к чертовой матери, дайте мне сказать пару слов! — выпалил я со злостью.

— Увидишь, как его прижмут на том берегу! — произнес тесть.

— Нет, улизнет, собака! — произнесла теща.

— Мама, осталось полчаса до отхода поезда, — предупредила младшая дочь.

— Люся, отодвинься! Из-за твоей копны ничего не вижу! — сердито произнесла мама.

Что было, когда через четверть часа включили «Клуб кинопутешествий»? Прямо из Африки стали показывать жираф, которые бегали с такой скоростью, что на новой «Волге» не догонишь, леопардов, патлатых львов и много-много других зверей! Попробуй оторвись тут от экрана!..

Когда кончилось кинопутешествие, я спросил жену:

— Где же гости: папа, мама, Василий, Феодора, Люся?..

— Побежали на вокзал. Но если не успеют к «девятичасовому», то на вокзале тоже есть телевизор. Посмотрят и уедут следующим поездом, — объяснила супруга.

...Вот и решил вопрос, горе-диссертант! — яростно хлопнул я себя по лбу.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ВОДИТЕЛЬ

Он возил Ивана Петровича с незапамятных времен...

Так что водитель направил машину вниз по Пушкинской, свернул к проспекту Молодежи и остановился у Министерства финансов.

— Ну, и что мы здесь стоим? — удивился Иван Петрович.

— Так ведь «Стройбанк»... — ответил водитель.

— Ух, ты! — вспомнил Иван Петрович.

Когда, закончив дела, «шеф» снова расположился на сиденьи, машина резво побежала вверх по Гоголя, свернула к площади Победы, заскользила по центральной улице.

— А теперь куда ты? — поинтересовался Иван Петрович.

— Попытаемся перехватить управляющего. Необходимо его «добро» на получение десяти тонн проволоки.

— Молодец! — похвалил Иван Петрович. — Можешь оставить на субботу и воскресенье машину у себя дома...

— В двенадцать дня у министра — коллегия. Не забудьте напомнить о тех бетонных столбах. Тысяча штук, как-никак. Наряд в левом внутреннем кармане пиджака.

— Ты никак в воду смотришь?..

— И поторапливайтесь, Иван Петрович! Нам еще в «Упрснаб» поспеть надо, к Работинскому. А накладную вы забыли на столе.

— Да, да. И к заместителю министра не забыть бы.

— Заместителя сегодня нет.

— Как нет?

— В командировке он. Вернется не раньше двадцать второго.

— А сегодня какое?

— Двадцать первое.

— Точно. Куда ж я девал форму № 6, заготовленную для планового отдела?

— Она у главного инженера. Вы велели заполнить ее и отослать в «Упрсбыт».

— Гм, скажи пожалуйста...

— Если вы обещали зайти к Садогурову, не стоило принимать те 100 граммов?..

— Что я мог сделать, если встретил Городицкого?..

— Не нужно было спускаться по Армянской. Городицкий всегда по этой улице ходит. Так ближе к «Винам Молдавии»... Куда вы положили конверт для «Главпрома»?

Иван Петрович растерянно смотрит на водителя; водитель смотрит на дорогу.

— Конверт с инструкциями по интенсификации работы третьего и четвертого секторов, — уточняет водитель, готовясь к левому повороту. — Сегодня последний день сдачи проектов!

— Мать честная! Совершенно из головы вылетело! Не миновать теперь разноса от Майбалана.

— Достаньте ему десяток-другой саженцев...

— Где я их возьму?!

— Заедем на базу к Холбану и возьмем...

— Да, но я не знаком с Холбаном...

— Ваша супруга с ним знакома, занимались вместе на третьем курсе! Потом тот сломал ногу и взял академический отпуск.

— Ладно. К концу дня заедем, — бормочет Иван Петрович.

— Мария Петровна велела взять сотню крышек для жены Майбалана!

— Откуда моя жена знает жену Майбалана?

— Когда ваш тесть еще не был тестем и работал на строительстве дорог — они учились вместе в Каушанах, с пятого по седьмой класс. Потом управление вашего тестя переехало в Олонешты, где Мария Петровна продолжала учебу в средней школе, а жена Майбалана осталась в Каушанах и на выпускном вечере влюбилась в Майбалана. Почти та же история, что и у вас.

— Мда... — только и ответил Иван Петрович. — И что себе думает эта милиция?! «Ползет» со скоростью 30 км/ч, а ты не имеешь права его обогнать...

— Не забудьте про минеральную воду.

— Возьмем на Болгарской.

— Там нет. От вашего гастрита — только в аптеке, что на Киевской.

— Хорошо, хорошо... Поставишь ящик в багажник. Куда ты поворачиваешь?

— Так, Дорина Павловна!.. Чтоб перевела совхоз в другую категорию.

— Умно говоришь!

— Только купите букет цветов. Чтоб не получилось как прошлый раз. Не то — обидится и опять оставит на полгода в той же категории. Веселенькое дело! И пригласите ее на пасеку.

— А ну стой, мэй! — подозрительно косится Иван Петрович на шофера. — Ты откуда взял про пасеку?! Вроде я с тобой ни разу не ездил!..

— Так по спидометру... До шалаша имеем семь километров, до оврага — восемь с половиной; ну и до поляны — километров девять. А Бабья долина, где вы вчера были, — в пятнадцати километрах... И не забудьте зайти к Балабанову за путевкой в Ялту. Четвертого числа Клавдия Вениаминовна прибывает. И если к этому времени вы не будете в Ялте — она улетит в свой Мурманск. Телеграмма — под сиденьем.

Ч А Ш К А

Когда стол был накрыт, он достал из серванта чашку, чтобы немножко освободить наполненную до краев бутылку. Иначе по кувшинам было не разлить, содержимое проливалось, а шланг куда-то запропастился.

Приглашенные отпраздновать десятилетие их супружеской жизни ожидали с минуты на минуту. Жена, закончив сервировку стола, пошла облачаться в белое платье.

И все бы ничего, не появись она неожиданно в этом самом платье. Думаем, видение было все же слишком впечатляющим. Потому что наш герой от волнения — цок чашкой о стекло серванта и... нет чашки.

— Что ты наделал?! — ужаснулась наряженная в белое платье супруга.

— Она разбилась...

— Вижу, что разбилась! А зачем ты ее достал?

— Вино отливал, проливалось потому что. И гости... уже где-то на подходе...

— Не мог что другое взять?

— Ничего другого под рукой не оказалось...

— Вон кружка железная. Перед самым носом!

— Не заметил я кружку...

— Смотреть нужно. Глиняную тоже не заметил?
— Глиняная под топленным салом...
— У тебя на все готов ответ! Мог переложить сало в тарелку!

— Не хорошо наливать вино жирной кружкой...
— Вымыл бы!
— А вода теплая где?..
— Ну, смотрите! Плита на что?!
— Послушай, в конце концов...
— Что, «в конце концов»?! Разбил мне сервизную чашку и еще оправдывается. Сервиз, если ты забыл, из ГДР! Свадебный подарок. И теперь у меня нет полного комплекта, из-за того, что у тебя нет ничего в голове.

— То есть, как ничего нет?
— Да так: нет ничего. И не было. И никогда не будет. Осоловелый, он остался посреди комнаты. С минуты на минуту должны появиться гости, а у него... нет ничего в голове, и не было. К тому же и не будет! Он смотрит на осколки и думает: «Будь хоть чашка покрупней, а так — наперсток. На два глотка кофе...». Стой теперь перед уставленным столом с головой, в которой ничего нет!

— Ты что на меня смотришь? Ты на сервиз смотри! — продолжала жена экзекуцию. — Было шесть, теперь осталось пять! Все знают, что сервиз на шесть персон, а посмотрят — в наличии только пять чашек.

— И что из того, если пять?
— Потому что пять — не шесть. Это-то ты хоть понимаешь?

— Нет, не понимаю...
— И не поймешь никогда!
Сколько он ни учился: в начальной школе, средней, политехническом институте, а толку?! Если не может отличить где пять, где шесть?! И самое страшное в том, что до него так и не дойдет, в чем разница между пятью и шестью чашками.

— Может... — начал было он.
— Что «может»? — напористо возразила она.
— Может вообще во мне уже нет необходимости?
— Ты думаешь я бухнусь на колени, слезно умоляю: «Ты побил мне сервизную чашку, но я тебя умоляю — не бросай меня, милый, солнышко мое!» Так бы ты хотел?!
— Так или иначе...
— Не дождешься!

— Тогда...

— Можешь уходить. Не велика потеря!

— Пойду на почту, отправлю телеграмму в Кагул... — решительно сказал он. — Пусть твоя мать придет и будет свидетелем. А то потом пойдут разговоры, что я не честно разделил жилплощадь. Или из твоих вещей что прихватил.

— В таком случае и я приглашу отца. Твоего, разумеется. Пусть выезжает из своих Сорок и растолкует тебе, что пять чашек — это не шесть.

И пока он раздумывал затевать или нет эту «катавасию», жена набросила пальто поверх белого платья и стремглав помчалась на почту телеграфировать в Сороки.

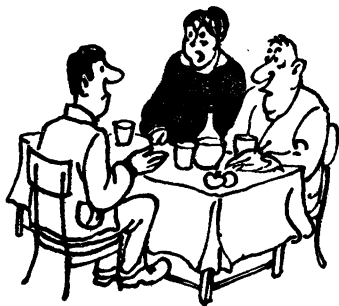
Что оставалось нашему герою, как не последовать ее примеру: разразиться «молнией» в Кагул?!

...Когда они вернулись с телеграфа, в комнате находились первые гости: Он и Она. Супруги активно ссорились из-за принесенного свадебного подарка, — великолепного немецкого кофейного набора, одну из чашек которого они имели неосторожность уронить на пол.

И от которой остались одни фарфоровые брызги...

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Как-то зимой попал я в далекое село, чтобы проверить работу кооперации. Побывал в сельпо, магазинах и киосках, потом решил заглянуть к жителям. Вечером захожу в один дом. Дело было к празднику. Хозяева встретили меня радушно.

— Раздевайтесь, присаживайтесь. Ноги не замерзли в таких туфлях? А ну-ка, Григоре, принеси дров да подбрось в огонь. Вы из района?

Григоре, хозяин, принес охапку дров и сунул их в печь. А Ветуца, его жена, накрывала стол и расставляла приборы. Вошел сын комсомольского возраста. Потом появился и старший сын — лесник.

— Прошу к столу, — пригласила хозяйка.

На столе всего хватало: холодец, соленья, брынза, сало, лук, чеснок... И вино.

Вино было, прямо скажу, превосходное, домашнего приготовления. Но я твердо решил воздержаться от выпивки.

А хозяева предлагают:

— Ну, давайте чокнемся.

— Чокнуться, конечно, можно, но вот пить я не буду.

Григоре удивленно посмотрел на меня, затем перевел взгляд на жену. Та взглянула на него, потом на меня. В доме воцарилась неловкая тишина.

Наконец хозяйка сказала:

— А ну-ка, Григоре, принеси ту.

Григоре принес из соседней комнаты бутылку без этикетки и с пробкой, бывшей в употреблении. По моим подозрениям, это была цуйка.

— Нет! — сказал я, когда Григоре налил мне стакан.

— Ничего не понимаю... — сказал он.

— Принеси другую бутылку! — скомандовала жена.

Хозяин принес другую, с этикеткой, на которой зеленым по белому было написано «Водка».

— Спасибо, — сказал я, — не пью.

Хозяин с хозяйкой снова обменялись взглядами.

— Что случилось? — озабоченно спросила хозяйка. — Может, вам что-нибудь у нас не понравилось?

— Напротив, все очень хорошо, и я с удовольствием отведаю и холодца, и солений...

— А почему же вы не хотите выпить стаканчик?

Я пожал плечами, не зная, что ответить.

— Вы молдаванин? — с легким подозрением спросила она.

— Да, и по отцу и по матери.

— И родом из Молдавии? — спросил хозяин.

— Из Молдавии.

— И не желаете выпить стакан вина... Эй, у тебя ружье заряжено? — спросил хозяин младшего сына. — Выйди и пальни разок, чтобы вороны не лезли к соломе.

Когда сын вышел, хозяин спросил меня вполголоса:

— Вы чем-нибудь больны и поэтому не можете пить?

— Нет, я совершенно здоров!

— Здоровы, а стакан вина выпить не желаете? Как же это получается? — наступала на меня хозяйка:

— По-моему, нормально получается.

— Не очень нормально, — сказала она.

Снаружи послышался выстрел, я вздрогнул, а хозяйка сказала, что я попался с поличным:

— Человек, который что-то скрывает, вздрагивает от шелеста травинки. Так-то. Давайте лучше выпьем.

Я чокнулся с хозяйкой, хозяином и поставил стакан на стол.

— Так, — сказала хозяйка. В ее голосе прозвучала обида и настороженность.

— У вас есть с собой паспорт? — спросил хозяин.

— Паспорта у меня с собой нет.

— А откуда вы приехали?

— Из Кишинева.

— И по какому случаю оказались у нас в селе?

— Меня интересует, как работает ваша кооперация.

— Интересуетесь кооперацией и отказываетесь от стакана вина?

Хозяйка поднялась из-за стола и позвала сына-лесника, который читал за печкой приключенческий роман. Шепнула ему что-то на ухо, тот оделся и выскользнул за дверь.

— И, значит, говорите, что вы из Молдавии? — спросила она, на этот раз вроде бы с издевкой, и осторожно опустилась на стул.

С ружьем в руках вошел младший сын.

— У тебя есть еще патроны? — спросил его отец.

— Найдутся, — ответил тот, вопрошающе глядя на родителя.

— Береги их, — сказал отец, затем обратился ко мне:— Значит, из Кишинева? А как же вы к нам без паспорта-то?

Младший сын застыл в дверях с ружьем наперевес. Хозяин сидел неподвижно за столом, не притрагиваясь к пище. Да и хозяйка больше не настаивала, чтобы я выпил и закусил.

Через несколько минут появился сын-лесник в сопровождении двух мужчин.

— Прошу следовать за нами! — сказали те двое, тяжело дыша.

— Куда следовать? — спросил я.

— В сельсовет. А там видно будет.

Когда я покидал дом, хозяйка с жалостью посмотрела на меня и сказала:

— Уж не обессудьте, если окажется, что вы порядочный человек.

ГОГОШАРЫ

Слегка помявшись, сын выпалил:

— Надумал я жениться, пап.

Отец, не отрывая глаз от ножа, которым резал хлеб, наморщил лоб и спросил:

— Как ты сказал?

— В брак, говорю, законный вступаю...

— То есть, как?! — попросил разъяснений отец.

— Обыкновенно, как все.

— А может «все» иначе женятся? Слышишь, Деспино, поди-ка сюда! — кликнул глава семьи супругу.

Мать, измерив сына с ног до головы, словно взвешивая, вырос ли он для этого мероприятия, спросила:

— Где ж ты до сих пор был, а?

— Учился... работал...

— Я говорю, почему о свадьбе раньше не подумал? Не видишь — гогошары кончились?

Причина, конечно, была убедительной. Хотя, если подумать, в кладовой оставалось немножко гогошар. Но разве то были гогошары?!

— Что за легкомыслие, мальчик мой? — продолжала мать. — Ни перцев нет, ни баклажанов. Разве можно так?

— При чем здесь баклажаны? — вспыхнул парень.

— Посмотрите на него! А ты как думаешь жениться? С горсткой сморщенных баклажанов? Горстка и осталась. Сходи — удостоверься.

— Мама, если я не женюсь, девушка уедет... И тогда женитьба мне вообще ни к чему.

— Так уж и уедет?

— Да, уедет. На самый Крайний Север.

— Почему не подождать пока посадим перцы и гогоша-

ры? Много ль до весны осталось? Соберем их затем. И благоухают они на столе звонкие, огненно-красные.

— К чему мне их звон и огненность? — снова вспыхнул сын.

— Надо же! Ему не нужны свежие овощи! А что я поставлю на стол?

— Что есть, то и поставишь!

— Ему бы жениться! Остальное его не волнует! — вмешивается отец.

— Действительно. Словно с луны свалился человек... Свадьба без салата! Без перцев, не говоря уже о гогошарах...

— Мама, я ведь объяснил. Если я не женюсь...

— Он женится... когда все овощи вышли! Полюбуйся на эти сморщенные гогошары...

— Мне-то что до них? — взрывается жених.

— Ну, это уж слишком! (Глава семьи со злостью бросает на стол нож и направляется к выходу. Только, что он за глава семьи, если не высказался до конца?) — Поразительное упрямство! Он думает, что это какая-нибудь свинья или телка. Зарезал когда вздумается и дело с концом. Их еще вырастить нужно, товарищ дорогой. Заранее, обрати внимание. Поливать, сорняк пропалывать. А потом лишь на стол подавать. А он: «папа, хочу жениться»!

— А что в этом плохого?

— В чем?

— Если женюсь без салата?

— Опять за свое! Советовал я тебе, Деспина, бинтовать ему в детстве голову. Растолкуй теперь сама. У меня сил больше нет. Так что я пошел.

Мама говорит:

— Сынок! И не мог ты предупредить раньше? Чтоб я у дяди Тоадера взяла гогошар? Из тех мясистых. Потому что только из них можно приготовить салат, который не стыдно подать гостям. И нафаршировать можно было...

Дальнейшего объяснения сын не слышит. Он на хорошей спринтерской скорости бежит к автобусной станции. Чтобы поспеть в Кишинев. К поезду, который увезет его на самый Крайний Север.

ПАРИЖ, КОТОРЫЙ НЕ В БАРСЕЛОНЕ

Где-то в конце декабря, примерно когда парни ходят с колиндой*, прибыл к нам один товарищ, чтобы поведать об успехах минувшего года.

— Известно, что за год можно сделать многое: в году триста шестьдесят пять дней, день содержит двадцать четыре часа, час — шестьдесят минут, в минуте — шестьдесят секунд, а за секунду стекольная фабрика выпускает пятьдесят банок. Если взять все банки, сфабрикованные за год, и, поставив одна к одной в прямую линию, протянуть их по земному шару, попадешь с ними до самой Барселоны, в самый центр города, аккуратно к арке драмтеатра... — начал лектор.

Теперь, если в лекционном зале иметь по соседству такого зубастого типа, как мой приятель, с которым мы прошли по восемь классов (больше не хотели!), то он станет забрасывать выступающего вопросами, выстраивая их в прямую линию, чтобы вроде попал и он со своими вопросами не знаю куда.

Товарищ, который прибыл с портфелем полным фактов, чтобы с ходу просвятить нас, начал с банок. А с них немедленно переключился на мясокомбинат.

— Мясокомбинат в прошлом году выпустил столько колбасы, товарищи, что если взять и протянуть ее...

— По телеграфным столбам что ли? — высказал предположение Петрикэ.

— Это вы о чем? — не понял лектор.

— Говорю, как именно протянем колбасу?

— Известно как. В прямую линию, товарищи, — персо-

* Колинда — народный обряд. Под Новый год парни, наряженные в национальные костюмы, ходят из дома в дом, напевно поздравляют хозяев, желают им счастья в наступающем году (молд.)

нально Петрике объяснил лектор, но так, чтоб дошло и до всего зала.

— Как же протянешь ее в прямую линию, если она сворачивается? — упирается Петрикэ. — Колбаса — не дышло: в прямом виде, она и на колбасу не похожа!..

Зал заметно посерьезнел.

А Петрикэ что-то вспомнил и снова поднял руку:

— Будьте любезны, ге банки, что вы недавно протянули до самой Барселоны, они что — были пустые? — уточнил он.

— Само собой. Стекольная фабрика не делает наполненных банок.

— В таком разе напрасно мы завернули с ними к театру драмы. Думаю, что резоннее было бы к театру комедии...

— Почему так думаешь, товарищ? Не знаю имени общества...

— Петрикой меня зовут. Петрикэ Штирба из Суслен, где поспевает самая ранняя из ранних черешен. Я думаю, что к театру комедии было бы лучше, потому что он несколько дальше, то-есть западнее, и тогда банок уместилось бы больше...

— А откуда вам известно, где именно расположен Барселонский театр комедии? — усмехается лектор.

— Читал я где-то, точно не скажу, сдается, в каких-то белых стихах, вроде мы имеем столько комиков в стране, что если попытаться выстроить их в прямую линию, можно попасть с ними до Парижского театра комедии! — неопределенно ответил на вопрос лектора мой приятель.

— Хорошо, но Париж не находится в Барселоне! — загоныет лектор Петрику в тупик.

— Так где же Париж?

— Париж — это Франция, бре! — усмехается лектор. — И если взять всех, кто не знает, где находится Париж и, словно столбы, выстроить их в прямую линию...

— А вместо проволоки протянуть по ним колбасу, о которой вы говорили... — продолжает Петрикэ.

— И что будет? — интересуется лектор.

— Ясно что — рай, — улыбается Петрикэ.

Тот, с трибуны недовольно двигает ресницами и продолжает:

— Если взять все автомобили, выпущенные в стране в прошлом году и поместить их в вагоны, потребовалось бы столько вагонов, что если их расставить в прямую линию...

— Товарищ лектор, а к чему грузить автомобили в вагоны, если они должны двигаться на собственных колесах!? — снова выскакивает Петрикэ. — Потому он и называется автомобилем!

— Выслушайте, что вам говорят, товарищ! — сердится лектор. — Не успеете вы чихнуть, — с конвейера сходит автомобиль!..

— В таком случае вам пришлось бы чихать одними вагонами, чтобы было куда грузить автомобили!? — нашелся Петрикэ.

Я попытался одернуть приятеля, но он не унимался.

— А вы знаете, что такое автомобиль, помещенный в вагон? — спросил Петрикэ и сам же ответил: — Это инвалид первой группы, лишенный возможности передвигаться, нуждающийся в капитальном ремонте. И вместо того, чтобы строить ему вагон для погрузки, лучше бы выпустить вагон с запчастями.

— Какими еще запчастями? — удивляется лектор.

— Я говорю: вместо вагонов — запчасти для машин выпускали б. Чтобы они сами двигались. И стране выгода, и шоферам подспорье. Да и лекторам: не стояли бы по дорогам в ожидании случайного транспорта.

— Вот как? — хмурится тот с трибуны. — Вы с самого начала проявили полное непонимание вопроса. Не знаете даже, что Париж не находится в Барселоне.

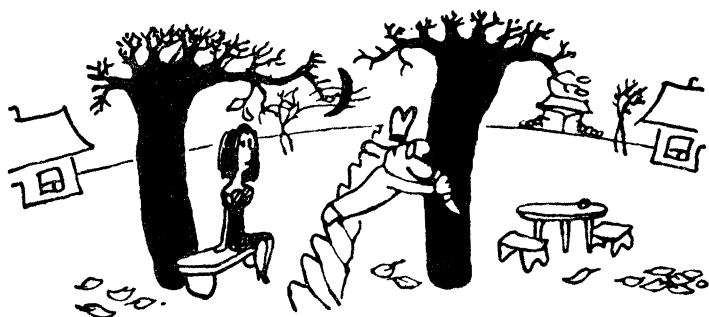
— Ну, это вы зря! По географии у меня хорошая экзаменационная оценка! — вскакивает Петрикэ.

— Если выстроить в прямую линию всех тех, кто получает хорошие оценки, не зная ни бельмеса, — конец этой линии подойдет к Архангельску. На лесозаготовках работа как раз по их знаниям. Хочу, чтоб меня не перебивали, когда речь идет об Архангельске, области с высокоразвитой деревообрабатывающей промышленностью, где производится столько спичек, что если приставить их одна к другой в прямую линию, можно опоясать земной шар десять раз.

— К чему из-за каких-то спичек десять раз опоясывать земной шар? — снова не удержался Петрикэ.

— Товарищ, сидите спокойно и слушайте. А вопросы задавайте в письменном виде. Бумаги у нас, слава богу, хватает. Только в прошлом году бумажные комбинаты выпустили столько бумаги, что если взять и расстелить ее в прямую линию...

...Лекция продолжалась.

Соседи...

Рис. А. Грабко

Андрей ЛУПАН

ЗЕМЛЯК СЕМЕН

Помню, наш земляк Семен
всем рассказывать любил,
как мужик француза бил
и каким он хитрым был,
император Палеон.

И придет такая блажь!
Он историю об этом
разносил по белу свету
и твердил как «Отче наш».

За стаканчиком вина,
весь, от ярости зеленый,
он честил Наполеона —
мол, страшна его вина!

Что ж, на все закрыть глаза,
если приткий тот француз
провертел перо в картуз
и войной пошел на Русь?
Ишь ты, прямо чудеса!

Ну-ка, брат, поди сюда,
из бочонка поднеси мне...
...Затрещал пожар тогда,
ведь Европа и Россия —
это, брат, такая сила!

На рассказ не хватит слов.
Словно в поле трав — французов,
но фельдмаршал, сам Кутузов,
окружил — и ну их тузить
под Москвой среди снегов.

Император — это чин!
Но закон — как сабля острый,
обойти его не просто.
Ну-ка марш, герой, на остров!
По заслугам получил.

Эй, неси сюда вино!
Заезался ты, приятель...
А скажи-ка, друг Истратий,
почему тебе смешно?
Может быть, ты с Бонапартом,
с басурманом заодно?

И в воинственном пылу —
бац! — Истратия кувшином,
так что тот остался синий,
очень скучный на полу.

Вот и кончен славный пир.
Разнимают кулаки,
обмывают синяки.
После драки — сладок мир!

А безжалостный Семен
знай кричит при всем народе:
— Шутка даром не проходит!
Кто теряет — не находит.
Получил «мерси-пардон»
император Палеон!

ПОХВАЛА ДЕМЕНТИЮ

Будь разумником, Дементий,
пусть завидует любой:
пирогам пахнет ветер —
аромат лови ноздрей.

Словно компасная стрелка,
чувствуй каждый поворот:
«Нет!» — кричи, коль дело мелко,
«Да!» — коль выгода идет.

Чуткой квочки осторожней,
молчаливей молчуна,
к жизни липнешь ты надежно,
зной иль стужа у окна.

Кто умней тебя, Дементий?
Нет таких. И потому
знаешь ты один на свете:
что,
 когда,
 зачем,
 кому.

И кадилом в такт колдуя,
ты твердишь в который раз:
— Аллилуйя, вас люблю я!
Аллилуйя, только вас!

Ни усердия, ни прыти
ты в погоне не займешь.
Если кто-то беззащитен,
ты семь шкур с него сдерешь.

В щель заглянешь незаметно,
стукнешь в грудь — коль драки нет,
и полакомишься сплетней,
сделав ловкий пируэт.

За столом бывая часто,
не забудь же ни на миг:
отбивай поклон начальству,
скаля зубы на других.

Вот и втерся, не краснея,
оттирая всех гостей.
Ну, ответь-ка, что вкуснее:
принцип или мититей?

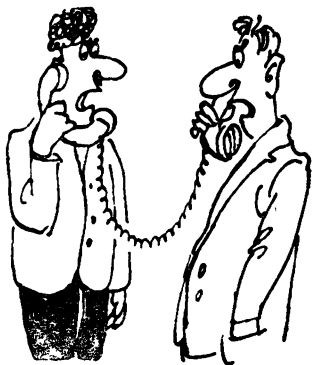
Ты мне нравишься, похожий
статью на богатыря.
А народ тебя, быть может,
подлецом считает зря?

Вот завистники, ей-богу!
Чуть плачинды повкусней —
уж готовы на дорогу,
в мусор выставить взашей!

ИЛАРИЕ ДА ЛАРИЕ

У нас на току
есть главный — Иларие,
но есть на току еще
и канцелярия,
которой командует
некий Ларие.
И очень боится
теперь Иларие,
что вдруг этот Ларие
из канцелярии
станет главнее,
чем сам Иларие.

А тот и впрямь —
засел в канцелярии
и верит, что он
главней, чем Иларие.
И вот у них свара
идет за сварою:
кто старше тут —
Ларие или Иларие?

Первым слово
берет Иларие:
— Послушайте,
ток-то
главней канцелярии!
А ежели так,
то я, сам Иларие,
выходит, главней,
чем товарищ Ларие! —
Ему отвечает
немедленно Ларие:
— А все управление где?
В канцелярии!
Ей ток подчинен —
подчинен и Иларие,
а старший я, Ларие,
шеф канцелярии! —
И сизнова слово
просит Иларие:
— Она ж на току —
эта вся канцелярия.

А током командую
я, Иларие!
И значит, командую я
канцелярией,
и мне подчиниться
обязан Ларие! —
А Ларие сызнава
тянет арию:
— Да знаешь ли ты,
что есть канцелярия?..

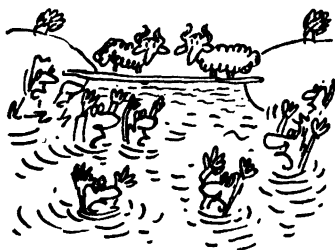
...Иларие да Ларие,
Ларие, Иларие,
убирайтесь вы с тока
со всей канцелярией!

КОМЕДИЯ

Итак,
столкнулись два барана
на том мосту — как два тарана.

Доводит принцип до беды:
— Уступишь ты!
— Не я, а ты!

Тут все бездельники-зеваки
сбежались, ждут, что забияки
вот-вот приступят к драке..

Не разминуться им никак
и не отступят ни на шаг,
того гляди — сейчас утонут!

На берегу кричат и стопут,
и страсти хлещут через край,
наперебой:

Давай! Давай!
Поторопись!
Не уступай!

Так раззадорились болваны,
что вдруг опомнились бараны:
к чему валять нам дурака?

Один баран отвел рога.
Он был разумней, говорят,
Сказал:

— Пройди ты первым, брат,
я подождать минутку рад.

.

Конец — венец.
Хотя порой
твердят, что был конец иной.

...Крича, толкаясь, — сзади прут!
свалились друг за другом в пруд
все ротозей и болваны.

Тут заключили мир бараны.

ХИМИЯ ГИБРИДА

Говорят, вино гибрид
из спиртного состоит,
перемешанного там
с кислотой пополам.

Половина третья в нем —
 смесь горючего с огнем,
 половина в нем четвертая —
 краска с хмелем перетертая.

Половина пятая —
 у нектара сладость взятая,
 и так дальше — благодать,
 половинок не считать.

В голове они любой
 меж собой вступают в бой,
 и об этой операции
 кандидаты дегустации
 знают все без диссертации.

Жаль одно — что в смеси винной
 нету главной половины:
 тормозящей установки,
 чтоб не пить без остановки.

Т Э Р К И Л Э

Вот слушаю тебя,
 пока хватает силы,
 и вспоминаю
 некого Тэркилэ.

Того родители ребенком в дни страды
сажали где-нибудь в тени скирды,
и оставляли,
чтоб развлечь немножко,
с водою миску
и большую ложку.

Он был неприхотлив, игрушек видел мало,
его и это очень забавляло:
знай льет себе, переливает воду
с восхода солнца до сего захода.

Но ты,
такой здоровый, молодой,
и к азбуке причастный покороче,
чего же нам всем голову морочишь
все той же ложкой,
миской
и водой?

БЕДНЯГА ЯЗЫК

Ох, язык мой родной, как меня замучил!..
Вот тебе газета — черта с два поймешь,
а в журнале «Нистру» — уж совсем закручен,
да и в этой книге — тоже ведь хорош.

Не пойму букварь,
не пойму словарь...
Вузы, академии,
книжек эпидемия,
всяко пишут всякие,
но не всяк прочтет.
Тут неологизмы,
тама архаизмы,
а о моем уровне нет у них забот.

Им-то делать неча —
придумали наречия,
суффикс, двоеточие,
точку с запятой.
Из-за их кавычек,
запятых и прочее
написать не смеешь
грамоты простой.

Мне язык, товарищи, тоже ведь по праву,
я забочусь тоже — только вот о чем:
чтоб он был доступным,
чтоб он был с приправой —
соус со сметаной или же с лучком.

Наколол на вилку, посолил немного,
пожевал со вкусом — почему и нет?
Запиваешь пивом, если нет сухого —
кушай на здоровье и живи сто лет!

В ресторан пойдемте, там уж по-заправски,
там язык доступный, мягкий, заливной...
Ох, рекомендую
вам язык говяжий,
опосля молдавский,
опосля родной.

Драматург удачно разрешил конфликт пьесы полной конфискацией имущества отрицательного героя.

* * *

- Я избавил общество еще от одного пьяницы.
- Каким образом?
- Бросил пить.

Рита СЛУЦКАЯ

И ЧТО ЕМУ НАДО?

Едва заведующий базой Николай Иванович Шурупов переступил порог, ему доложили, что пришел посетитель.

— Кто, откуда? — привычно спросил Шурупов.

Но посетитель уже вошел.

— Здорово, Коляша! — с ходу ринулся он к Шурупову. — Узнаешь? На одной парте сидели!

— Ну и что тебе? Крышки для закатки?

— Рассказывай, Коляша, друг, как она, жизнь? Жена, детишки?

— Я тебя спрашиваю: крышки для закатки?..

— А помнишь, Коляша, как мы на велосипеде катались, помнишь? — захлебывался пришелец.

— Соски для бутылок с «самодеятельным» томатом, соски, да?

— Ехали-ехали и бултых в кювет, хо-хо-хо! Эх, молодость!

— Не тяни резину, кастрюлю-самоварку желаешь?

— До чего ж я рад, Колян, что вижу тебя, до чего же рад!

— Ладно, не пой. Дочку в балетную школу пристроить?

— Столько лет не видались, столько зим! Вдруг узнаю: жив Шурупов, трудится!

— Хватит, хватит, выкладывай, чего тебе от меня надо?

— Ладно, бывай, я ведь проездом. Ах ты ж!.. — Он крепко обнял однокашника и ушел.

Шурупов почесал за ухом:

— И что ему надо было?

САНАТОРИЙ «МАГНОЛИЯ»

Они сидели на палубе теплохода. Один, Зефиров, крупный, с лицом цвета старого пергамента, другой... Но зачем искать сравнения? Выплывшее из моря круглое красное солнце увидело в шезлонге своего двойника. Фамилия двойника была Саранчов.

— Да, — говорил Саранчов, облизывая губы, — поплавок был что надо! Придешь утречком, первым делом — шашлычок с перчиком, с луком, с помидором. Пивца, конечно. В обед, как водится, селедочки, колбаски с горчишкой, на первое — харчо, во рту горит — пожарную вызывай! На второе — люля-кебаб, тоже — перцу, челюсти сводит! — но вкупе с «московской» — красота! Ну, а вечером в ресторан закатиться, отбивную возьмешь, коньячок.

— Дикарем отдыхали? — вяло, не открывая глаз, спросил Зефиров.

— Зачем дикарем? Из «Магнолии» еду.

— Из «Магнолии»? — Зефиров изумленно открыл глаза, в которых пылала жгучая зависть. — Но это же печеночный санаторий! У вас холецистит?!

— У меня характер! — ответил Саранчов. — Пусть попробуют не дать путевку! А куда — мне все равно, здоровье мне не испортят.

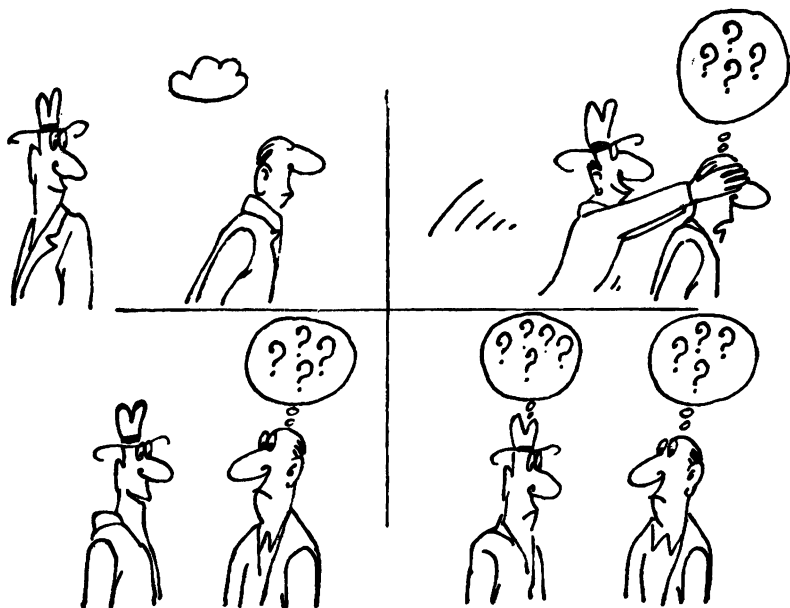
ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА

На днях я встретила свою знакомую.

Пришлось схватить ее за рукав, иначе она промчалась бы мимо.

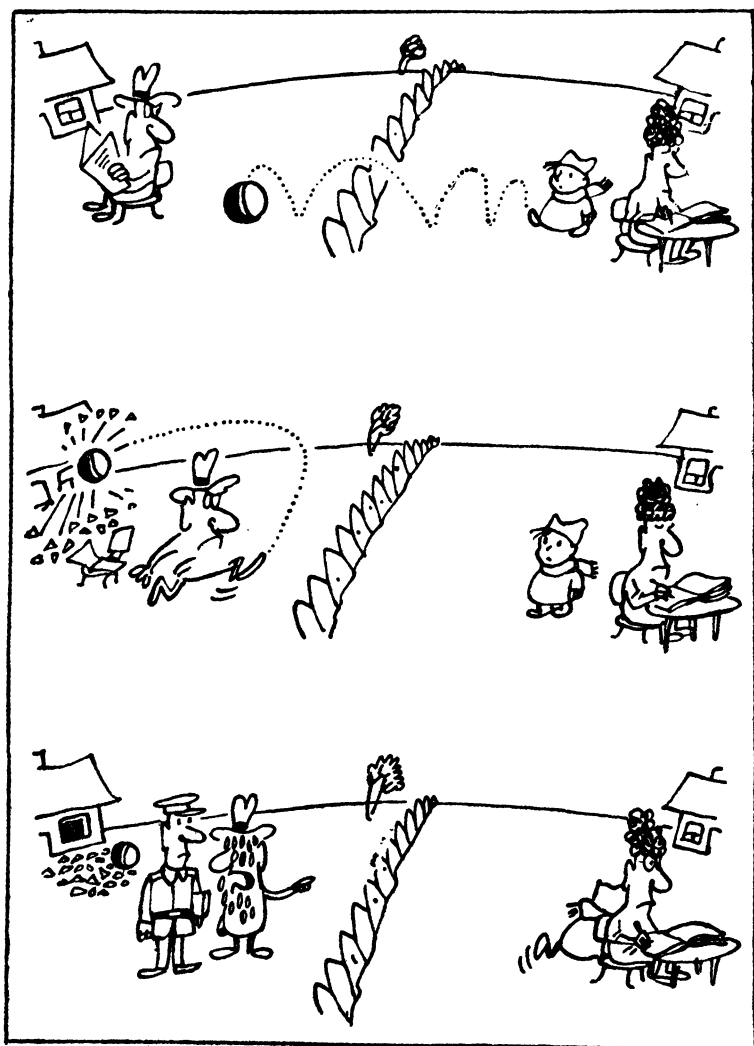
— Ой, милочка, тороплюсь ужасно! — сказала она. — Хлопот — даже не представляешь! Меняла, понимаешь, обои — целый день бегала, пока нашла по душе, ведь это не шутка — обои, правда? Но зато выбрала — умрешь! По оранжевому полю голубые розы, представляешь? Потом обновила кое-что из мебели, купила столик, универсальный! Смотришь — столик, да? А он же — горка, — дверца стеклянная, — он же книжный шкаф — книг у меня, сама

знаешь, кот наплакал, так что поместятся, — он же письменный стол, но это мне ни к чему, и он же — главное! — туалетный столик, если поставить зеркало! Чудо, ага? Но это стоило мне двух дней беготни! Потом я была именинницей, — прости, я тебе звонила, но ты где-то пропадала! Потом за туфлями с утра до вечера охотилась! Шпилька — уже не модно, полушпилька — неэффектно, плоский — вообще ерунда! Потом была у тети, за городом, весь день пирогами объедалась. Потом была на свадьбе у подруги — ты ее знаешь, — чуть ли не сутки танцевала, думала — заболею! Ну, пока, бегу в парфюмерный, дел миллион, а сегодня последний денек, завтра мне бюллетень закроют! Жалко, правда?

Первое апреля

Рис. А. Грабко

Соседи...

Рис. А. Грабко

Петр ШИРЯЕВ

Ф Е Н О М Е Н

Лет тридцать я прожил бесталанным. И лишь на четвертом десятке обнаружилось, что и меня природа-матушка не обидела...

Талант мой был, как и подобает настоящему таланту, оригинальным и своеобразным, и выражался он в неподражаемом умении произносить застольные тосты...

А раскрытию моего дарования способствовало следующее. Был я как-то приглашен к соседу — оперному певцу — на вечер по случаю выхода его на пенсию.

Ну, сижу я себе за столом, скучаю, потому что компания в основном собралась артистическая, о специфике своей работы говорят, о системах разных, ролях, ангажементах каких-то.

А мне это неинтересно, грущу и сам с собой выпиваю. Вскоре повеселел я, хорошо так на душе стало, благостно.

Хоть и орал ты, подумалось, спозаранку столько лет, спать не давал, но под конец уважил — пригласил соседа.

Отыскал я глазами виновника торжества, постучал по графинчику, навел тишину.

— Товарищи! — по возможности торжественно сказал я. — Разрешите мне выразить несколько теплых слов в адрес моего многоуважаемого соседа.

Ну, все, понятно, притихли — ждут.

Выдержал я паузу, сделал грустное лицо и дальше говорю:

— Товарищи! — говорю. — Вот мы здесь собрались, почти веселимся. А человеку грустно, человек с любимым

делом расстается — делом, которому служил верой и правдой, как мог...

Сорок лет на сцене... Много это или мало? Кому как. Возможно, зрителю это время и показалось нескончаемо долгим, только для нашего уважаемого Ивана Андреевича этот отрезок ничтожно мал.

Ведь с такими данными: таким ростом и волосом, где и парик не нужен, можно бы душиť свою Дездемону еще лет двадцать и довести, наконец, дело до конца, потому что и она (тут я поинтересовался, нет ли ее среди присутствующих и, узнав, что она с мужем — главрежем — на гастролях, продолжил)... потому, что и она изрядно надоела зрителю.

Сорок лет в опере... Для другого это, может быть, и ничего, но для нашего Ивана Андреевича — это настоящий подвиг. Далеко не каждый бросится в воду, не умея плавать, и тем более далеко не каждый наберется смелости выйти на сцену, не имея на то никакого основания...

И это изо дня в день...

С его голосом петь бы да петь в какой-нибудь заурядной самодеятельности, а он нет, неугомонная душа, гордость наша, все туда же, на профессиональную сцену, чтобы, как в пословице говорится: «Чем богаты — тем и рады».

Большая, щедрая натура.

Провожая вас на заслуженный отдых, мне хочется сказать: наконец-то. Наконец-то и ваш, так сказать, голос обретает покой.

Спойте ж нам на прощание арию Тоски из оперы Пуччини, и вы сразу увидите, как всем вдруг станет весело.

Петь он не стал. Не смог, — видать, растрогали его мои слова. Остальные тоже сидели как-то тихо, накрепко заинтеригованные услышанным.

А когда расходиться стали, один из актеров затащил меня в угол и облапил, как родного.

— Да вы просто феномен. Талантище. Давно я не слышал такой речи, — едва не плача, произнес он.

Люди падки на славу. Дрогнуло во мне что-то от слов таких и как-то само собой подумалось: вот оно, призвание твое, Федя. Смотри, не упусти...

Через два дня были мы приглашены с супругой к ее знакомой по случаю приобретения этой знакомой автомашины «Москвич».

Ну, здесь мне вначале тоже было невесело.

Но потом ничего — акклиматизировался. Пропустил пару «мерзавчиков» и попросил тишины. А когда мне создали необходимые условия, встал из-за стола и тихо, но довольно задумчиво проговорил:

— Дорогие товарищи! Я безмерно взволнован и, поймите меня правильно, не волноваться я не могу.

Когда простой труженик с окладом 60 рэ. в месяц приобретает себе автомобиль — это всегда волнительное событие. И не какой-нибудь там кооператор-махинатор, а обыкновенный больничный раздатчик пищи.

Никакой романтики и ночевки у костра в этой профессии нет и, тем не менее, потянуло нашу Маню именно сюда.

И в том, что она не пошла искать экзотики, а пошла туда, где просто и обыденно, — и есть своя романтика и своя, стало быть, экзотика.

Молодой работнице буквально на второй день пришлось самостоятельно решать трудноразрешимые задачи.

Ведь известное дело: хворый, он, что дитя малое, — аппетитом не блещет. Поди, угадай: соизволит он сегодня масло есть или станет от него нос воротить. Или там котлеты: сколько ему класть — две, как положено, или и одной обойдется.

Но не такая она, наша Маня, чтоб не найти выхода из положения. Решение приходит само собой: захочет — попросит недостающего, а навязывать человеку свои нормы — не в Маниной натуре.

Не могу не назвать еще одной отличительной черты нашей хлебосольной хозяйки — ее неумную выносливость. Вряд ли сама Маня помнит день, чтобы она не вынесла чего-нибудь из стен любимого предприятия.

И даже этот скромный стол явственно несет на себе следы ее повседневных стараний.

Вот она какая наша Маня, новоиспеченный автомобилист.

Катайся. Маня, на своей карете, катайся, но помни: без твердых знаний правил уличного движения тебе не обойтись...

Не знаю, что там и как там, только через пару дней автокарету у Мани отобрали, а обо мне заговорили, как о человеке, тяжелом на слово...

Жена же прямо заявила: если я не перестану выскакивать со своими дурацкими тостами, она за себя не ручается. И все же мне удалось отличиться еще один раз.

Как говорится, под занавес.

Такая возможность была предоставлена мне, когда я попал на банкет, устроенный бывшим соучеником по случаю защиты диссертации.

Не помню точно, как назывался его труд, но только за пять лет напряженной работы диссертант достиг невероятного: на выведенном им фруктовом дереве с правой стороны росли яблоки, с левой — груши...

Ну, я его, конечно, как полагается поздравил, дал высокую оценку его работе, вкратце подчеркнул ее народнохозяйственное значение и посоветовал ему не останавливаться на достигнутом, а идти вперед и только вперед, чтобы в скором времени на этом же дереве уже наоборот — справа наливались груши, а слева — яблоки.

Тогда лишь эту столь нужную работу можно будет считать доведенной до конца.

Этот тост был последним. Стоило мне впредь за столом попросить тишины, как виновник (или виновница) торжества ловко лишил меня слова.

И каждый раз делали это довольно изобретательно: то запустят радиолу и пригласят гостей танцевать, то начнут демонстрировать семейный альбом, то просто отшутятся.

Вот люди!

ОТПУСТИТЕ НА ЧАСОК

У шурина моего брата есть племянник, у которого часто по вечерам от сладости ломит зубы. А у меня есть знакомый дантист. Так вот я и говорю своему начальнику:

— Разрешите, товарищ заведующий лабораторией, отлучиться на часок. По уважительной причине... к дантисту. А то он только до семнадцати принимает.

Начальник качает головой, но причина уважительная — отпускает. Прихожу с племянником шурина моего брата к дантисту, а того нет. У него, оказывается, дома печка в обратную сторону дым пускает. И он отпросился на часок, чтобы заявку в ремонтную организацию подать.

Сидим мы, ждем. И очередь ждет. И потому, как все спокойно ждут, чувствую, что все на законном основании, то есть по уважительной причине здесь находятся... Почтальон с полной сумкой сидит, журнальчики листает. Шофер с рефрижератора ключиками от зажигания поигрывает. Электрик «когти» железные к стене прислонил, дремлет. Радиомастер чемоданчик свой походный открыл, детали перебирает. Одним словом, заняты люди...

Поскучал я, поскучал и отправился в ремконтору. Дантиста разыскивать. А тот, смотрю, навстречу шагает:

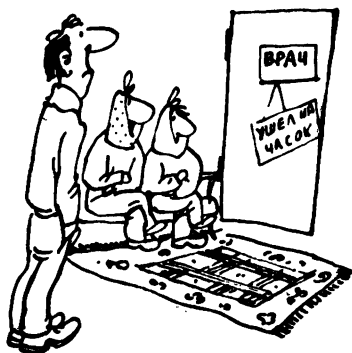
— Понимаешь, — говорит, — мастер, который должен был мне печника выделить, отпросился на часок по уважительной причине. Ему второй месяц газ не завозят, а диспетчер газовой конторы как раз выкроил часок для посещения выставки-продажи шерстяных изделий. А устроители выставки...

Тут мы подходим к поликлинике, и я, передав дантисту своего юного родственника, иду в лабораторию. И только вхожу в помещение — слышу, как старший лаборант товарищ Гавриш на завтра на часок отпрашивается. Дед у него, автомобилестроитель, в гости приезжает. А практикантка Люся, как всегда, невпопад ляпает:

— Я слышала, что с конвейера автомобильного завода каждый час сто машин сходит...

Удивила...

Да она вообще ветреная.

ЖЕСТКИЙ КОНТРОЛЬ

Я стою за дверью и не верю ушам своим: сын Лешка рассказывает... анекдоты!!!

В пятом классе — анекдоты?! Ну, погоди, шельмец!..

Я закипаю, как чайник, но перебивать не перебиваю: стойчески выслушиваю анекдот за анекдотом, чтобы потом, при экзекуции, оперировать фактами...

— Про помидоры знаешь? — спрашивает Лешка одноклассника Котьку. — Нет? Ну слушай. Французский судья говорит обвиняемому: «Значит, вы утверждаете, что бросали в пострадавшего только помидорами?». «Да, господин судья». «Так чем же объяснить шишки на голове вашей жертвы?». «Помидоры были в банках, господин судья...»

— Гм... — мурлычу я. — Сегодня на первом плане помидоры, а завтра...

— Покупатель обращается к букинисту, — продолжает Лешка. — «Мне бы, — говорит, — какую-нибудь книжку». «Что-нибудь легкое?» — уточняет продавец. «Это не важно, я на машине...»

— Пожалуйста... — отмечаю, едва сдерживая смех, — уже машина появилась. Что-то дальше будет?..

— А вот вчера рассказали... — принимает эстафету Котька. — Один парень поцеловал сидящую на парковой скамейке незнакомую девушку. Та — ни слова. Тогда он снова поцеловал ее. И снова никакого сопротивления. «Почему же вы молчите?» — удивился парень. «Моя мама, — последовал ответ, — учила меня с незнакомыми мужчинами не разговаривать...»

Я прыскаю в кулак, но тут же вспоминаю о своей высокой миссии...

— Слушай про фармацевта, — продолжает Лешка, отдышавшись.

— Который догонял своего клиента?

— Ну...

— Знаю. Этот знаю, — перебивает Котька.

Он знает... Я не знаю, а он знает... Мог бы еще разок, в конце концов, послушать. И не лишать рассказчика удовольствия...

— Ну, тогда про ксендза...

— Про ксендза оставим на завтра, — говорит Котька. — Я обещал в восемь быть дома.

Пунктуальный какой мальчик! Ничего, если б и опоздал разок...

Но Котья уже уходит, и мне ничего не остается, как войти в комнату.

— Та-ак... — говорю безо всяких обиняков. — Ты меня, конечно, извини, Леша, но я все слышал... И должен тебе прямо заявить: я вынужден принять соответствующие меры!

— Анекдот, между прочим, — оправдывается Лешка, — устное творчество. И ничего плохого в этом нет.

— В хорошем анекдоте, — соглашаюсь, — безусловно ничего дурного нет. Но наложить контроль на твои анекдоты я все же обязан. Так что выкладывай: что там с фармацевтом было? Я слушаю.

ЧАСТНЫЙ РЕМОНТ

Посреди передачи о барышниках мой телевизор жалобно загудел, замигал, что-то гроыхнуло в нем и он сник, как обезглавленный Змей Горыныч.

— Интендантов, — сказал я грустно соседу, — а у меня телевизор сгорел...

— Все! — сказал Интендантов. — Плакали твои денежки: теперь на одни ремонты работать будешь.

— Это уж точно... — заверил другой сосед. — Огинский. — К ним только попади...

— Моей тете, помню, — вклинился в разговор двоюродный брат Огинского, — тоже ремонтировали. Пять лет... пока работает.

— Коли хочешь настоящего ремонту, — подвел черту сосед Интендантов, — дай на лапу.

На лапу так на лапу — раз нужно.

На другой день приходит мастер — спортивная куртка, чемоданчик в руке. Я и говорю:

— Только, пожалуйста, на совесть.

И понять даю: за мной, дескать, не станет — будьте уверены и работайте спокойно. А он, действительно, уверенно и спокойно снимает заднюю крышку и на телевизор набрасывается; паяет, что-то там меняет, прозванивает.

— Готово, — говорит через полчаса.

Действительно. Смотрю: готово — работает.

— Ну и сколько? — спрашиваю, мысленно расставаясь с десятичкой.

— Распишитесь, — говорит. — Вот здесь — рубль сорок.

— Как?! — не верю. — Рубль сорок?..

— Да, так, — отвечает. — Рубль двадцать за вызов, да двадцать за конденсатор. Итого: рубль сорок — по квитанции.

— Ах, по квитанции, — понимаю говорю и пятерку выкладываю. А он, смотрю, сдачу достает — отсчитывает. Совсем я растерялся.

— Зачем же вы так? — канючу. — Я хочу как положено, чтоб ремонт по-человечески, на совесть...

— Не знаю, — говорит, — что в вашем понятии означает это самое «как положено», только ремонт я вам произвел именно как положено. Гарантирую.

— Пойдите тогда, — говорю с надеждой, и холодильник открываю.

— Спасибо, — отказывается, — у меня много вызовов. — И уходит.

Тут уж я полностью отказался что-либо понимать. Интендантова с Огинским зову. Разглядываем мы телевизор и так и этак — работает.

— Ясно, — говорит Интендантов. — Раз рубль сорок взял, два дня поработает и станет.

— Здесь, — определяет Огинский, — нужен частник. Дело действительно темное.

— Есть у меня такой, — оживает двусюродный брат Огинского. — Он, правда, сам автослесарь, но в душе — истый радиомастер. Радиоточку мне справлял. Поверите — горя не знаю.

— Зови, — соглашаюсь я решительно. — Зачем мне ремонт на два дня?

И вот приходит знакомый Огинского — мужчина неопределенного возраста — плоскогубцы, слесарную отвертку достает и за дело берется. Он долго и тщательно сдувает с телевизора пыль, чистит усики антенны, протирает лампы, многозначительно цокает языком и курит. Затем выпивает литр водки, опускает в карман десятку и «на бровях» уходит домой.

— Главное, — говорит он на прощание, — плавно выжи-май сцепление.

И вот я сижу и размышляю, что бы обозначала эта таинственная фраза. И сколько я ни думаю — додуматься не могу.

Схожу проконсультируюсь у Интендантова.

ПРЕЛЕСТНАЯ КВАРТИРА

В детстве я любил меняться. Хобби у меня такое было...

Однажды я «махнул не глядя» отцовский портсигар на солдатскую пряжку — и пошло...

Я менял морских свинок на ежей, «трубачей» на «почтовых», старенький велосипед на ниппельный футбольный мяч, который в свою очередь покидал меня, чтоб обернуться фонариком-жужжалкой...

Я не искал выгоды: менял я из-за потребности постоянно находиться в окружении новых предметов.

Если на первых порах увлечения доводилось рассчитывать лишь на свою инициативу, то позже у меня появились сподвижники. Деяние их рук — многочисленные бумажные лоскутки, облепившие столбы, деревья и стены, — призывно кричали: «меняю!», «меняю!..», «меняю!..».

«Меняю Диккенса в хорошем состоянии на Эдгара По!»

И я менял.

«Меняю мотоцикл К-750 на двухцилиндровую «Яву»!

И я менял.

Однажды в кинозале милое курносое создание попросило поменяться местами... Я увидел в ней единомышленника и мы поженились.

Супружество внесло заметные коррективы в мою жизнь: хобби отступило на второй план, а затем и вовсе забылось. И теперь, когда кто из сослуживцев ласково предлагал обменяться отпусками (скажем, декабрь на август), я деликатно отказывался...

Но однажды жена вернула все на место.

— Не знаю как тебе, — задумчиво произнесла она, —

но мне печное отопление изрядно надоело. Будем менять...

— Отопление?.. — спросил я, оживляясь.

— Не юродствуй, пожалуйста! — вежливо попросила она. — Пиши: «Меняю особняк площадью 40 м² (имеется вишневый сад, каменный сарай, погреб, гараж, водопровод) на квартиру в благоустроенном доме...»

— «...не выше второго этажа», — ввернул я.

— Для начала сойдет и пятый. Размножь и расклей.

Я размножил и расклеил.

— Хорошая квартира, — с чувством сказала жена, когда мы некоторое время пожили в новом доме. — Просто жаль с ней расставаться...

— Расставаться?.. — спросил я заинтересованно.

— Да. Я нашла лучшую. В самом центре. Даже не пойму, почему те чудачки согласились на обмен?..

Прошло всего семь недель, и жена поняла, чем руководствовались прежние жильцы.

— В центре удобно, — последовало ее заключение, — но шумно.

— Дать объявление?.. — тут же отреагировал я.

— Ты прелесть какой догадливый! — похвалила она. — Значит так: «Меняю двухкомнатную благоустроенную квартиру 36 м² в центре города (имеется телефон), телефон — подчеркни, — на равноценную в районе Прудов».

На Прудах мы прожили ровно столько, сколько понадобилось, чтоб супруга, наконец, поняла, что наш балкон несколько тесноват...

— Надо бы обменять на лоджию, — рассудила она.

Вскоре «лоджия откликнулась», и мы переехали.

— Боже! — как-то утром ужаснулась жена, шаря на полу домашние тапочки. — Так у нас пол не паркетный?!

— Понял... — сказал я, доставая бумагу.

На очередной квартире был чудный дубовый пол. Но... он находился в крупнопанельном доме, что никак не устраивало мою дражайшую...

И мы снова меняли. Крупнопанельный на крупноблочный, финский на шлакобетонный, малогабаритную кухню на полнотрапезную, привозной газ на природный, совмещенный, простите, санузел на раздельный и еще-не знаю, что на что...

Если учесть, что все хлопоты по переоформлению документов и переселению ложились на плечи сильного пола, то нетрудно догадаться, — моя страсть к мене заметно угасала. И потому я искренне обрадовался, когда то ли на двенадцатом, то ли на двадцать втором варианте супруга, наконец, остановилась.

— Ну-у-у!!! — сказала она возбужденно. — Кажется, нашла... Прелесть, какая квартира! Настоящий дворец! Правда, с печным отоплением, но зато во дворе и погреб, и гараж, и каменный сарай, и водопровод, и сад...

— Сад, — осторожно прервал я, — вишневый?

— Вишневый, вишневый, — успокоила она. — Поехали — договоримся с хозяевами. Не то перехватят...

Поехали...

Толкнув калитку, мы попали в зеленый, до боли знакомый двор.

— Нравится? — нежно спросила жена.

— Очень, — не раздумывая, ответил я.

О том, что мы здесь жили семь лет назад, я дипломатично умолчал...

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Как-то жена спросила:

— Володя, завтра в семнадцать тридцать — родительское собрание. Ты не можешь пойти вместо меня?..

— В семнадцать тридцать? — довольно заинтересованно справился я, удовлетворенно отмечая, что ни футбольного, ни хоккейного матча в это время по телевидению не предвидится. — Отчего же? Схожу! Только меня удивляет такая

постановка вопроса. Что значит — «вместо меня»?.. Или ты считаешь, что посещать родительские собрания — только твоя обязанность? Я — отец; не лишай же и меня этого права... Правда, — нашел я, однако, нужным добавить, — до сих пор мне так и не представился случай сделать этого, но на то были, уверяю тебя, уважительные причины...

Вечером, выбрав удобную минуту, я, как бы вскользь, сказал сыну:

— Да... Между прочим, сына, объясни, пожалуйста, как отыскать э-э-э... твое место. Понимаешь, Степан, я хочу посидеть за твоей партой. Переброситься лет этак на двадцать назад в свои, как поется, «школьные годы чудесные»...

— Понимаю, папа... Ну, про то, что нужно по Армянской два квартала вверх, я говорить не буду. И что второй этаж — ты тоже знаешь... Первая дверь по коридору — это будет «5-б», наши будущие математики. А вот за второй дверью, в третьем ряду, у окна — моя парта, папа.

В названное время за партой у окна, к огромному удивлению, я увидел нашего лаборанта Алмазова.

— Ты чего здесь? — спросил я, подсаживаясь.

— Как чего? Как все... К дочери... на собрание...

— Странно, — сказал я, сам еще не зная, что здесь странного. — И давно она у тебя ходит?.. В этот класс?..

— Давно... — сказал Алмазов.

— Сколько?.. — спросил я.

— Что... сколько?

— Сколько лет ходит, я говорю.

— Как пошла, так и ходит... С первого класса... Не переставая. Ходит.

— Ты что ж, — спросил я осуждающе, — не знаешь в каком классе твоя дочь?..

— Почему не знаю? — обиделся Алмазов. — В этом... с уклоном.

— С каким, — уточняю, — уклоном?..

— А-рифметическим...

— Арифметическим, — покачал я головой. — Ясно, Алмазов... Так вот: интересующий тебя «5-б», родитель будущего...

го математика, находится по коридору справа, первая дверь... И смотри снова не сбейся с курса...

— Спасибо, — прошептал Алмазов, вставая.

Я, в свою очередь, мысленно поблагодарил Степана за точные координаты...

СТРАННОЕ РЕШЕНИЕ

В отделе нас четверо. Трое — люди, как люди, четвертый — зануда.

Когда терпению пришел конец, мы написали руководителю проекта заявление-филиппику, в котором выразили свои законные претензии в адрес зануды — Беленького.

И вот нас вызвал Маркиян Михайлович, и мы, стало быть, сейчас узнаем, какой резонанс получило наше заявление.

Маркиян Михайлович — руководитель проекта, только закончил производственную гимнастику и, стоя у форточки, проделывал заключительные вздохи-выдохи.

— И чем же, — спросил Маркиян Михайлович, когда в копилку долголетия был полностью внесен очередной вклад, — чем же этот Беленький вам так насолил, что вы просите его перевода?

— Действительно, знаете ли, — смело начал я, — на первый взгляд о нем ничего плохого вроде и не скажешь. Товарищ не пьет, не выражается. По части алиментов, опять же, все нормально, пока. Но вот сидит этакий, знаете ли, нытик и своими дурацкими репликами пилит тебя без наркоза и всю радость производственного существования портит...

— И центральную нервную систему, — добавил копировщик Самочернов, — издергивает..

— Сегодня, — продолжил я, — с утра совсем издергал...

— Пожалуйста — поясней, — просит Маркиян Михайлович.

— Можнр, — говорит Самочернов.

— И действительно, — продолжил я, — зачем, знаете ли, далеко ходить за фактами. Вот, скажем, тот же Самочернов... Стал он рассказывать, как в новый дом вселялся... Как грузчики софу на пятый этаж доставляли. И как он охрип, крича: осторожно, не обейте! Все мы слушаем, волнуемся, знаете ли, за вещь. А Беленький знает, что говорит?

— Что? — оживляется руководитель проекта.

— А что, интересно, — говорит, — вы имели в виду под этим самым «осторожно — не обейте»: софу или панели?..

— Ин-те-ре-сн-оо... — еще больше оживляется Маркиян Михайлович.

«Ключуло» — переглядываемся мы.

— И таких, — распаляется Самочернов, — дурацких форм-телей за день — десятки. Здесь железным будь — и то не выдержишь.

— Действительно... — говорю. — Прослышал я, что Беленький сына в музыкальное училище определяет. А там конкурс... А где конкурс — считаю: нужны или данные, или записка. А у меня — дядя. Директор училища. По хозяйственной, знаете ли, линии. Так я говорю Беленькому: хочешь — устрою это дело? Тем более, мне ничего не стоит...

— А зануда — Беленький, что? — подается вперед руководитель проекта.

— Ну, а если, — говорит, — тебе это чего-то да стоило, ты бы взялся мне помочь?..

— Ну!!! — выдыхает Самочернов. — Как вам это?.. Человек всем сердцем помочь желает. А его в неудобное состояние ставят...

— И что, — спрашивает Маркиян Михайлович, — так и не поступил?..

— Поступил, знаете ли. На завод, тракторосборочный. «Отличный токарь, — сказал Беленький, — это лучше посредственного музыканта».

— Та-ак... — потирает руки Маркиян Михайлович. — Вот те и Беленький! Тихий, незаметный... А поди ж ты!..

— В тихом болоте, сами знаете, что, бывает, водится... — намекает Самочернов.

— Действительно... — подтверждаю. — С нами девушка работает, Усачева, ныне Михайлова. В брак, знаете ли, вступила, в законный. Тоже, между прочим, хотела зайти, да не смогла: зареванная сидит...

— Опять зануда — Беленький? — проявил догадливость Маркиян Михайлович.

— А то кто ж! Стала она, знаете ли, расписывать, какой у нее хороший муж и какая у него хорошая, прямо «манная с неба», работа. Даже, говорит, совестно ни за что зарплату получать...

— А зануда — Беленький?.. — нетерпеливо спрашивает руководитель проекта.

— А зануда — Беленький, — говорит копировщик Самочернов, — возьми да и бухни: «Было б совестно, так не получал, а подыскал что-нибудь соответствующее...» Ну кому такое может взбрести в голову?!

— Да-а-а... — подтверждает Маркиян Михайлович. — Такое может взбрести не каждому. Не знаю я, однако, свои кадры! До пенсии доработался, а людей так и не научился распознавать...

— Скажете тоже, действительно, — поспешно вставляю. — Ведь чтоб зануду распознать, с ним нужно бок о бок поработать. А у вас масштабы не те — понимать нужно! А мы его распознали сполна. Во-от он где у нас сидит...

— Так что, — смею, — сделайте, Маркиян Михайлович, доброе дело: вам на пенсию — помнить будем. Освободите от присутствия зануды — Беленького. Переведите его, действительно, в какой другой отдел. Не нам же одним мучиться. Пусть и другие изведуют это счастье...

— А знаете, — легко соглашается руководитель проекта, — я обязательно приму к сведению все, что вы мне рассказали...

...Тогда мы еще не знали, что с этой минуты инженер Беленький стал реальным претендентом на освобождающееся кресло руководителя проекта.

Странное, однако, решение.

СИЛА ИСКУССТВА

Выбрался я давеча на этюд: сижу — пишу.

На первом плане у меня будет замызганное здание с облупившейся штукатуркой. Рядом — сорванные с петель ворота, большое дерево, из дупла которого торчит кирзовый сапог... «Плачущий домик» — назову я свой этюд:

А пока я недовольно оглядываюсь, потому что за спиной сопит мужчина в тубетейке.

— Фиксируете?.. — интересуется незнакомец. — Окаемов.

— Да, — неохотно отвечаю, — пишу...

— И нашли что?.. — удивляется. — Мало вам хороших зданий?

— Э-э-э! — говорю, — ба-тенька! Вы только взгляните в причудливый излом этой трещины! Электроразряд, молния!!! Пройдешь равнодушно мимо нее?

— Почему — равнодушно? У самого душа болит... Третий год, за эту трещину...

— Вот видите: вы тоже эстет!

— А скажите, — вопрошает Окаемов, — номер дома и улица на картине фигурировать будут?..

— Непременно, — подхватываю. — Такую экспрессивную деталь нельзя упускать. Эта жалкая, хлопающая на ветру жестянка навевает всякие мысли...

— Не знаю, — мрачно говорит Окаемов, — что навевает эта жестянка, но товарищам из жилотдела она определенно кое-что навеет...

— Художественное полотно у каждого вызывает свои ассоциации. В том и сила искусства, — неопределенно соглашаюсь.

— Лично у меня, — говорит Окаемов, — после вашего творения возникают такие ассоциации, что я вижу себя на другой работе... Техник я, из ЖЭКа...

С минуту он молчит. затем предлагает:

— Вот что. Я завтра же приступлю к ремонту, а вы на своей картине название улицы выведете неразборчиво. Годится?

— Ладно, — соглашаюсь. — Название улицы, в конце концов, мне безразлично.

К полудню, едва я закончил этюд, к дому подкатил грузовик, с которого прыгнули три добрых молодца.

Они сгрузили с машины стремянку, цемент, песок, краску. Работа закипела.

Сворачивая мольберт, я с удовольствием подумал, что искусство — что ни говори — сила...

Михаил ХАЗИН

ПАМИРСКИЙ СУВЕНИР

(Рассказ попутчицы)

Что, дорогой, говоришь? Часы у меня точные? Уж это верно! Секунда в секундочку идут... Опять же, понять надо, что за часы у меня на руке. «Полет»! И не простой, а особый — память о горах Памира. Премия, братец...

Вижу, самолет наш все равно задерживается. Так и быть, расскажу тебе эту историю. Дни рождаются из дней, а слово за словом тянется... С юных лет полюбились мне... Что? Нет, не угадал. Дороги... Дороги мне полюбились. Еще дед мой говаривал, что рай земной — на спине у лошади. И мне, — по наследству, что ли? — невзгоды пути, понимаешь, милей привычного покоя. Записалась я однажды на целое лето поварихой в геологическую партию. Что, кулинарное образование? Где там, дорогой... Но и без образования — приходи! — скулинару такой плов, и манту, и лагман — пальчики оближешь. А баранину зажарить или похлебку с душистыми травами сварить, какая женщина у нас не сумеет?..

И вот, значит, забросили меня с геологами на вертолете в глубинку, куда-то за Гиссарский хребет. По соседству, километрах в шести от нас, работала еще одна геологическая партия. Вокруг, дней на десять пешего пути, ни одной кибитки. Что, ишачьи и верблюжьи тропы? Нет, дорогой... Только вертолет... Вертолет завозил нам хлеб, сахар, словом — все припасы. Манка у нас — и та небесная. Причем, понимаешь ли, склон возле нашего лагеря — сплошь пока-

тый. С посадочной площадкой — беда, да и только. Не то что нельзя садиться. Но риск, видимо, есть. Вертолет обычно выгружал тюки и мешки у палаток соседней партии. Мужикам нашим после работы приходилось топать к геологам, навьючиваться, как ослам. А работа, братец, у них нешутейная. Взрывы — это раз, образцы из глубоких ям выколупывать — это два. И еще всякая всячина. За день так намаются, еле ноги волокут. Ну, какие там ухаживания?.. Ночевала я в палатке на десятерых — одна. При мне в той палатке хранились все наши продовольственные запасы. И представляешь, никто ни разу даже не попробовал сунуть нос: нельзя — и баста! Закон, братец.

Правда, по вечерам, собравшись вместе после рабочего дня, судили мы, рядили: что придумать, чтобы вертолет сел и на нашу площадку! Дошла через горы до нашего лагеря весть, что предпринято глубокое обследование всех нужд геологов. Прикидывали и мы: доберутся ли до нас обследователи? А если доберутся, разглядят ли все, как полагается? Известное дело, от глаз мало пользы, если ум — слеп.

— Надо драться за свои интересы! — вспыхливо сказал как-то вечером молоденький взрывник, служивший в армии сапером.

— Засучивай рукава для работы, не для драки, — устало и рассудительно отвечал ему взрывник постарше, тоже в прошлом сапер — сапер времен Великой Отечественной...

Так и тянулся караван наших дней и ночей — в поднебесном крае, где диван — не мягкое ложе, а книга стихов, где газель — не пугливая козочка, а стихотворение. Да, братец, есть обжигающие газели.

Что случилось? Судьба моя снова глаз не сводит с меня!
Не дает подсудимому слова, беспричинно вина!
Пощади меня! Крылья сторели, сил не стало в руках,
И неслыханной мукой терзаюсь я, — добыча огня...

Нет, на самом деле добычей огня в то утро был баран, которого мы накануне зарезали. Накормила я свою братву

Я, понятное дело, успокоилась. От души покормила гостей. А за трапезой выложила без утайки все наши заботы-горести. И со снабжением, и с премиальными, и с вертолетом.

Пилот, весь такой бородатый, уплетает жареную баранину, а сам глазами сверкает и клянется:

— Отныне и вовек мое сердце и вертолет будут стремиться только к вам. — И ухмыляется: — Мыслимое ли дело... Такой посадочный знак на памирской траве...

К вечеру собралась вся геологическая партия. Гость из управления побеседовал с нами, на все вопросы ответил. Зачитал, кого на премии выдвинул. В список попал и молодой взрывник, тот, что недавно из армии. И пожилой сапер, ветеран Отечественной...

А потом гость такие слова говорит. Стряпуха, говорит, у вас отменная. Превосходно готовит. И душой болеет за каждого. Не возражаете, говорит, если вручу ей премию тут же, не отходя от кассы?

Братва не возражала. Тогда вынул управленческий геолог синюю коробочку из кармана и надел мне на запястье вот эти часы «Полет». А я — нет, чтобы поблагодарить, — еще и протестую:

— Дарственную надпись, говорю, на часах не выгравировали?!

Вот, братец, какая история. Идут они точно, эти часы. А что надписи нет — чепуха на хлопковом масле. Почему на хлопковом, спрашиваешь? Особенность национальной кухни. Хлопковое — оно тоже постное... Чепуха на постном масле. Да, братец...

А самолета нашего все не видать... Куда еду? В Москву, сына проведать... Сыну? Девятнадцать. Да, уже девятнадцать... Трудно поверить? Иногда самой не верится... Конечно, учится. Студент... Славный у меня сын... На кого? Да на кого же ему учиться? Ох, на геолога... Рай земной, говорит, на спине у лошади...

ПОЙМИТЕ МЕНЯ ПРАВИЛЬНО

Добро пожаловать в наш поселок, уважаемый товарищ писатель. Ах, я так рада, так волнуюсь. С вашего разрешения, провожу вас на ферму сама вместе с доярками слушаю ваше выступление. Второй год торгую книгами в нашем магазине, а видела всего дюжину писателей. То есть,

простите, двенадцать. Замечательные люди. Вы пишете, побольше пишете, а уж мы вас продадим. Сил не пожалеем... Представляю, как это трудно — писать. Я-то квартальный отчет — в муках произвожу на свет. Прошу вас, поймите меня правильно.

Я вам даже больше скажу. Ходят у нас всякие истории. Будто в соседнем городе, поутру, когда народ на работу торопится, вошла в троллейбус голая женщина. Ну, прямо в чем мать родила. Понятное дело, — давка. Мужики, что к ней поближе, заглядываются. А она спокойненько: «Разрешите пройти». Одну остановку проехала. И выскочила. Я даже больше скажу. Там ее поджидала машина. С занавесками на окнах. Она юрк в машину — и укатила, шельма. Тут только в троллейбусе загалдели, спохватились. А машина скрылась из виду, номера никто не сообразил запомнить. Говорят, на спор эта бабенка проехала нагишом. И выпорила, говорят, солидный куш.

Скажу больше. Не одобряю я ее. Но поймите меня правильно. Мало ли какую небывальщину услышишь в нашем поселке? Человек человеку — кто он там ни есть, — всегда что-то рассказывает.

Оставила одна женщина девочку лет трех дома, да с мужем в гости отправилась. Девочка возьми да отрежь ножницами бахрому со скатерти. Скажу больше: бархатная, что ли, была у нее скатерть на столе. Мать вернулась, увидела и пришла в такой гнев, что схватила ножницы и давай ими дочурку по пальчикам. На другое утро почернели пальцы у ребенка. Увезли дитя в больницу. Пришлось отрезать пальчики. А дитя малое, вернулось домой и просит жалобно: «Мамочка, отдай мои пальчики. Я больше не буду отрезать бахрому, мамочка». И что же вы думаете. Наложил на себя руки.

Я вам даже больше скажу. Собака и та бывает куда добрей. Я, конечно, не обобщаю, поймите меня правильно. Рассказывают у нас, что в Ташкенте, как раз перед самым пер-

вым и самым сильным толчком, произошел такой случай. Ученая собака жила в одной семье. И вот подбегает та овчарка к колыбельке, хватает зубами запеленатого малыша и кидается к двери — вон из квартиры. Увидел это хозяин и похолодел от ужаса. Не иначе, собака взбесилась и погубит сейчас его дитя. Схватил он охотничье ружье — и за ней.

Собака уложила ребенка в тени, сама идет навстречу хозяину. А он в сердцах — бах, прострелил ей голову. И в ту минуту задрожала земля, и дома вокруг стали валиться. Понял тогда безрассудный человек, что натворил. Да и вы поймите меня правильно. Овчарка заранее почуяла — будет землетрясение. Спасла ребенка, да и его самого... Ну, стало быть, собака погибла, он сошел с ума. А ребенок уцелел — дети-то ведь наше будущее.

Прошу вас, поймите меня правильно: за что купила, за то и продаю. Мы же не писатели, рассказы наши не такие интересные, как у вас. А что-то рассказывать надо, верно?

Опять же, говорят, перед денежной реформой забавное случилось происшествие. Те, у кого полны заглазники, в последний момент решили свои суммы доверить на хранение родному государству. В сберкассах, понятное дело, очереди. Желających — без конца. И вот на одной тихой одесской улице появляется вывеска — новая сберкасса. Идя, значит, навстречу пожеланиям трудящихся... Клиентов понабежало уйма... А внутри все чин-чином: сейфы, книжечки выписывают, печать ставят... Поработала сберкасса до закрытия — всего несколько часов. Потом — ищи ветра в поле. Вот как одесские хлопчики погрели руки. Скажу больше. Им же самим все принесли. Надеюсь, поймете меня правильно. Может, рассказы наши не блещут, да ведь мы же простые люди.

Парень один — говорят, между прочим, тоже одессит — побился об заклад с приятелем, что может заработать за год миллион. Старыми, значит, деньгами. По-нынешнему, сто тысяч. Проходит год — и что вы думаете? Выиграл пари, шельмец. Что, вам тоже интересно — как? Все гениальное — просто. Уехал на север, наладил сбор бутылок из-под водки. Там, говорят, у каждого возле дома гора порожних бутылок. А сдавать их некому, да и не принято. Вроде как неприлично. Ну, парень этот нанял сборщиков бутылок за свой счет, опять же левый транспорт. И сорвал куш, уверяю вас. Но поймите меня правильно. Может, это и вздор. Но мы же не писатели — мы рассказываем все подряд, не знаем, что можно, что нельзя.

Про бутылки много всяких баек. В городе, где живут тесно, изобрел один студент такой промысел. Звонит, ему открывают. «Я, говорит он, из санитарного управления. Пришел обследовать жилищные условия, взять пробу воздуха». Ему, понятно, говорят: бери. А он, понятно, разъясняет, что не в карман же класть пробу. Нужна, говорит, бутылка. Непременно чистая. Заткнешь ее пробкой — вот тебе и проба.

Соберет парень сотню бутылок, внизу сдаст, и люди довольны — обнадеежил, а ему прикорм.

Да мало ли о чем врут. Вы поймите меня правильно. Мы всего-навсегда читатели. Скоро ферма, а там уж мы вас заслушаемся. Лекторы еще к нам приезжают... Учат, что есть журнал «Звание — сила». И такое наговорят, с три короба.

Чудака одного, говорят, ударило током в несколько тысяч вольт. А он и в ус не дует, жив-живехонек. Бывают же такие чудеса. Но с тех пор, как приставят к нему лампочку, она светиться начинает. Жена, говорят, на нем яичницу жарить повадилась, как на электроплитке. Одно плохо — притронется к мужу — током бьет. А резиновых перчаток, как на грех, у бабы не было. В скорости у нее, сердечной, в голове что-то тикать стало. Как будильник. На расстоянии трех шагов слышно. Врачи диву даются. Медицина, говорят, такого не встречала. Может, говорят, в вас заложена мина с часовым устройством. Мы, говорят, созовем консилиум. С часовщиками, саперами...

А один бедолага еще чуть-чуть — и плохо кончил бы. Стал жаловаться дома, потом врачам, что все время слышит музыку, иногда передачи всякие. Кругом тихо, а он слышит. Тоненько, ровно писк. Его уже собирались упечь в лечебницу. Да пришло врачу в голову уточнить, что именно слышит пациент. Оказалось, всамделишную передачу. Другие ни в зуб ногой, а он шпарит наизусть. Кстати, зуб этому человеку незадолго до той музыки запломбировали. И по случайности вставили ему в дупло полупроводник, вроде маленькой «спидолы». Вот и не мог, бедолага, соскучиться...

Я ему сочувствую. Круглые сутки радио под ухом, не выключить никак. Но вы поймите меня правильно. Слышите, коровы мычат? Это мы уже совсем близко. Сейчас услышим, что рассказывает писатель... Это, наверное, интересней наших доморощенных баек. Что, не согласны?.. Я вам даже больше скажу...

КОНЕЦ ЗАГАДОЧНОЙ ЛИЧНОСТИ

Небо, солнце, трава, мороженое... Позарез нужны слова.

Старая история, которая остается вечной юной. Сменяются декорации. Но по-прежнему действуют бессмертные соавторы: он и она. Итак, заводоуправление. Стол, телефон, бумаги.

— Минуточку! — перехватывает она его, пока не влетел к главному инженеру. — Помогите, нужны слова!

Он смотрит на нее так, словно хочет повторить свою поговорку: черт на попа — не работник.

— Ну, что же вы? Любые слова...

— Какие еще слова?..

— Ну, не жадничайте... смелей. Говорите!

— Вот уж не думал, что слова — дефицит...

— Ой, что вы... Подходящих никак не найти.

Он слышет «загадочной личностью» на тракторном заводе, этот молчаливый токарь. Когда еще в школе проходили «Героя нашего времени», он обратил внимание на одну деталь: Печорин никогда не размахивал руками, что, безусловно, первый признак скрыт-

ного человека. С тех пор он так приучил себя не размахивать руками, что в армии сержанты немало помучились с его «загадочностью». А лишнего слова из него, бывало, клещами не вытянешь.

Зато она — разговорчива. Глаза у нее такие лежные, что наполняются слезами, когда она чистит не то что лук — даже картошку. Особенно летнюю.

Ей восемнадцать лет, после школы пошла на тракторный.

В отделе кадров ей чуть не отказали, но мимолетно заглянули в глаза, и вот она уже сидит за письменным столом, стучит по зубу торцом карандаша, ломает голову над чистым листом.

Слова... Попробуй одно под другим написать их столбиком, хоть штук тридцать. Любых.

— Нужны слова, — повторяет она. — Любые.

— То есть как?..

— Знаете, для пароля.

Он щурится, всем своим видом показывая, что уж если его хотят разыграть, не мешало бы придумать что-то поумней.

— Ну, для пароля...

— Какого?

— Телефонного.

— Чего вдруг?

— Для междугородних разговоров... поймите, наконец! — просит она. — Чтобы по нашему счету другие не могли звонить. Поймите, позарез нужны слова. Тридцать штук.

Он щурится уже не так недоверчиво.

— На месяц, что ли?

— А вы догадливы!

И, когда ей осточертело выклянчивать слова, он уломался.

— Ладно уж, пишите. Ствол, затвор, приклад, курок...

На девушку хлынул поток армейских терминов: названия частей огнестрельного оружия были еще только началом.

Она обрадованно записывала первые пришедшие ему на ум слова и думала, что вот уже полгода как он из армии, а прочно в нем засела военная премудрость...

Он по-прежнему мало говорит о себе, слывет загадочной личностью.

Но придумывание паролей незаметно стало его постоянной миссией. В конце месяца она неизменно разыскивала его где-нибудь в цехе, в столовой или в клубе и взымала с него очередную дань: три десятка слов, иногда плюс тридцать первое.

За частями винтовки последовала серия учебных слов: семестр, зачет, контрольная, сопромат, хвост...

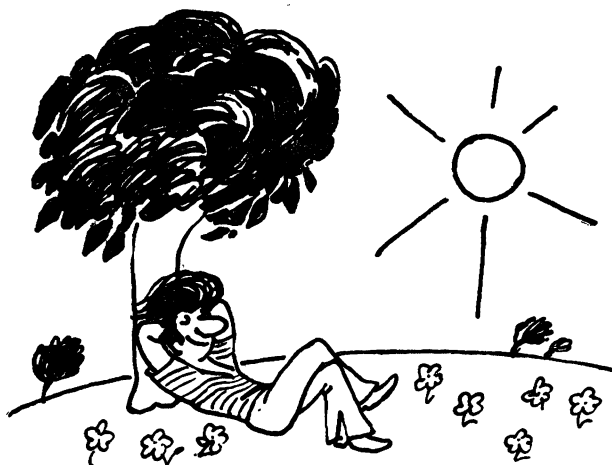
Он мог бы ей не говорить, что учится заочно, что весь погружен в науки. Она это и сама поняла из паролей.

Каждый раз шли в употребление новые, неожиданные пласты словаря. Перед февралем он пошутил:

— Похоже, сегодня у нас самый короткий список.

А когда наступила весна, он, слегка краснея, продиктовал:

- Трава, озеро, вечер...
 - Луна, лодка, весло... — добавила она.
 - Волна, звезда, мерцание, — продолжал он диктовать.
 - Весна, — сказала она.
- В мае у них состоялась комсомольская свадьба.
-

... и элегия

Рис. А. Грабко

Александр БРЫНКОВЯНУ

П О В Е С Т К А

— Бабушка, тебе повестка!

Это кричит моя внучка Таня. Какая там повестка? — думаю я про себя. Кому понадобилось тревожить мой пенсионный покой? Надеваю очки, читаю: «Народный суд района извещает, что вы должны явиться в суд к 12.00. Ваша явка обязательна. За уклонение от явки или опоздание штраф 10 рублей».

Да что это такое? В жизни своей в суде не была, а тут — на тебе... Перебираю в памяти, кому это я могла насовать — нету таких. Вот разве Матрена Ивановна, соседка наша новая. Вчера только кричала, будто часть нашего сарайчика на ее участок выходит и что она этого не потерпит. Зря надрываешься, дорогая! Сарайчик-то построен, когда тебя тут и в помине не было. Да и полметра всего занимает на твоём участке. Пожалела!

Делать нечего, надо собираться. Выгладила бордовое платье, шаль с каймой из сундука достала. С туфлями только хуже, новые, неразношенные, в носках жмут. Но раз такая оказия, приходится терпеть.

Захожу в судейский дом. Вижу, сидит за машинкой секретарша, печатает повестки, точно такие, как у меня.

— Проходите в кабинет, — говорит. — Товарищ судья вас ждет.

А судья молоденький такой, подтянутый. Заглянул в какую-то бумажку и говорит:

— Садитесь, Анна Федоровна.

— Федосеевна, — поправляю я. И не даю ему опомниться, сразу начинаю, что если Матрена Ивановна на меня пожаловалась, то надо еще разобраться, что к чему, а без сарайчика мне никак нельзя...

— При чем тут сарайчик? — перебивает меня судья. — И никакой Матрены Ивановны мы не знаем. А пригласил я вас, уважаемая Анна Федо...сеевна, чтобы выразить сердечную благодарность за то, что вы воспитали замечательного сына Николая Сидоровича, нашего лучшего народного заседателя.

Так вот оно что! На душе сразу полегчало. Но как вспомнила про повестку, досада меня взяла такая, что думаю про себя: «Ну, подожди, голубчик, будешь знать, как старуху стращать». И начинаю рассказывать, какой Николай у меня хороший да славный, чем болел в детстве и как по хозяйству управляется. Вижу — судья нервничает.

— Спасибо вам, мамаша, что зашли, — говорит. — Только у меня дела. Надо и других окружить заботой и вниманием.

А я ему:

— Погоди, сынок. У меня тоже другие детки есть. Вот Верочка, моя младшая, библиотечарша...

И рассказываю про Верочку все как есть: и чем болела, и за кого замуж вышла, и какие отметки в техникуме получала.

А он, сердешный, слушает вполуха, на часики золотые посматривает, чтобы от меня поскорее избавиться. Да не на таковскую напал! Рассказываю ему про внучат своих, как Витя в колодец упал, а Таня на соседней улице заблудилась. Потом про соседку свою новую рассказала, про Матрену Ивановну, какая она крикливая и бестолковая.

Вижу — с судьей что-то неладное творится. И бледнеет он, и краснеет, и папиросу за папиросой курит.

— У меня дела, мамаша, — говорит. — Я больше не могу уделять вам внимания.

— А ты удели, сынок, — возражаю. — Не больно часто мы с тобой видимся. Если бы не повестка твоя, то вряд ли и сегодня свиделись бы.

Кажется, дошло до него. Помрачнел весь. Ну, и решила я его отпустить. Не всякий ведь три с половиной часа со мной высидит. Начинаю прощаться, благодарю за беседу, в гости приглашаю. Он на радостях обещал зайти. Да вряд ли зайдет — по глазам вижу. Шибко занятой человек.

РЕПЕТИТОРЫ

Пол был чисто подметен. На маленький столик возле окна расстелена белая праздничная скатерть. Теперь бы в самую пору подымить сигаретой, да неловко как-то: с минуты на минуту должен прийти Исидор Петрович. Хотя, впрочем, тот тоже курящий, всегда угощает «Столичными». Но все же лучше повременить.

В соседней комнате возлежал на диване Вовка со спортивной газетой в руках.

— А ну-ка, лежебок, поднимайся. Сейчас Исидор Петрович придет.

— Дай, папа, до точки дочитать.

— Заниматься надо, а не бездельничать. Чай, в институт тебе поступать. Да и деньги плачу репетитору немалые.

При упоминании о деньгах Вовка как-то съежился, видно, такие разговоры здесь не впервой. Он вскочил с дивана, отряхнулся и долго смотрел на свое веснушчатое лицо в зеркало:

— Да, хорош гусь!

В это самое время в наружную дверь постучали. Стук был громкий, уверенный. Папа и Вовка ринулись стремглав к двери.

— О, кого я вижу! — с деланным изумлением воскликнул отец. — Проходите, дорогой Исидор Петрович! Всегда рады!

— Уф, жара! — вошедший мужчина лет тридцати небрежно скинул белый парусиновый пиджак и остался в го-

лубой тенниске. Был он высок ростом, кряжист, чуть начавший полнеть. Лицо рыхлое, не тронутое летним загаром.

— Испить бы, — выдохнули его толстые губы.

— Это мы мигом! — хозяин метнулся к сифону и нацедил полный стакан холодной воды.

— Вот теперь и начнем помаленьку.

Исидор Петрович был, хорошим репетитором. Так, по крайней мере, уверяли многие авторитетные люди. Его подопечные почти всегда проходили по конкурсу. Он превосходно знал не столь десятичные дроби, сколь нравы самих экзаменаторов:

— Сегодня порешаем с логарифмической линейкой. Линейка — это конек Николая Тимофеевича.

Чувствовалось, что этого Николая Тимофеевича он ставит наравне с академиком Ландау, если не выше.

Вовка сопел над тетрадкой, лоб его покрылся испариной.

— А теперь перейдем к интегралам. Михаил Егорович их обожает.

Через полчаса с примерами и задачками было в основном покончено. Исидор Петрович уже поглядывал на свои массивные часы, собираясь уходить. Хозяин хотел его задержать, да все не решался.

— А много у вас таких гавриков, как мой Вовка?

— Да с десятков набегит.

— И с каждого по 40 рубликов?

— С иных и поболее. Наука, знаете, стоит средств.

— Это уж само собой. А знаете, Исидор Петрович, ведь я тоже в свое время давал уроки поступающим в гимназию.

— Неужто?

— Как сейчас помню! Бегал в рваных ботиночках да в худом пиджачишке. Клиенты все богатые, а платили несчастный рубль в месяц. Натерпелся от них.

— Но теперь, слава богу, все хорошо живут.

— Конечно, конечно, правда ваша, Исидор Петрович! Лишь бы деток вывести в люди. А у моего-то Вовки шансы есть?

— Шансы есть у всех. Пусть занимается больше.

И, поскрипывая лаковыми туфлями, репетитор направился к двери, на ходу бросив:

— Завтра в это же время. И прошу приготовить 40 рублей.

— Безусловно. Будет порядок!

А где его взять, этот порядок? С пенсии в 62 рубля? Разумеется, с нее, если экономно расходовать. Много ли вегетарианцу надобно? Две морковки, огурчик, кубик гречневой каши. Вовку бы пристроить в институт да чтоб стипендию получил...

Размечтавшись таким образом, хозяин дома чуть не забыл о своих новых обязанностях. Надо бежать! Ровно в семь, когда соседка приводит своего Петеньку из садика, он должен быть на месте — готовить Петеньку к поступлению в первый класс. И еще Витеньку и Бореньку. Дети — наше будущее! Будет чем заплатить завтра Исидору Петровичу.

Белая скатерть поспешно убирается со стола.

В БЫСТРОМ ТЕМПЕ

Все мы станем пенсионерами, только в разное время. Тогда и отдохнем от вечной спешки. А пока крутишься, как белка в колесе. На работу — бегом. Иной раз так торопишься, что вместо копеек в автобусе расплачиваешься оторванными пуговицами. А на службе тебя уже ждет целый ворох бумаг, просто удивительно, откуда они берутся. Чтобы бегло ознакомиться с ними, уходит, почитай, весь день. Потом опять ловишь подходящий транспорт.

Но вот и дом. Вбегаешь к себе по лестнице, машинально вынимаешь почту из ящика и в квартиру. Жена разогревает ужин, а ты просматриваешь «Известия». Из складок газеты выпадает какая-то бумажка. Читаю: «Просим вас явиться сегодня в ЖЭК на заседание товарищеского суда». Это что-то новенькое. Хотя удивляться, собственно, нечему. В ЖЭКе наверняка прослышали, что я работаю консультантом-референтом в солидном учреждении

и хотят со мной посоветоваться о чем-то. Времени, конечно, у меня маловато, но все же пришло стало, что не кого-либо другого зовут, а именно меня. Уважают, значит, отдают предпочтение перед другими. Бегло просматриваю Положение о товарищеских судах, надеваю шапку, шарф, очки. На ходу успеваю полистать Вовкин дневник и заметить про себя: — Не фонтан...

В просторной комнате ЖЭКа за столом сидит пожилой мужчина в бобриковом пальто и задумчиво посасывает короткую боцманскую трубочку. Я протянул ему повестку и, как можно вежливее, спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Можете, — мужчина отложил в сторонку трубку, — мы вас будем судить!

— Но у меня совсем нет времени! — протестующе выпалил я первым делом. И лишь потом догадался спросить:

— А за что, собственно?

— Сейчас узнаете.

Пока мы толковали, комната наполнилась людьми. Суд начался. Мне предъявили обвинение. Оказывается, мой Вовка, играя в снежки с ребятами, разбил окно нашей соседки по первому этажу, пенсионерки Кожухарь. Вот показания свидетелей, акт, справки, иск на 13 рублей 13 копеек.

— Да что ж вы ко мне не зашли на квартиру? — спрашиваю я соседку. — Давно бы уладили инцидент.

— Некогда мне по квартирам бегать-то! — выкрикнула соседка.

«А по судам?» — подумал я, но сказал примирительно:

— Я готов хоть сейчас возместить причиненный вам ущерб.

И протягиваю три пятерки.

— Гражданин, уберите ваши деньги! — сурово изрек председательствующий. — Вы получите соответствующее извещение. И очень скоро!

Домой я возвращался поздно, и, кажется, впервые не спеша. Зажег свет и углубился в это самое Положение о товарищеских судах. Вдумчиво читаю, на сей раз не бегло. Мать честная, оказывается, судить-то меня они не имели права! Черным по белому там записано, что юрисдикции товарищеского суда при ЖЭКе подлежат только неработающие граждане. А для остальных есть товарищеские суды по месту работы. Да что там теперь судить! Снявши голову, по волосам не плачут...

А все из-за вечной спешки; теперь я стараюсь действовать по принципу: быстро, но без суеты. И вам также советую. Как консультант-референт с многолетним стажем. Ах, заговорился я с вами. Бегу, дела...

НЕ УСТУПАЕТ

Заскочил я на днях в универмаг, а там давка, шум: обувь дают, кожаную. С моим слабым здоровьем в очередь лучше не соваться. Обогнул я людское столпотворение и, осторожно лавируя, подошел к другому прилавку. Смотрю — кругом ни души. Смотрю еще внимательней и вижу на полках по крайней мере тысячу ботинок. Мой любимый фасон. Мой размер. И цена моя. Спрашиваю продавщицу:

— Это все для продажи?

— Конечно, — говорит. — Берите, пожалуйста. Обувь на искусственной подошве ничем не уступает кожаной.

Я, разумеется, беру. В новых поскрипывающих ботинках чувствую себя превосходно, как будто даже ростом выше стал. Вот, думаю, люди всегда толпятся в очереди за мнимыми благами, а своей выгоды не видят. Ведь каждый может без всякой толчеи приобрести по сходной цене обувь, не уступающую лучшим мировым стандартам...

Как раз в это время наш завод построил новый жилой дом на 24 квартиры. В прокуренной комнате завкома столпотворение, за день здесь побывало 124 претендента. Каждый уверял, что он живет почти в пещере, а сосед почти во дворце и поэтому ясно, кому надо дать квартиру. Вывести же среднее арифметическое никак не удавалось, потому что все божилось на чем свет стоит. Иной, сознавая шаткость своих позиций, давал про себя слово впредь быть поборником (конечно, после того, как получит квартиру).

При моем здоровье табачный дым противопоказан. Вот почему я пришел в завком поздно вечером, когда там не было ни людей, ни дыма, ни квартир. Председатель узнал меня сразу, хотя и устал за день:

— Твоя фамилия, кажется, Жосан? — Ты, вроде, в общезжитии живешь?

— Да, — отвечаю, — седьмой год живу...

По лицу председателя пробежала тень надежды:

— Ну, брат, считай, что тебе крупно повезло. Тут один специалист переезжает в новый дом, освобождается комната. Занимай ее прямо с утра. Сам поговорю с кем надо.

— Спасибо, — растроганно бормочу я. — Большое спасибо.

— Не стоит, — скромничает он. — Это наш долг. Если трезво разобраться, частная квартира не уступает коммунальной. И соседей меньше.

Еще раз благодарю его и утром вселяюсь в комнату. Хозяева — очень милые люди, у них двенадцать ребятишек. Колонка через дорогу, баня за углом, туалет во дворе. Словом, не жилье, а райский уголок. Поджарил я себе картошки на маргарине, который не уступает сливочному маслу, и начал обзаводиться хозяйством. На стенку повесил репродукцию, не уступающую полотнам прославленных мастеров. Купил капроновые носки — капрон по прочности не уступает железобетону. Шапку из ондатры покупать не стал: по теплу она уступает кроличьей.

Я уже говорил, что здоровье у меня слабое, поэтому все лето я не заглядывал в завком, где давали путевки в санаторий. Заглянул лишь осенью. У председателя был только один посетитель. Путевок было и того меньше. Посетитель, могучий детина с бычьей шеей, минут десять тому назад буквально вырвал у председателя последнюю путевку в Кисловодск. В принципе мне тоже туда надо бы. Председатель, конечно, меня не забыл:

— Везет же вам, товарищ Жосан! Тут у нас чудом одна резервная путевочка сохранилась. В Ваду-луй-Водэ. Сам хотел ехать, да ладно уж...

— Спасибо.

— Но за что, это наш прямой долг. И если толком разобраться, хороший дом отдыха ни в чем не уступает плохонькому санаторию. И вода там типа кисловодского «нарзана».

Целых двенадцать дней блаженствовал я в доме отдыха. Народ тут подобрался простой, свойский. В реке поймали старую щуку, по вкусу она не уступает молодому цыпленку.

ку. Нас в палате было шесть человек, и вечерами мы резались в подкидного дурака — трое на трое. Скажу вам без утайки, что карты ни в чем не уступают шахматам.

Очень я был доволен своим отдыхом, так доволен, что даже послал благодарственное письмо в местную газету. И вскоре получил очень теплый ответ: «Ваш сатирический рассказ ни в чем не уступает тем произведениям, что мы обычно публикуем. Будьте здоровы и счастливы!».

Счастлив я был всегда. А теперь, после столь трогательного пожелания, я выздоровел окончательно. По здоровью сейчас ничуть не уступаю тому могучему парню с бычьей шеей, что вырвал путевку в санаторий. Мне все завидуют, я — никому: зависть, по-моему, ничуть не уступает жадности...

ВНИМАНИЕ К БЛИЖНЕМУ

Стою я как-то у кинотеатра «Патрия» и скучным голосом спрашиваю у прохожих нет ли лишнего билета.

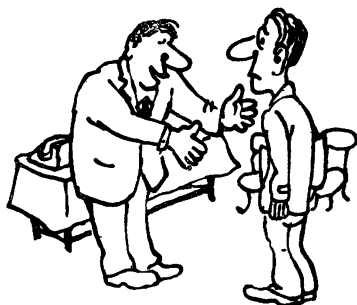
— Нету, нету, — отвечают мне небрежно.

Черствые люди пошли, равнодушные к возросшим культурным запросам населения. Давно стою, озяб весь, вместе с теплом последнюю надежду теряю.

— Нет ли лишнего билетика?

— Увы, к сожалению, нет, товарищ Чашкин.

Я вздрогнул, будто застигнутый на месте преступления. Из тумана передо мной возникла внушительная фигура Максима Петровича. Когда-то мы с ним работали вместе на одном поприще. Максим Петрович руководил всем тем производством, а я там гайки завинчивал. Ныне Максима Петровича перебросили на другую работу.

— Ах, извините, что так получилось, — начал было по привычке оправдываться я.

— Ничего, ничего, пустяки. Как поживаете, товарищ Чашкин?

Отвечаю, что живу неплохо на пятнадцатом этаже без лифта. Немного высоковато, немного скучновато, но в целом терпимо.

— А как здоровье?

Насчет собственного здоровья я могу часами говорить, но тут ограничился двадцатью минутами. Он слушал, понимающе кивал головой.

— А как здоровье супруги?

— Ей стало значительно лучше, — отвечаю я, — после того, как мы с ней развелись. Прямо-таки расцвела вся.

— А детки?

— А что детки? Мы-то и развелись главным образом потому, что детей у нас не было, скрывать нечего, дело житейское.

— А как отпуск провели?

— Так себе провел отпуск, в доме отдыха работников машиностроительной промышленности. Познакомился там с одной, да что-то не клеится...

— А...

Но тут я вспомнил, что у меня в столе полгода валяется опись гаечных ключей и к ней нужна подпись Максима Петровича.

— О чем может быть речь, товарищ Чашкин! Хотя я теперь другой отраслью занимаюсь, вас всегда приму. Обязательно заходите. Будьте здоровы!

В кино я, конечно, не попал, но домой возвращался окрыленный. Все-таки есть на свете не черствые, не равнодушные к ближнему люди. А то иной начальник не всех своих подчиненных помнит, а только тех, кому благодарность объявляли или выговор. Максим Петрович не из их числа.

Утром я уже сидел в кабинете Максима Петровича. Встретил он меня со своей обычной приветливостью. Расспрашивать стал:

— Как поживаете, товарищ Чашкин?

Отвечаю все обстоятельно и про пятнадцатый этаж, и про лифт, а про себя думаю: какие могут быть изменения в моей жизни после вчерашнего вечера?

— А как здоровье?

Говорю минут пять-шесть насчет здоровья.

— А как здоровье супруги?

Отвечаю еще короче.

— А детки?

Господи, неужто и насчет отпуска спросит?

Но тут уж я не выдержал и подсунул свою бумажку. Он моментально подписал и вернул мне.

— А подпись у вас чуточку изменилась, — говорю я. — Поразборчивей стала, эффектней.

Он вышел из-за стола и присел рядом со мной на свободный стул:

— Не в подписи дело, товарищ Чашкин. Что самое главное на современном этапе? Человечность! Внимание к ближнему.

Я с ним охотно согласился.

НИ КАПЛИ В РОТ

Не так давно прислали к нам на завод нового начальника отдела технического контроля. Ну, естественно, мы у себя в заводоуправлении заинтересовались, что это за человек, откуда родом, чем дышит. И все такое прочее. У нас уж так водилось, что новенький инженер с первой полочки приглашал ведущий комсостав в ближайшую закусочную, где за рюмкой вина изливал душу и прояснял свои взгляды на жизнь. Потому что личное дело и разные там служебные характеристики — это сухая материя, от души там ни полсловечка. А ведь работать нам не с ходячей добродетелью, а с живым человеком.

Но Петр Гаврилович — так звали начальника ОТК — с первой полочки о культпоходе в закусочную даже не заикнулся. Со второй — тоже. А напрашиваться мы не стали, неудобно как-то. Тем более, что приближались именины главного механика и вместе с

ними подходящий повод для более близкого знакомства с новичком. А надо вам сказать, что именины своих сотрудников мы отмечали по-простому, в тесном служебном кругу. В кабинете накрывался стол — бутерброды, огурчики, винца несколько бутылок, иногда «Столичная». Посидим, побалагури́м. Все честь по чести.

И на этот раз заведенный порядок не менялся. Главный механик еще с утра оповестил нас всех о скромном торжестве, мы, как водится, отпускали шуточки и с преувеличенной радостью хлопали его по спине. Лишь Петр Гаврилович, и без того насупленный и хмурый, насупился еще пуще:

— Нет. И не просите.

— Но ведь после работы! — вскричал виновник торжества. Он явно был обескуражен и уязвлен.

— Ни капли в рот. Таков мой принцип. Извините.

— Ну хоть двенадцать граммов!.. — умоляющим голосом произнес механик.

Но Петра Гавриловича уже и след простыл.

Вечеринка, разумеется, состоялась и без него. Люди качали головами, недоумевали: странно как-то, непонятно. Можно сказать, небывалый случай в нашей практике.

Ненормальные отношения между начальником ОТК и прочим комсоставом быстро стали известны и в цехах. Началась паника. Бригады стали вдвойне придирчивы, мастера повысили производственную бдительность. С таким держи ухо остро! Молчит, молчит, а потом покажет зубы: что ему стоит забраковать всю дневную продукцию?! А тогда уж премии не видать. И подступиться к нему нету никакой возможности, потому что непьющий. Вскоре как-то само собой получилось, что по качеству изделий завод вышел на первое место в городе, рекламации канули в прошлое. А ведь новый начальник ОТК по сравнению с прежним ничем особенным не выделялся, даже строг был в меру.

Петр Гаврилович был приглашен и на именины главного инженера, но тоже категорически отказался:

— Ни капли в рот — таков мой принцип. Вы же знаете.

Главный инженер побледнел: «Подсиживает, тихоня!» Настроение у него было испорчено на весь вечер. В кулуарах уже блуждали слухи о закате карьеры главного. Еще бы — ни капли в рот!..

Но уж самому директору не посмеет отказать! — шептались в уголках любители острых ощущений, предвкушая неминуемый скандал.

И что бы вы думали? Отказал. Самому. Директору.

— Ни капли в рот! — с чем и удалился на склад готовой продукции.

Назревала гроза. Вдали рокотали первые раскаты грома. В душном летнем воздухе мелькнули зигзаги молнии. Кочегары на минутку оторвались от своих огнедышащих котлов и вышли на двор покурить. Тут им и повстречался Петр Гаврилович.

— А я его знаю, — указывая на удаляющегося начальника ОТК, сказал старший кочегар, известный на заводе прогульщик и выпивоха.

— Откуда знаешь? — усомнился другой и сдул пепел с сигареты.

— А мы с ним на одной даче отдыхали.

Сказал и ушел к своим котлам. Дальнейших расспросов не последовало. Тут каждый знал, что дачей старший кочегар называл лечебницу для страдающих запоем.

ПРЕКРАСНОДУШНЫЙ МЕЧТАТЕЛЬ

— Вот он, наш красавец! — директор совхоза полководческим жестом указал на шагающий экскаватор со стрелой в 60 метров. — Семьдесят пять тысяч уплатили. Машина!

— А для чего он вам понадобился? — поинтересовались мы.

— Котлован под пруд копать. Уже приступили, собственно, — и директор подвел нас к водоему размером с наперсток. — Эх, что тут будет! Разведем зеркального карпа неслыханной толщины. А сверху будут плавать утки с береговой фермы. Рядом отгрохаем консервную фабрику, представляете наши консервы — «карась с уткой» или, если хотите, «утка с карасем». Люкс! А в камышах станем вылавливать лягушек, на экс-

порт. Максимум эффективности! Полная специализация! Сейчас мы переживаем пусковой период. Возникают, конечно, трудности роста: нехватка кадров. Нытики, маловеры, опять же. Но зато какие перспективы!

Когда мы зашли в контору, секретарша подала директору телеграмму:

— Из треста.

Директор нацепил очки, прочел, неопределенно развел руками:

— Не утвердили нам рыбо-утиное направление. Будем специализироваться на ранних огурцах. Завалим окрестные города первосортной продукцией!

Через полгода раздался телефонный звонок.

Директор о чем-то долго говорил с трестом, вернее — поддакивал.

— Новая, еще более продуманная установка. Нам предложено сдать экскаватор на переплавку, с тем расчетом, чтобы разом выполнить трехлетний план сдачи лома. Представляете, никаких хлопот не будет целых три года! Заживем! Сей момент дам команду...

Александр ВАСИЛЮК

ОПЕРАЦИЯ «ГРОЗА»

Стены конторы и воздух были пропитаны запахом всех сортов папирос. Тетушка Фрасына брезгливо поморщилась, словно кто-то поднес к ее носу тухлое яйцо, и, открыв дверь, выбросила окурки. На пороге ее внушительная фигура на мгновение застыла в воинственной позе — той самой, которую она всегда принимала, когда ее Доминте вот-вот должен был вернуться из буфета... Сегодня Доминте с утра пошел к брату помочь ошмалить борова и вернулся вдрызг пьяным, когда надо было идти на службу. Фрасына уложила его на печи и отправилась вместо него стеречь колхозное правление.

Стоя так у двери, тетушка Фрасына вдруг увидела на другой стороне улицы уборщицу гостиницы. Та шла торопливо, в забрызганных грязью сапогах, неся что-то тяжелое под шерстяной шалью.

— Эй, Гиния, ты что не-
сешь?

Женщины двинулись навстречу и сошлись под столбом с электрической лампочкой.

— Вино это. Которое стреляет.

— Шампанское? Для кого?

Тетушка Гиния объяснила: в гостинице, мол, двое приезжих, из тех, что проверяют машины, и в их честь сейчас будет ужин.

— С утра покоя нет: плацынды готовлю, мититеи, баранину с чесноком...

— Тсс! — коротко просвистела тетушка Фрасына. — А из наших кто там?

— Почти все, у кого есть машины и мотоциклы...

— Ымхы! — произнесла Фрасына, приложив указательный палец к губам. — Стало быть... Ну да ладно, иди и пускай они прополошат свои глотки. Хотя нет, постой, Гиния. Одну минутку... Тебя-то хоть отблагодарили подарочком каким? Ведь наш день нынче.

— Какой еще подарок! Ты уж меня не смущай, Фрасына.

— Иди, иди, я потом объясню...

Тетушка Фрасына не спеша поднялась на крыльцо и застыла на пороге в заговорщицкой позе: что-то явно замышлялось.

К потолку комнаты поднимались ароматные пары. Кухня находилась в подвале под комнатой, в которой был накрыт стол. Тетушка Гиния, в переднике, с полотенцем через плечо, внесла тарелки с жарким. Кто-то не удержался от похвалы:

— Наверное, даже на свадьбе Фэт-Фрумоса не было таких вкусных блюд.

— Чтоб мы были сплоченными и в других делах, как сейчас за этим столом, — поднял стакан заместитель председателя колхоза Фэникэ Козонак. — Но прежде всего пожелаем воз счастья товарищам, которые не забывают нас и с удивительным умением осматривают нашу технику, наши машины на месте, в селе.

— Хорошо говорит товарищ Козонак, — поддержал тост заведующий свинофермой Герасим Кишкарь, который в этом году гризды врезался с машиной в чужие изгороди и столько же раз переворачивался по дороге из буфета домой.

Попытался сказать веское слово и заведующий гаражом Кирикэ Ускату, у которого также был собственный автомобильчик, не хуже, чем у других, но не смог. И не потому, что в горле застряла кость из индюшачьей ножки, которую он только что обглодал. Нет! В этот миг в дверях с иконой в руках появилась тетушка Фрасына, которая торопливо, словно за ней гнались, попросила слова.

— Извините... Знаете... Дело в том... Видите ли...

Фэникэ Козонак перебил ее.

— Возьми вон там стакан вина, Фрасына, и говори, в чем дело.

— Прошу прощения, я заикаюсь... Испугалась вот. Только что звонили из района, приказали бить тревогу, потому что движется на нас гроза со скоростью три километра в секунду...

На мгновение все, кто был за столом, застыли, вперив глаза (кто знает — почему) в жареную птицу и стаканы, полные вина...

— Черт возьми!.. — поднялся, как ужаленный, Фэникэ Козонак, следя за эффектом, который произвела телефонограмма Фрасыны. — Братцы! Прошу только без паники. Если мы, активисты, потеряем голову, то что же требовать от других людей...

Комната мигом превратилась в растревоженный муравейник.

Тетушка Фрасына следила за растерявшимися активистами и причитала: «Ой, что теперь будет! Ой, горюшко-то какое! Что нас ждет?».

В этот тяжкий час испытания Фэникэ Козонак нашел в себе силы шутить.

— Не так страшен черт, Фрасына, не переживай. Иди-ка лучше в контору и сиди у телефона, может какие подробности передадут. Ну а если про нас спросят — мы на местах, чтоб во всеоружии встретить стихийное бедствие...

— Ох, в добрый час! — тетушка Фрасына благословила мужчин.

Гости умчались быстрее ветра — до райцентра путь был не малый. Две другие машины, набитые активистами, направились в бригады и на фермы. Остался лишь зав. гаражом Кирикэ Ускату, который объявил, что его жена ужасно боится грозы. В ту минуту тетушку Фрасыну не интересовало так ли это. У нее были свои заботы. Когда Кирикэ удалился, сторожиха колхозного правления подошла к тетушке Гинии, которая, стоя у лестницы в подвал, ждала на-

чала грозы. Фрасына обняла ее за плечи и с улыбкой сказала:

— Ну, Гиния! Поглядим теперь, что получается, когда за стол садятся не те, для кого он накрыт, а те, кому бог велит.

— Ох, не говори так. Сейчас начнется гроза, а ты шуточки шутишь.

— Чего ж тут горевать? — рассмеялась Фрасына. — Пускай гром гремит, а мы повеселимся. Ишь ты, красавчики! Они развлекаются, а мы должны сохнуть по ним... Эй, Гиния, — Фрасына перешла к делу. — Этот телефон работает?

— Работает. А что?

— Дай мне список с номерами абонентов...

* * *

Фэникэ Козонак, как и положено, руководил операцией «Гроза». Час назад он разослал всех активистов по участкам и теперь, вместе с шофером, еле живой от усталости проверял посты. На птицеферме кипела работа. Заведующий лично перетаскивал солому из скирды и с помощью своих подчиненных затыкал ею выбитые стекла. Конечно, это можно было сделать давно, но никто (в селе мало пророков, как говорила Фрасына) не ждал грозы. Внимание Фэникэ привлекла большая дыра на крыше птичника.

— Эй, как бы всю ферму не разнесло!..

— Не думаю, — успокоил его заведующий. — Может, парочка кур и исчезнет, актики-то время от времени надо составлять...

Фэникэ рассвирепел:

— Ну-ка прекратите эти комбинации! Гроза надвигается.. Беритесь за работу.

— А у вас как дела? — спросил Фэникэ, прибыв на свиноферму.

— Хорошо, — тяжело дыша, ответил зав. фермой Герасим. — Переносим поросят к свиньям, а свиней к порося-

там, а поро... Тьфу, комедия! Запутался я, товарищ заместитель...

— Переносите быстрее, и чтоб все было в ажуре!

Небо, будто назло, было ясным, и звезды таинственно мерцали в вышине. Лишь далеко на западе виднелось черное облако, похожее на змея, но оно не двигалось с места. Именно об этом спорили заведующий винпунктом и сторож тракторной бригады. Один говорил, что ураган начинается после ужасного собачьего воя, другой утверждал, что в наши дни, когда вокруг земли вертится рой спутников, невозможно поверить, чтобы вот так, ни с того, ни с сего, гроза застала тебя врасплох.

— Что у вас слышно? Чего это вы звезды считаете? — Фэникэ дал знак шоферу приготовить резиновую подушку, которая проглатывает четыре ведра... любого сорта вина.

— Так ведь с этой грозой секунды считать надо, — сказал сторож. — Трактористы привязали трактора один к другому, комбайны — к сеялкам и легли спать. А мне что делать?

— Вскипяти трактористам винца... Постой! А кто приказал привязать трактора?

— Откуда мне знать? Неразбериха была. Сперва ездовые привязали колеса телег к столбу. Потом... не знаю я, откуда трактористы взяли цепи.

— Ну а техника, дедушка, в порядке? В поле ничего не валяется?

— Это мы потом узнаем, если гроза все не унесет...

Фэникэ закурил, нервно затанулся.

— Дедушка, иди спать... А вы садитесь в машину.

В этот тревожный вечер актив сделал столько, сколько не наработал за месяц, а может и больше: выяснилось, к примеру, в каком состоянии корма и какое расстояние между скирдами сена и коровьими кормушками; сколько ягнят произвели на свет овцы и сколько соли потребляют куры; сколько бочек вина опорожнено со дня годового отчета и сколько кукурузы не вывезено с тока.

Собрав всех на животноводческой ферме, Фэникэ Козонак подвел итог операции «Гроза» и сказал:

— Подождем до утра. Гроза может задержаться, но наш долг встретить ее во всеоружии, как солдаты. Потом сойдемся в гостинице...

* * *

Легче легкого на селе собрать женщин, особенно, если все они с уважением относятся к такой активистке, как тетушка Фрасына. С помощью телефона Фрасына вызвала к себе всех, чьи мужья были мобилизованы на операцию «Гроза», чтобы рассказать им кое-какие секреты их дорогих супругов, а если удастся, то и выводы соответствующие сделать. Тетушка Фрасына, как выяснилось в тот вечер, обладала еще и умением рассаживать женщин за столом. Воспитательницу детского сада — молодую красавицу — усадила рядом с собой во главе стола, перед вазой с яблоками джонатан. Меланхоличную фельдшерицу устроила возле тарелки с шоколадом. Тетушку Гинию, в глазах которой, казалось, навечно застыл вопросительный знак и которая всегда готова поплакать, она посадила рядом с директоршей сельмага — забавной дамочкой с живыми глазками.

— Ну, Гиния, — как на свадьбе поднялась Фрасына, — подавай то вино, которое стреляет, и наливай всем по стакану.

— А я боюсь, когда оно стреляет, — ответила Гиния, отказываясь открывать шампанское. — Есть и другое вино, они не успели даже по стакану пропустить...

Фрасына вновь взяла слово.

— С тем вином мы вот что сделаем. Перца в него сыпнем. Я где-то читала, что в какой-то стране женщины подсыпают в вино толченый перец, чтобы отучить мужчин от пьянства.

Шампанское не следует держать открытым, оно теряет свои качества. Поэтому Фрасына была краткой, когда подняла стакан:

— Пусть увеличивается количество душ в ваших семьях, пусть спорится ваша работа. У нас у власти женщины. Мужчины только вертятся на руководящих постах в колхозе и даже в районе... Работать надо, братцы, а то совсем закиснете!..

* * *

На другой день в правлении, как обычно, собрался весь актив. Половина актива чихала. Заместитель председателя Фэникэ Козонак обзванивал все районные учреждения, чтоб узнать, что слышно с грозой...

— А ну-ка вызовите Фрасыну в контору, — в конце концов приказал он.

Вскоре появилась Фрасына.

— Э — еепчхе! — шумно выдохнул Фэникэ воздух из легких.

— Будьте здоровы! — сказала Фрасына.

— Чтоб его... епчхе... этот перец... Вот зачем я тебя позвал. Гроза! Где твоя гроза?

— А откуда мне знать, кто звонил? Может, район перепутал села, и гроза прошла стороной...

Опустив глаза, Фэникэ приказал Фрасыне отправляться домой и никогда больше не замещать своего Доминте. Даже если тот лыка не будет вязать.

Д В Е В Е С Т И

Входишь в дом спокойно, без всяких фокусов, а жена — гоп! — ни с того, ни с сего спрашивает, чем от тебя несет... Не этим ли самым?.. «Ну-ка дыхни!» Нет! Пахнешь селедкой, керосином, свежей рыбой, ваксой и другими товарами широкого потребления. Но жена, не доверяя обонянию, включает все люстры, чтобы видеть твои глаза... Вот так штука! Пальто сплошь в каких-то нитках, стиральном порошке, жирных пятнах... А брюки! Будто ты побывал на самой отстающей ферме в районе, где подбирал на полу яйца: штанины — в желтке, разноцветных перьях... ы-ы-ы... хы-ы-ы... пчхи! — вот видите, чистая правда!

— Где это ты шлялся, мой мальчик? — жена смотрит на меня большими, как пятаки, глазами.

То, что она называет меня мальчиком, мне нипочем, я ведь давно вышел из того возраста, когда ходил, взявшись за ручки, с девочками. Другое обидно: жена начинает считать, сколько раз я приходил домой в таком виде, то есть тепленьким, как она выражается.

Но что делать? Я в сельсовете счетовод и почти нет месяца, чтоб меня не вызвали в район на всякие там переучеты да ревизии. Делать нечего: набиваешь портфель бумагами и — быстренько в автобус. А в автобусе черт знает что творится! Проходишь между корзинами с курами, яйцами, мешками со свежей брынзой и застреваешь в самой серединке машины. Здесь уже явно чувствуешь, как стекает на твоё пальто белая водица из како-

го-то мешочка со сладким сыром, с пальто — на штанину, с штанины — на туфель. А дальше эта жижица никуда не течет, потому что туфли у меня плетеные, поглощающие всякую жидкость. Проходит еще какое-то время — и чувствуешь другую жижу, потеплее. За моей спиной тетушка Мэриоара, жена бади Василе Поалелунжь, держит на руках

жирного ягненка. Теплая струйка проникает в другой туфель. Почему бы и нет — ведь их пара...

Выхожу в райцентре. Отряхиваюсь, завязываю шнурки и перешагиваю порог нашего учреждения. Не знаю, о чем думают мои коллеги по ремеслу, но все они, завидев меня, кисло морщатся и отворачиваются, словно мы совершенно незнакомы...

— Эй, братцы! Что за чертовщина! Чем я перед вами провинился? Василе! Петрикэ! Герасим! Что с вами?

Но то — голос вопиющего в пустыне. Мои друзья сидят молча, словно внезапно охваченные тоской по милым женам и деткам.

Вхожу к начальнику с документацией. Несколько растерянный. Вместо того, чтобы открыть портфель, развязываю ушанку. Начальник хочет пожать мне руку, но в трех шагах от меня останавливается, как вкопанный. Через секунду он приходит в себя и говорит:

— Товарищ Прикоп, почему ты подрываешь авторитет нашего учреждения? Когда возвращаешься с овцефермы, надо переодеться...

Я пытаюсь объяснить в чем дело, но он не верит. Приходится еще благодарить судьбу за то, что документы принимает.

— Вот где я был, дорогая! — возвратившись домой тем же автобусом, раздевшись и повесив одежду в сенях, в сердцах говорю жене. — Теперь тебе понятно, где я бываю?

Но жена отворачивается и обрывает:

— Всегда так будет, если не объяснить людям, что можно и что нельзя везти в автобусе.

О господи! Неплохая идея!

— А ты знаешь, — поддержал меня на другой день секретарь сельсовета, — здесь есть рациональное зерно. Но как осуществить эту идею?

Я по-приятельски хлопнул его по плечу, а он пообещал помочь собрать людей в клубе. В селе не так уж и сложно собрать народ. Пишешь примерно такое объявление: «Обсуждаются новые условия выращивания тутового шелкопряда и вопросы материальной заинтересованности», вызываешь зав. клубом, чтоб дверь отомкнул, и — берись за дело.

И народ валом повалил. Секретарь сельсовета бросил мне:

— В добрый час, Прикоп!

Чтоб мой вопрос не казался смешным, я прошу поднять руку всех, кто занимается шелководством. К потолку взметнулся лес рук.

— А теперь, — говорю, — пускай опустят руки те, кто хочет, чтоб в нашем селе был еще один автобусный маршрут.

Все руки до единой опустились.

— Прекрасно, — говорю, довольный. — Тогда начнем с автобусов. Автобусы — это... как бы лучше выразиться? Это — *каса маре** на колесах. В *каса маре* мы как входим? Деликатно, тихо, скромно, не так ли? Точно так же и в автобус надо входить. Тетушка Гиния Смынжиту здесь? Очень хорошо! Вы, тетушка Гиния, как входите в автобус?.. Пока доезжаешь до города, ваш мешок успевает перебивать на плечах всех пассажиров... Что, нет у вас целофана? А корзины какие возите? Словно сплетены они из рыболовных крючков — кто напорется, тот, почитай, либо пальто, либо дамский чулок разодрал. Василица Тырыефын даже в обморок однажды упала. Корзину оставила на веранде, а та вдруг, как по щучьему велению, в сторону рынка подалась. А все потому, что один конец капроновой нитки за корзину зацепился, а другой — в городе остался, в тужельке одной дамы... Есть ведь у нас в селе быткомбинат. Можно там не только костюмы шить, но и корзиночки аккуратненькие заказать. Да, чуть не забыл про одежду. В чем вы отправляетесь на базар? В самой поношенной одежонке! Ну сами подумайте, когда еще было у нас столько красивой, добротной одежды? Или зарабатываем и покупаем вещи для того только, чтобы держать их в нафталине? А дома?..

— Оставь дома в покое. Что с шелкопрядом? — вскочила Мэриоара Поалелунжъ, которая «наодеколонила» меня в автобусе с помощью своего ягненка. Мужской голос оборвал ее:

— Тетушка Мэриоара, лови козу, а то автобус пришел...

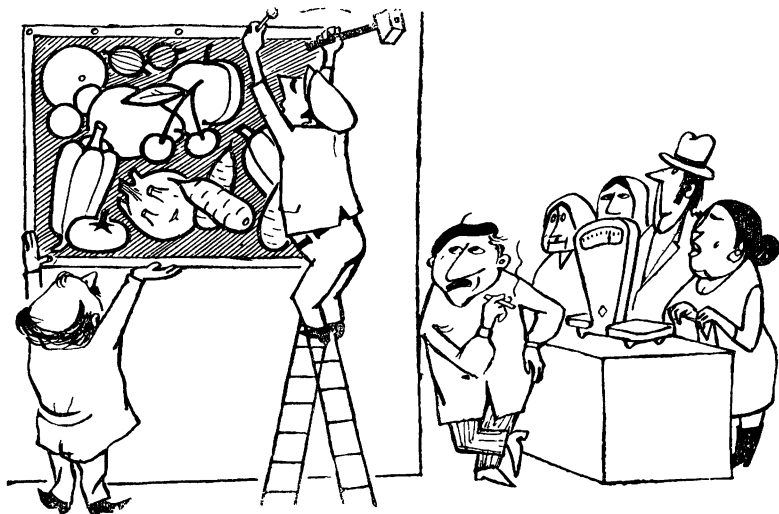
В зале поднялся невообразимый шум. Барабанщик (он хорошо знает, как быть в таких случаях) ударил в барабан. Вслед за тем грянул духовой оркестр и исполнял одну и ту же мелодию до тех пор, пока собравшиеся не позабыли про шелкопряда и не покинули зал.

На другой же день я поспешил к первому автобусу — посмотреть на моих односельчан. Шофер выскочил из каби-

* *Каса маре* — парадная комната, комната для гостей в крестьянских домах (молд.)

ны и спросил — не попал ли он в другое село: женщины, разодетые одна лучше другой, держали в руках аккуратные пакеты с товаром, да еще в очередь на автобус выстроились. После этого по району разнеслась весть: в нашем селе, мол, не только передовой колхоз, но и самые хорошенькие женщины. А другая весть — вот она: наши женщины выбрали меня председателем женсовета. Впрочем, может не меня, а мою жену, так как имена у нас сходные: я — Василе, а она — Василица. Ну и фамилия, конечно, тоже одна.

Но не это главное. Главное то, что теперь все в порядке.

— Наконец в нашем магазине появились овощи...

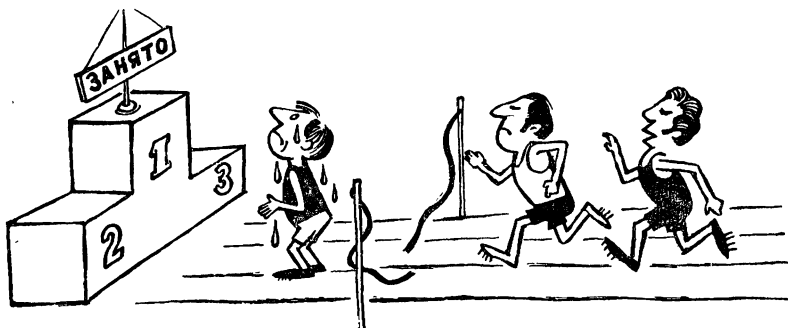
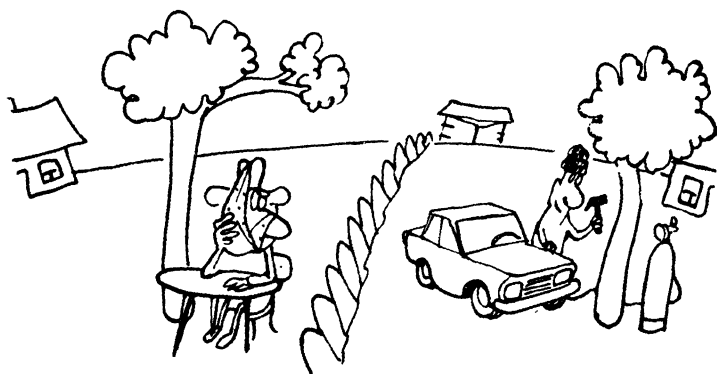
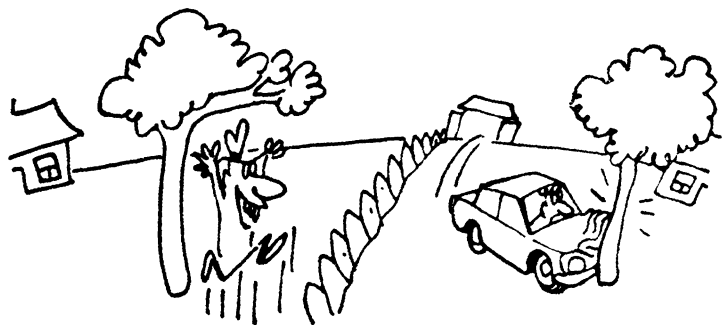

Рис. Ю. Румянцева

Соседи...

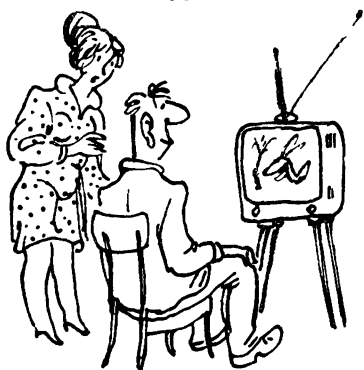
Рис. А. Грабко

Виктор ПРОХИН

ТЕЛЕВИЗОР

В село провели электричество. Тудораке продал корову и купил телевизор. Теперь уж он не обтирает стены клуба в ожидании очереди «на биллпард». Как только наступают сумерки, он стелит на лавку мягкий коврик и усаживается перед аппаратом.

Капли дождя барабанят по дранкам крыши, а там, на экране, чередуются миры, полные невиданных чудес. Серьезные с виду мужчины перепрыгивают на лошадях через камышовые барьеры, парни с заломленными набекрень кушами отбивают бэтуту, и одна женщина, прекраснее подруги жизни самого главного районного начальства, рассказывает о повышении урожая капусты по сравнению с прошлым годом.

Напрасно было бы даже пытаться вытащить Тудораке из дома в такую минуту. Легче оторвать ножку стула, на котором он сидит, чем отодвинуть его от телевизора.

Покончив с делами, Ильяна тоже усаживается рядом с мужем.

И ей кажется, что в этом деревянном ящике собраны все небылицы из сказок, давным-давно рассказанных бабушкой.

Постепенно дождь утихает, и кошка, почуявшая в коридоре мышь, начинает царапаться в дверь.

— Поднимись же, выпусти!

Тудораке закидывает ногу на ногу. С ума сошел он, что ли? Выпускать какую-то кошку, когда на экране может показаться сама английская королева?

Ильяна поджигает губы и отодвигается на край лавки — верный признак того, что в эту ночь некий женатый человек будет спать один-одинешенек в кровати с двумя подушками. В конце концов — Тудораке сдается. Обещает, что привезет ей из Черновиц платок с красными цветами, и жена, успокоившись, кладет голову на мужнино плечо.

Покупая телевизор, человек даже не подозревал, сколько друзей приобретает. Не успеет после работы повесить пиджак на вешалку, как на пороге уже появляется сосед... прибежал отдать долг, четыре копейки, которые занял еще в позапрошлом году. Слово за слово, потом по сигарете, и вот, оказывается, что сегодня передают футбольный матч.

— Не видали поросенка с проволочным кольцом на рыле? — присткрывает дверь соседка, у которой другого домашнего животного, кроме ленивого кота, не водилось испокон веков. Задержавшись на минутку, она находит, что один из футболистов, тот в рукавицах, похож на одного ее племянника из Кодрян, и забыв про поросенка, остается смотреть футбол.

Немного погодя, повернув голову, хозяин убеждается, что дом полон гостей. Одни смирно уселись на полу, другие стоят, а самые догадливые принесли с собой по табуретке.

Вот сзади поднимается какой-то шумок. Нашелся умник, которому известно, что по второй программе, как раз сейчас, идет фильм с участием Чарли Чаплина. Присутствующие разделяются на два лагеря. Сердца одних принадлежат кинематографу, сердца других — футболу.

Возникший конфликт разрешается самым мирным образом. В момент, когда судья положил мяч на одиннадцатиметровую отметку, где-то происходит электрозамыкание, и село погружается во мрак.

«Великое дело иметь телевизор! — размышляет Тудораке. — Находишься в курсе всех событий и к тому же знаешь, какая будет погода».

Правда, Ильяна несколько иного мнения. Потому что, после ухода гостей ей опять придется мыть полы. Но Тудораке как-то не чувствует ее обиды. Вообще, с тех пор как в

доме появился телевизор, он забыл все нежные слова, которые согревают женское сердце.

«Лучше бы я вышла замуж за Петраке!» — все чаще вспоминает Ильяна одного киномеханика, который однажды приколол ей к груди мэришор. А жил тот Петраке неподалеку, в затерянном среди холмов селе.

Придумав, как можно избавиться от телевизора, Ильяна начинает издалека.

— Дорогой, а не покрыть ли нам крышу железом?

— Откуда столько денег?

— Продадим телевизор.

— Да ты что? Не мели чепуху!

Пока супруг развлекается у телевизора, она гремит ведрами и кастрюлями.

— А почему это она не смотрит? — замечает кто-нибудь из гостей.

— Чтобы глаза не болели, — успокаивает его Тудораке.

А однажды, будучи под мухой, признался, что наибольшая глупость из всех, сколько совершил он, это то, что взял в жены особу, которая даже газет не читает и не знает, где находится Индия.

Услышав это, Ильяна собрала все свои платья в сундучок, закинула его за спину и перешла жить к матери. «Погоди-ка, голубчик, есть еще на свете настоящие мужчины, которые не очумели от телевизоров. А я полюбуюсь, каково будет тебе, когда приведешь себе паву с накрашенными губами». И мысли ее неслись в деревню, где проживал Петраке, куда, по ее мнению, никогда не дойдут столбы, без которых телевизор — простой сундук. Тудораке остался один в доме, как в лучшие дни, когда был холостяком. И даже не подозревал, что теща ходит по адвокатам, интересуясь, нельзя ли подать на него в суд: ведь корова, которую он продал, чтобы купить телевизор, была свадебным подарком ее дочери.

А Ильяна, так и не дождавшись, чтобы Тудораке прибежал хоть раз узнать сколько соли нужно положить в борщ, собирает снова свой сундучок, прощается с родителями и возвращается в мужнин дом. Ключ был на месте, под камнем возле конуры Тарзана. Открыла она дом и начала наводить порядок.

Удивлялись молодухи великой любви Ильяны к своему мужу, ведь недаром же вернулась к нему после того, как

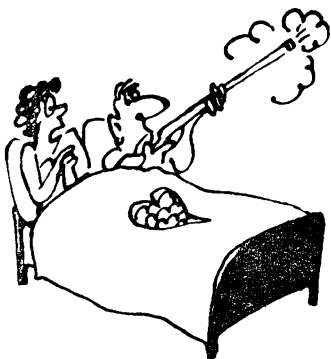
ушла по собственной инициативе. Зато те постарше говорили, что в святые ей все равно не выйти, мол, видели, как она пошла в клуб в деревню Петраке, но не удалось ей посмотреть кино, потому что у кассирши не было сдачи с рубля. С тех пор, как люди обзавелись телевизорами, на один сеанс не приходят больше двух-трех человек. И даже сам киномеханик Петраке поставил на крыше дома антенну, как деревянные грабли.

МОТОЦИКЛ С КОЛЯСКОЙ

Наконец-то Михэлунэ купил мотоцикл.

Целую вечность все отирался он подле каждого стреноженного у обочины двухколесного идола. И бензобак его любовно исследует, и тембр сирены послушает, раму пальцем обстучит. Краску и ту ногтем сковырнет, надежность проверит. Когда вспотевший хозяин спускался с крыльца магазина и, поддав газу, исчезал в завесе из дыма, пыли и гусиных перьев, Михэлунэ зачарованно смотрел ему вслед и беззвучно шевелил губами: «Все равно куплю!».

Случившись быть на базаре, ревниво пересчитывал выставленные для торгов одно- и двухцилиндровые машины, останавливался на самой кражистой, любопытствовал о пройденном километраже, со знанием дела давил на кнопку сигнала, допытывался у хозяина сколько он просит за эту развалину. Услыхав ответ, ходко брал с места, не произнося ни слова. Хозяин догонял его, натуженно пытаясь, ловил за пояс и заискивающе оправдывался, что-де таков дух торговли спросить как побольше, чтобы было с чего сбавлять цену. Михэлунэ же спокойно смотрел ясными глазами и объяснял, что, собственно, он сторговал бы кабачковые семена, а мотоцикл — это так, — шурик поручил поспрашивать...

Завидев в витрине спецмагазина мотоциклы, он надолго застыл, разинув рот, затем хватал прохожего, который остановился, быть может, завязать шнурки, и неземным голосом произносил: «Ты видел? Они есть! Жаль вот, что двухколесные...»

Обыкновенных мотоциклов было сколько угодно. И из наших, у которых никелированных гаечек не столь много, но на ходу рвущих землю из-под колес, и из тех—закордонных, сверкающих, что елочное украшение, но которым подавай асфальтовое шоссе и пассажирку не тяжелее семидесяти килограммов. Он же мечтал о трехколесном. Потому как, что такое трехколесный мотоцикл? Это, собственно, тот же автомобиль, только без крыши. Сажай все семейство — и жми хоть через какие горы, куда тебе вздумается.

Годами ходил он интересуюсь у встречного-поперечного, где можно приобрести мотоцикл с «каляшкой». Потому что те — с базара — никак его не устраивали. Ну кто, скажите, выставит приличный товар на базар? Если он чего стоит, от покупателей и дома отбоя не будет. А так — доконал вещь, пересчитав на ней все канавы, затем краской здесь-там грехи заделал, спидометр поменял и ждет простачка с толстым бумажником.

Всю зиму проходил за макинтошем председателя сельпо с прошением под кушмой* и поросенком в десаге**, узнавал на вокзале, устройся он на железную дорогу, не улыбнется ему случай приобрести мотоцикл; вызубрил, как колхозный устав, адрес одного часовщика Гриши, у которого есть двоюродный брат, двоюродный брат которого что хочешь достанет, только положи ему за вещь двойную цену.

И все же приобрел. Где он его подстрелил и во что все это обошлось, покрылось тайной, потому что позже, когда его об этом спрашивали, Михэлүцэ молчал, как предводитель гайдуков, который, попав в руки преследователей, был допрошен, сколькими пищалями и пиками располагает его лесное войско.

Доставил приобретение в безлунную ночь, на машине с потушенными фарами и незнакомым шофером. А заточив в сарай с крепостными стенами, тщательно подмел следы грузовика.

— И сколько, говоришь, дал за мотоцикл? — едва умыв-

* Кушма — национальная шапка (молд.)

** Десага — торба с двумя отделениями, которую носят перекинув через плечо (молд.)

шись, услышал он вопрос, заданный липованом, конюхом, который шел на работу с кнутом в одной руке и краюхой хлеба, намазанной маргарином, в другой.

В базарных хлопотах Михэлущэ напрочь забыл, что деревня, на то она и деревня, чтобы каждый знал о всех и все знали всё о каждом. И только незнакомец ступал в село, как на другом конце деревни уже знали, что за пгига был он в школе, сколько детей имел от первой жены и какой косметикой пользовалась прабабушка по линии матери, опутывая амурными сетями его прадеда по линии отца.

— Ходят слухи — ты дал за него девятнадцать сотен? — аппетитно смаковал конюх свой вопрос и хлеб, намазанный маргарином.

Михэлущэ роняет мыло в траву. Сказать, что уплатил недорого — завидовать станут; загнуть побольше — за дурака найдут. Хотел он удивить село, неожиданно появившись на мотоцикле, а этот опередил событие и теперь нетерпеливо выискивает в его коммерческой сделке какой-нибудь ксмический нюанс, чтобы сделать его достоянием всего села

Пока поймал грузовик, чтоб одолжить ведро бензина, пока договорился с завгаром насчет автола, двор набился родственниками и просто любопытствующими. Все хотели оценить мотоцикл. Не возразили бы они и против «обмывки».

Дети шлифовали фару, два брата-близнеца готовы были оспорить свое превосходство в технических знаниях посредством кулаков. Мужчины громко бились над актуальной проблемой села: когда, наконец, магазины будут набиты мотоциклами, как сейчас примусами и телевизорами, а женщины, скрестив руки на животе, словно находясь «на седьмом месяце», обсуждали меру наказания для Веруни Прикоки, которая не выходит в поле: то ли урезать ей приусадебный участок, то ли оштрафовать на пять рублей?! Сельчане низко не удивлялись покупке, говоря, что такие ныне времена: цыган вставляет золотые зубы, а молдаванин с ума сходит по мотоциклу, хвалили мотоцикл Михэлущэ, и чтоб сделать ему приятное, справлялись, не надумал ли он продать его. А старуха Пакица, которая отроду не решалась воспользоваться «средством передвижения», мощностъ которого насчитывала больше двух, да и то запряженных в подводу, лошадиных сил, принялась плести, что, якобы Веня-вор, похороненный у самой кладбищенской ограды, не успокоился полностью, поднимается в полночь и шляется по селу,

как привидение, расправляясь с чужими замками и задвижками. Одна ее племянница оставила на днях на проволоке белье и, несмотря на страшного пса, который из любого сделал бы кусочки, — к утру одна рубашка с кружевами исчезла: кто другой мог позариться на чужое добро, как не Веня-вор?

— Если верить вам, — икает от смеха Михэлуцэ, — этот мотоцикл тоже может... тютю. В неизвестном направлении!..

В конце концов Михэлуцэ эффектно заводит мотор, небрежно бросает жене, чтоб та спустила с чердака мотоциклетный шлем и... был таков.

Из предосторожности выехал в поле. Чтоб не оконфузиться, если техника забарахлит. Но недаром же он расщеплял каждую спичку надвое, методично втолковывал дражайшей, что замужней женщине вовсе не зазорно совершать воскресные прогулки в штопаных чулках, недаром после свадьбы он не был ни разу в кино, подгоняя копейку к копейке: мотоцикл был послушен, словно слился с ним в одно целое. Убедившись, что механизм не подведет, поколесил по селу, выбирая самые людные места, зарулил в переулочек, где звенела свадьба, произвел там полный фурор, переключив все внимание с невесты на свою, по королевски восседающую в седле, личность.

Дома жена готовила закуску. Заметив мужа, тут же откомандировала его в магазин за селедкой. Михэлуцэ не отказывался. Имея транспорт, что стоит добраться до какого-то Хырбово? Семь километров туда, семь обратно — суший пустяк!

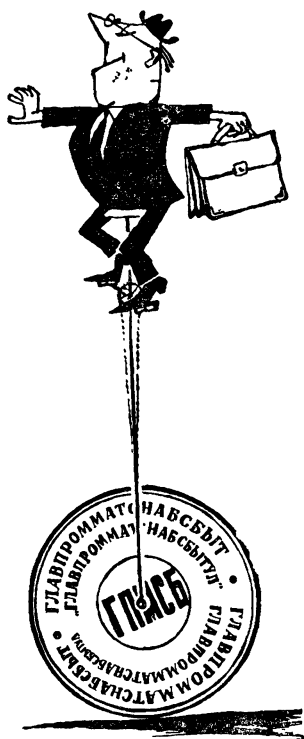
В Хырбово магазин был закрыт и Михэлуцэ направляется в следующее село. Но оказалось, что у местных торговых деятелей сегодня свидание с прокурором и пока не известно через сколько лет они вернутся, в третьем селе самому буфетчику из всех сортов рыбы известен был один — рыба мороженная.

Вернувшись домой, Михэлуцэ застал заскучавших от столь долгого ожидания гостей. Кто курил, кто пил воду. Потому что ведро воды по калориям заменяет одно яйцо. Вместо сочувствий за проделанную впустую дорогу, жена обрушила на Михэлуцэ поток обвинений. Потому что, оказывается, в местном магазине столько селедки, что хоть грузи ее вилами.

После ухода гостей Михэлуцэ тщательно пересчитывает все гаечные ключи и отвертки, — неровен час сопрут, —

стирает с колес пыль, а, улегшись в постель, долго ворочается, пытаясь отогнать мешавшие уснуть причудливые картины. И во всех видениях он один почему-то разъезжал на мотоцикле, а все село, — председатель сельпо включительно, — ходило пешком.

Проснувшись поздно ночью, ему вдруг почудилось, что кто-то возится у дверей сарая, в котором заперт мотоцикл. Как нарочно вспомнились небылицы старухи Пакицы о Велене-воре, который ходит ночами от сарая к сараю. То, что днем казалось бабьей выдумкой, осколком прошлого, теперь, в кромешной темноте, приняло новый оттенок, показалось чем-то реальным. Тогда Михэлукэ снимает с гвоздя дробовик, закрывает глаза и пускает в потолок два залпа.

Любимый номер

Рис. Ю. Римянцева

Григорий ПЕРОВ

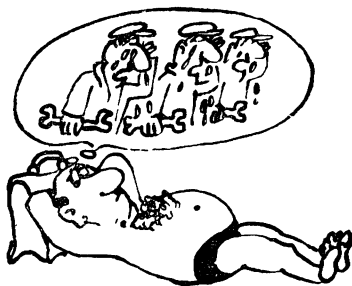
ВОЛШЕБНАЯ ПУТЕВКА

Начальник с путевкой уехал,
И шумно вздохнула в конторе
Сотрудников дружная рать:
«Желаем в леченьи успеха,
Желаем на солнечном взморье
Подольше ему загорать!»

Хотя, говоря о Боброве, —
Бобров в превосходном здоровье:
Он может с восьми до пяти,
Лишая себя перерыва,
Настойчиво и кропотливо
Со штатом работу вести.

С утра он, нахмурясь сурово,
К себе персонал вызывает
И сразу с тремя говорит —
Разнос учиняет Петрову,
Мозги Иванову вправляет,
Васильеву ставит на вид.

Печальней, чем марш похоронный,
По спискам, составленным четко,
В угрюмом предчувствии бед,
Конвейером рать подчиненных
Вступает на браньобработку
В просторный его кабинет.

Растет, что ни год, пропускная
Способность начальника в тресте —
Уже стопроцентный охват,
Но тот, кто начальника знает,
Уверен, что вскоре на двести
Охватит он свой аппарат.

А нынче словесная порка
На месяц утихла в конторе,
И пусть без путевки Петров, —
Но все говорят, что с тех пор как
Бобров загорает на взморье,
Петров совершенно здоров.

Притом деловой обстановке
Тот отпуск совсем не мешает
И даже на пользу идет,
Поскольку по данной путевке
Один человек отдыхает
И могут работать пятьсот.

БАЛЛАДА О НЕРВАХ

Черт возьми, или по-вашему на
мне легче играть, чем на дудке?
Шекспир. «Гамлет».

А вам не кажется, что нервы —
Проблема нынче номер первый?

И если ставить тему площе —
В разрезе узко бытовом,
Не в них ли каждая жилплощадь,
Любая комната и дом?

Сегодня меж трудов безмерных
Установить мне довелось,
Что мастеров играть на нервах
Куда как много развелось.

Себя считает вправе каждый
В упорных пойсках утех
Играть на нервах прочих граждан,
Поскольку нервы есть у всех.

Чтобы играть на барабане,
Необходимо дарованье,
А чтоб играть на нервах — нет?

Неужто нервы вашей тещи
Или свояченицы проще,
Чем контрабас или кларнет?

Ваш муж, мадам, не исключенье:
Нельзя на нем пиликать год
Без божества, без вдохновенья,
Без соответствующих нот.

А разве женам было б хуже,
Когда бы, взвесив каждый шанс,
Они играли не на муже,
А, предположим, в преферанс?

Чтоб выступать в оркестре клуба,
Кончают техникум не вдруг.
Так почему на нервах друга
По слуху тренькать может друг?

Он столько нот берет неверных,
Что скажем типу напролом:
«Ты не спеши играть на нервах,
Ты получи сперва диплом.

Ты получи диплом, во-первых,
И сам подумай, во-вторых:
Зачем играть на чьих-то нервах?
Играй на собственных своих.

А если в собственности тесно,
То выбор есть в твоей игре:
Концерт для нервов и оркестра
Сбренчи на мусорном ведре».

МУЖЧИНА В ДОМЕ

Я год назад вселился в дом
И в свете годовщины
Признаться должен со стыдом,
Что хоть живу все время в нем,
Но в доме нет мужчины.
Когда течет на кухне кран,
А в спальне скачут мыши,
Когда молчит телеэкран,
А гром — в дырявой крыше,
Я знаю, мыши ни при чем
И корень зла не в громе,
А все несчастье только в том,

Что нет мужчины в доме.
Сосед в гостиной тешет тес,
Сгребают уголь в угол,
Ковер с оленями принес,
Похожими на пугал.
В моей душе — безмолвный стон,
Укор жены мне страшен:
Да, есть мужчина в доме том
И нет мужчины в нашем!
Ах, как мне хочется, друзья,
Хоть раз в году забыться.
Я знаю — пьянствовать нельзя,
Но дайте мне напиться.
Когда начну слова низать
Из пьяной чертовщины,
Пускай попробуют сказать,
Что в доме нет мужчины!

БРАТЬЯМ-РЫБОЛОВАМ

Лучшая наживка — это муха.

Из «Справочника рыболова».

Рыболовы! Старики!
Не теряйте духу!
Нынче рыба из реки
Ловится на муху!

Я и сам бы вынуть мог
Вот такую глыбу...

Если б знал, как ловят мух...

Может быть, на рыбу?

РЫБЬЯ МЕСТЬ

— Моя расправа коротка с врагами, —
Воскликнул Лев, —
Съедаю с потрохами.

— А я не лев, —

Змея свой хвост поджала, —
Исподтишка

вонзаю в жертву жало.

— А я не кобра, —

Прошептала Вобла. —

Когда я на кого-нибудь в обиде,

Я съесть себя даю

В несвежем виде.

Рис. Ю. Румянцева

Леонид БУСУЙОК

ПАПОЧКА, РАССКАЖИ СКАЗКУ...

Воспитание такого чада, как мой Дэнуч, — дело нешуточное. Тут, даже вооружившись пособием по психологии дошкольников, вряд ли сведешь концы с концами.

Вот недавно выдался денек, спутал сынишка все мои воспитательно-психологические установки. Возвращается, значит, его светлость вечером из садика и эдак кротко просит:

— Папочка, расскажи сказку...

Задумался я. Это еще что за феномен с точки зрения современной психологии и педагогики? Кидаюсь, как обычно, к учебнику психологии. Пробегаю глазами содержание. Где там! Главу о сказках днем с огнем не сыщешь.

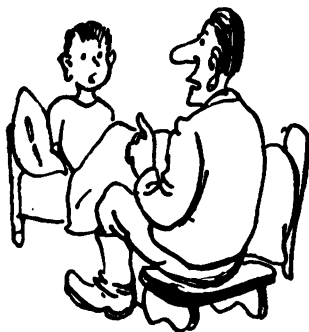
— Папочка, расскажешь мне сказку?

Отбрасываю учебник и пытаюсь одолеть возникшие трудности, так сказать, эмпирическим путем. Жизненный опыт богаче любого учебника или пособия, стало быть, — вперед без страха и сомненья!

— Сказку, Дэнуч? Как же папа тебе не расскажет?... Для папы это легче легкого. Суший пустяк! Вот, значит... Жил-был... Был-жил... Как говорится, в некотором царстве, в некотором государстве... А почему в царстве?

— Не знаю, папочка, почему.

— Ну, ничего, папа тебе объяснит... Сейчас разберем-

ся. Был, значит, в том царстве лес. Да, лес. Огромный — огромный. А в лесу том, милый Дэнущ... Как ты думаешь, что было в лесу?

— Грибы, папочка.

— Грибы, грибы! Нашел с чего начать. А деревья были в том лесу? Да, сынок, в том лесу были деревья... Очень много деревьев. Как в сказках говорится... Так, много, что ни в сказке сказать, ни пером описать...

Дэнущ мой притих и внимательно слушает. Ждет, что дальше. К чему веду. С горем пополам добрал я до этого места.

— А кто шел среди этих деревьев, папочка?

— Как — кто? Разве не знаешь? Если кто-то шел среди деревьев, кто же это мог быть?

— Девочка, папуля.

— Разумеется, девочка... Уж не девочка ли в красном чепчике?.. Погоди, как там ее звали?

— Красная Шапочка, папуля.

— Совершенно верно. Шла Красная Шапочка по лесу, шла, шла... Но куда шла? Вот в чем вопрос!

— Красная Шапочка, папуля, повстречала волка...

— О да, сыночек, дай я тебя поцелую. В том-то и дело, что она повстречала волка. И какого волка! Чудовище. Громадина. Как это в сказках говорится: такой большой, что ни в сказке сказать, ни пером описать... О, господи.

— Папочка, что с тобой? Голова болит? На лбу у тебя капельки...

— Слушай, сыночек, слушай дальше... На чем же мы остановились? Шел, значит, по лесу волк... То есть, нет, шла Красная Шапочка, повстречала волка — ну, и чтобы скорей закончить, волк слопал девочку...

— Ты что, папочка? Волк ее не съел! Он спросил, куда идешь, Красная Шапочка...

— Что? Вот тебе на... Конечно, не съел, с чего бы это он стал ее есть? Это же был волк не из таких... Добрый, мудрый, даже симпатичный волк. Ну, прямо-таки хотелось почесать у него за ухом. И вот, значит, спрашивает волк: «Куда бредешь, Красная Шапочка, чего тебе дома не сидится?..» Любопытно, конца-краю не видно этой сказке...

— Папуля, а Красная Шапочка ответила, что идет к бабушке, которая живет за лесом, в соседнем селе, несет ей кушанье.

— Чудесно, сыночек! Умница. Именно так и ответила

Шапочка. Чего ей пускаться в долгие разговоры? Когда имеешь дело с волком, надо отвечать кратко, по существу. «Так, мол, и так. Иду к бабушке в соседнее село, а ты, пожалуйста, меня не трогай». А волк? Как по-твоему, Дэнуч, что мог ей ответить волк?

— Волк, папочка, ничего не ответил. Он побежал незаметной дорогой и добрался до бабушки раньше Красной Шапочки.

— Ну, конечно. Еще бы, у волка ноги быстрые. Допустим, побежал окольным путем. Допустим, раньше девочки появился у бабушки. А потом? Трудно предположить, Дэнуч, что сказка обрывается перед кульминацией?

— Я таких слов не знаю, папочка. Знаю, что Красная Шапочка шла с полянки на полянку и собирала цветы.

— Цветы?! Ах, да, конечно, летом в любом лесу полным полно цветов. И она, значит, собирала цветы? Собирала! Ну и что с того? Ничего из этого факта не извлечешь, хоть головой об стенку бейся. Цветы — они и останутся цветами. Но если мы вернемся к ходу сказки, то за цветами последует... Как по-твоему, Дэнуч, что там последует?..

Вот так, друзья мои, по-хорошему, по-отцовски, беседовал я с ним, а он, сорванец, нет чтобы слушать меня внимательно, учиться уму-разуму — ёрзает, так и норовит улизнуть во двор. Но я его настигаю, цап за штанишки и не без укора спрашиваю:

— Слушай, чертенок, а ради кого я стараюсь, мучаюсь? Сам просишь папу рассказать тебе сказку и даже не хочешь дослушать до конца...

— Пусти, папочка,пусти меня... Я тебе завтра доскажу.... А сейчас мне охота поиграть...

Ну, думаю, характерец у ребенка. Работать с ним надо. Воспитывать. Но как?..

ВСЕЛЕНИЕ ИОНА ПЭДУРЕ

...Эге, милый шурин, должно быть, годик с гаком прошел, как мы не виделись, скажу по чести...

То есть, погоди, что-то я тебя совсем заговорил, а бутылка зря греется. Ну, здоровья, долгих лет! И еще добавлю: когда нам будет плохо, пусть нам будет не хуже, чем теперь...

М-да, милый шурин, вот я говорю, а ты запомни: если человек смеется над собой, значит, есть над чем!

Подумать только... Не я ли и тогда звался Ионел Пэдуре, не я ли и нынче откликаюсь на это имя — Ионел Пэдуре? В том-то и дело... Вспоминаю, понимаешь, и смеюсь... Смеюсь над собой... Совсем другим был... До чего же, братец,

меняется и человек, и понятия его!..

И вот, значит, я, рабочий маслобойного завода Ионел Пэдуре, должен был получить жилье. А по-городскому, стало быть, квартиру. В многоэтажном доме. А для того, любезный мой шурин, чтобы получить квартиру, нужны, к твоему сведению, две вещи: первым делом, ордер, а во-вторых... во-вторых, опять же ордер...

Как видишь, — хоть и нечасто навещаешь в город, забываешь родичей, да и шурика, меня то есть, забываешь, но так и быть, и на этот раз прощаю, — как сам видишь, высокие дома растут у нас, как грибы, ну, и горсовет выдает тебе ордер, а ты только расписаться не забудь...

Беру я, сам понимаешь, ордер, иду в жилищную контору, к управдому, где еще раз ставлю подпись и беру ключи.

— Ваша квартира восьмая, — коротко сказал мне управдом, у которого хлопот полон рот: столько людей вселить надо, домина такой, что в него, пожалуй поместится половина жителей наших Брумарешт.

До тех пор я, Ионел Пэдуре, еще держал фасон, а что потом приключилось со мной и сердцем моим, — даже не спрашивай.

Ну, еще по чарочке... Будем здоровы!

Поверишь ли, мой любезный шурин, когда открыл я дверь и впервые в жизни увидел квартиру номер восемь, то бишь эту, в которой живем... здоровья всем нам и вам тоже... как увидел — так у Ионела Пэдуре, у меня, значит, — челюсть вот так отвисла. Конечно, потом я овладел собой, закрыл рот, но удивлению моему предела не было.

Паркет, братец, ослепил меня, как зеркало. Ну и понятия у меня тогда были! Пронзил меня в самое сердце паркет. А что, думал я, обыкновенный дощатый пол — не к лицу

мне? Вредно для здоровья, что ли? А то, понимаешь ли, паркет во всем блеске... Впрочем, сам видишь, мы же выпили самую малость...

Никушор! Подыми-ка угол ковра, пусть дядя Василе посмотрит наш паркет!..

Вот я и говорю — как зеркало, бриться можно. По правде говоря, я тогда ступить не смел на этот паркет! У нас в Брумарештах паркет не водились, больше к глиняным полам приучен — глины было вдоволь. Набрался я духу, иду: надо же посмотреть хоромы, которые государство выделило его величеству рабочему Ионелу Пэдуре. Открываю одну дверь, другую и опять, любезный мой шурин, обомлел.

Баня на дому!

И какая баня! Вся в кафельных плитках, белизна, шик, блеск! Когда я в старой армии был денщиком у господина полковника, тогда я такую видел. А злой был полковник Немеш, душу из солдат выматывал...

Закусывай, закусывай, любезный шурин, и когда нам будет плохо, пусть нам будет не хуже, чем теперь...

Да, чтоб не забыть... Забавно текли мои мысли тогда, даже внукам расскажу, — пусть знают, что за штука — жизнь.

Ну и ну, — думалось мне, — только этого тебе не хватало. Небось мог бы Ионел Пэдуре сходить и в общую баню, до нее же рукой подать. А тут тебе кафель, никелированные трубки... Рассматриваю я все это, трогаю пальцами, а был я трезв, как стеклышко: до нового года было еще не близко... Потом выскакиваю из квартиры и — бегом к управдому: не иначе, думаю, ошибка вышла, перепутал управдом в спешке. Не иначе, думаю, жилье номер восемь предназначено какому-нибудь очень заслуженному человеку.

— Нет, нет, — говорит управдом, — восьмая квартира — ваша. В каждой из 48 квартир вашего дома есть ванная. Или вы предпочитаете домашнюю парилку?

Сообразил я, что шутит управдом, а то мог бы сгоряча наговорить лишнего, потому как был в растрепанных чувствах.

Продолжаю, стало быть, осмотр моего дворца. Вхожу на кухню. Сама кухня, скажу я тебе, любезный шурин, показалась мне просторней той хатенки, где мы раньше обретались. Тут по соседству... Собственно, ее уже нет: пошла под снос. Как мы из нее выбрались, подкатил бульдозер и стал расчищать площадку под новый большой дом. Оглядываю я кухню и сам себя убеждаю: нечего диву даваться, такой, вер-

но, и должна быть кухня, чтобы Настасья могла развернуться во всю. Ну, думал я, увидит Настасья кухню — и в обморок от избытка чувств. Ничуть не бывало. Ты же Настасью знаешь. Все принимает, как должное. И в тот раз — ни капли удивления. Я ей тогда чуть не сказал...

Настасья, эй, Настасья! Выпей винца с моим шурином, он же тебе все-таки брат!.. Что ты там столько возишься с детьми?..

...Такие дела, любезный. А в кухне, смотрю, плита белая, то же глянцевая. У меня аж мурашки по спине. Вышел на лестничную площадку, осторожно спрашиваю прохожего:

— Что это за плиты такие на кухне?

— А что, — на ходу поинтересовался тот, — неисправная?

Кумекаешь, любезный мой шуринок? Дают Ионелу Пэдуре, то бишь мне, отменную квартиру, с паркетом, с ванной. И чтобы товарищ Ионел Пэдуре не изволил выражать неудовольствия, дают ему и белую газовую плиту с духовкой. Поверишь ли, пришло мне тогда в голову:

— А может, товарищи, вы уж заодно подадите мне и автомобиль к подъезду, и трубку, чтобы попыхивал ею, как приму ванну!..

По правде говоря, любезный мой шуринок, вдруг какая-то досада меня взяла: все будто с неба валится на тебя, как некая манна небесная...

А к чему мы с тобой, Василе, в старину были привычны? Подслеповатые хатенки, наследство былого... Ионел Пэдуре и мечтать не мог о чем-то ином, более путном. Нынче я, конечно, сам смеюсь над прежними своими понятиями. Оттого и говорю, любезный мой шуринок: если человек смеется над собой, значит, есть над чем...

Ну, еще по стаканчику, ведь почти целый год не виделась...

— Вот какое дело, Ионел, — заговорил и Василе Цымбалу, почтительно слушавший до тех пор излияния своего шурика, — рассказ твой, спору нет, интересен. Вся штука в том, что ты мне эту историю уже дважды рассказывал: первый раз, вспомни, когда мы с тещей приезжали за покупками к свадьбе Антона, тоже в одно из воскресений. Потом — прошлым летом, когда ты в отпуск приезжал в Брума-решты.

— Неужто рассказывал? Да, что-то память стала сдавать.. Старею, видимо... Как-никак, пятьдесят пятый годок. А ты слушай да на ус наматывай. И вот что я добавлю. Ду-

май обо мне, что хочешь, но я эту историю и внукам своим расскажу... А может, и твоим внукам. Потому что, любезный мой Василе, меняются у человека понятия, меняется душа, и перемена эта — со смыслом, братец, если только умеешь пораскинуть мозгами...

Рис. Ю. Румянцева

— Выпьем за упокой барана, которого съели волки...

Рис. Ю. Румянцева

Рис. А. Грабко

С. МИРОН-БРЭЙКОВЯНУ

П Е Т Р Е Л

Василе Чучу замедлил шаг и, убедившись, что никто их не подслушивает, зашептал:

— Петрел, ты мне друг?

— Друг. А что? — удивился тот.

— Могу я с тобой поговорить? Только так: здесь говорим, тут и остается.

— Ну, говори, — соглашается Петрел.

— У тебя на ферме много свиноматок. Не сегодня-завтра будут и поросята. Да что я тебе говорю! Ты же это лучше знаешь. Как бы тебя попросить... Ну, сам понимаешь!

— Думаешь, смогу?

— Петрел, не даром же!

— Понимаю, но это невозможно. Купи на базаре.

— На базаре? — Василе Чучу сморщился, как от щекотки. — Теперь все ищут на базаре. А где покупателей густо, там товару пусто.

— Не могу, Василе, — вздохнул Петрел.

— Не можешь?! Ты же заведующий фермой!

— Не спорю, но соображай и сам: что подумают обо мне?

— Петрел, мы же люди!

— Люди не люди, но чего не могу, того не могу.

— Боишься, думаешь, узнают? Смотри сюда! А я-то кто? Я могила!

— Знаю, но...

— Петрел, плачѹ, сколько бы ни стоило! Знаю, что даю своему человеку, и потому не жалко.

И Петрел стал сдаваться.

— Ладно, подумаю. Подожди до опороса.

— Это другой разговор. Дай руку!..

Всю неделю Петрел чувствовал себя, как заяц под дулом охотника, — Василе ходил за ним по пятам. А когда на ферме начался опорос, тот и вовсе прилип к заведующему:

— Петря, Петрикэ, Петрел!..

Столько нежных слов, что зав. фермой даже краснел. Краснел, но все еще упирался.

— Не могу, Василе, стыдно мне.

— Стыдно! — возмущался Василе. — Да ты что, ребенок? Не обеднеет же колхоз из-за какого-то несчастного поросенка.

— Не обеднеет, но сам подумай...

И Василе думал, но все в том же духе.

— Петря! Ну, Петрикэ! Петрел! Просил бы молока от яловой коровы, и та бы уже дала. Будь человеком, мы же свои люди. Сделай. доброе дело.

Надоело все это Петре, хуже некуда. Хотелось плюнуть и бежать с фермы.

— Хорошо, — сдался он наконец. — Приходи завтра после обеда, когда народу будет поменьше...

На следующий день Василе Чучу с мешком под мышкой и бутылкой в кармане стал пробираться на ферму. Петря встретил его за околицей, взял у него мешок и ушел.

И вот настал желанный миг. Петря показался с завязанным, мешком, потом поставил мешок на землю у ног приятеля.

Василе Чучу глянул исподтишка: довольно крупный! Вынул бутылку, стакан и налил.

— Пей на здоровье!

Петрел выпил. Василе налил еще. Чем вино крепче, тем душа у человек мягче.

— Во сколько обойдется?

— Хватит с тебя и угощенья. Будь здоров!

— Ну что ты, Петрикэ! За кого меня принимаешь?

Петря схватил его за руку:

— Не надо. Встретимся в другом месте. А теперь дуй отсюда, пока никто не заметил...

Василе Чучу без лишних слов схватил мешок и давай-давай за ферму, через гору. Даже если кто-нибудь и встретит, ничего толком не поймет, подумает, что с базара.

Но у самого села черт вынес ему навстречу Думитру Стратана. С ним, когда столкнешься, потеряешь полдня: говорит, говорит, будто у него два языка.

Волей-неволей Василе останавливается и кладет мешок рядом. Поговорили, покурили. И вдруг Думитру замечает, что мешок шевелится.

— Василе, что у тебя в мешке?

— Так... гусь, — отвечает тот нехотя.

— А почему не гогочет?

— Куда там! И не шипит.

Думитру Стратан протягивает руку и шупает мешок.

— В самом деле, что у тебя там?

— Поросятка купил, — без особой охоты признается Василе.

— И во сколько обошелся?

— Заодно с магарычом около сорока рублей.

— Дорого! Ну-ка посмотрим, стоит ли он этих денег.

Думитру Стратан развязывает мешок, заглядывает туда и тут же отскакивает обратно.

— Ты, Василе, шутишь. Ты всегда любил пошутить.

— Завяжи мешок, — говорит Василе.

Но в это время из мешка высовывается странная голова.

— Это же собака! — удивляется Стратан.

Здоровый пес вылезает из мешка и ленивой походкой — видно, ноги затекли — уходит в сторону села.

— Пошел! Ууу! — кричит ему вдогонку Стратан. Потом, обращаясь к Василе: — А здорово ты надо мной подшутил.

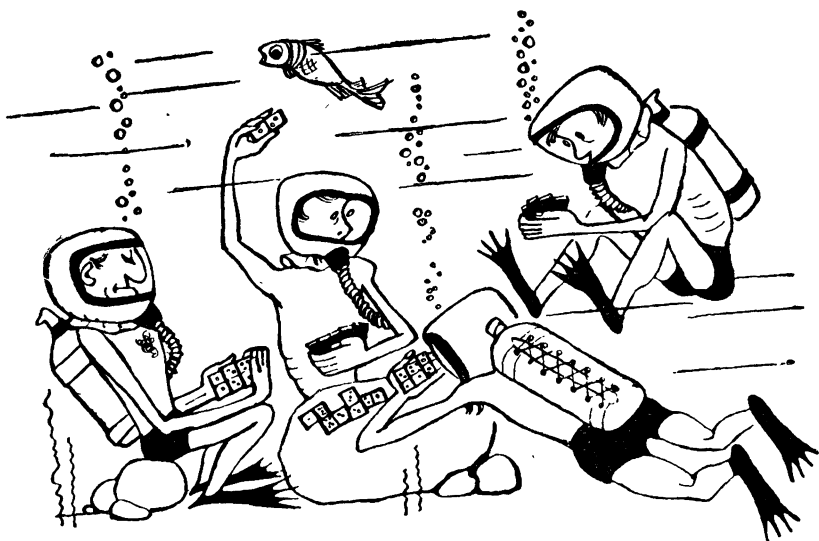
— Я такой! — соглашается Василе. — Я пошутить люблю...

А сам все смотрит вслед собаке. Не верится ему, что поросенок мог превратиться в пса. Тут что-то другое.

Профессиональная привычка репортера: «Извини, мама, что долго не писал: не было фактов».

* * *

Пишет, как начинающий. А пьет, как классик!

РЫБА!!!

Рис. Ю. Румянцева

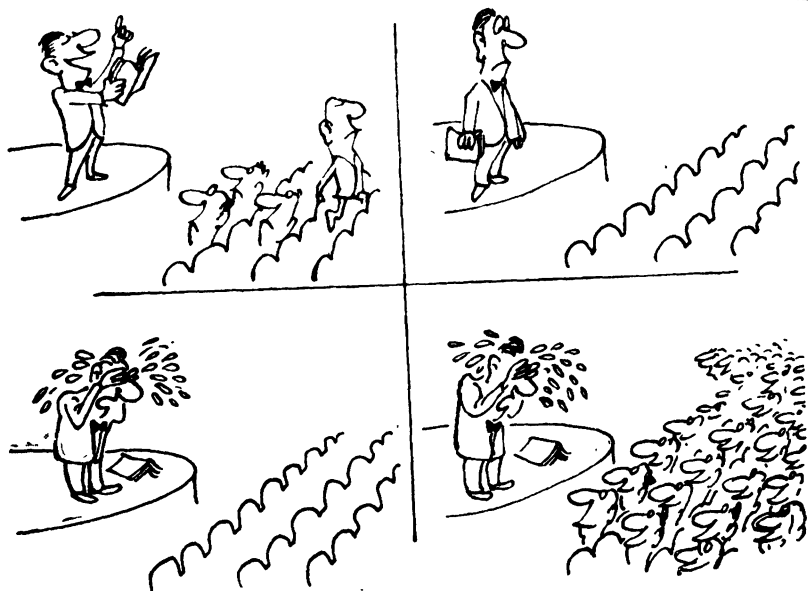

Рис. А. Грабко

Аркадий МАЛАШЕНКО

ПОВЕЗЛО

Кому Петя завидовал по-настоящему, так это старшей сестре Рае.

Рая училась в пединституте и знала множество секретов. К примеру, если она что-то забывала дома и приходилось вернуться, то на пороге три раза плевала через левое плечо — и все в порядке: никаких «невезений».

Особенно безотказно действовал у Раи «секрет с билетом». Купив в автобусе билет, подсчитываешь на нем цифры. Если сумма первой тройки чисел равна сумме оставшихся трех — тебя ждет большая удача. Только после подсчетов надо тут же билет съесть. Дважды у Раи цифры совпадали, когда она ехала сдавать экзамены. И что вы думаете? Оба раза она получила «отлично». Рая была на третьем курсе и все три года училась на круглые пятерки! А если бы не повезло!

А вот Пете такие билеты не попадались. Не попадались до того самого воскресенья, когда в город приехал цирк.

«Только одно представление!» — кричали афиши.

Почти не сомкнул глаз в эту ночь Петя. Так он любил цирк. Утром не помнил, как умылся, что ел, как оделся. Наконец, все позади. В кармане обещанные 50 копеек «на галерку», да два пятака на проезд.

В автобусе Петя взял билет — и не поверил своим глазам — 684486. Сумма от «секретного» сложения полностью совпадала. Теперь надо билет съесть. Петя начал жевать его. Бумага пахла касторкой и калошами и никак не глоталась. Но Петя все-таки проглотил: нельзя было упускать такой счастливый случай. Должно же когда-нибудь и ему повезти!

Но тут вошел контролер. Что было дальше — вы догадываетесь. Он оштрафовал Петю ровно на 50 копеек. И Петя не попал в цирк. Не попал, хотя ему так повезло с билетом!

Первый раз в жизни.

ОТКРЫТИЕ

Папа у Кеши ученый. Сейчас он собирался делать новое научное открытие. Поэтому последние дни главным занятием Кеши было стараться не шуметь.

Кеша так старался, что мама делала большие глаза и в ужасе воздевала руки. Как в немом кино. Потому что мама ужасалась и жестикулировала молча. Когда Кешина борьба с шумом доходила до апогея, — появлялся папа. Сначала рассеянно, потом с интересом он разглядывал очередные обломки или осколки и спрашивал:

— Что, Карфаген опять разрушен?

— Не, папа. Это супница упала. Ее никто не трогал. Стояла себе, потом — раз...

Вообще-то у папы была удивительная привычка садиться работать именно тогда, когда по телевизору кинозал «Гайдаровец» показывал новый фильм или когда его, Кешины, войска, состоящие из конницы-стульев и бронепоезд-книжного шкафа, с криками «Ура» должны опрокинуть «неприятеля» — четыре кухонные табуретки. А какая же атака может быть без «Ура» и залпов бронепоезда? Никакая. Так себе, баловство одно.

Но, наконец, наступил день, когда папа собрался защищать диссертацию. Когда он одевался, Кеша ему посоветовал:

— Ты возьми дядю Федю со второго этажа. Он здоровый, штангист. Вдвоем вам легче будет защищать диссертацию.

Но папа, видимо, так был взволнован, что не обратил на очень дельный Кешин совет никакого внимания.

Папино открытие всех потрясло, как говорила мама. Папа научным путем доказал, что рыба-карась может шесть месяцев не есть. Он этот опыт проделал в домашних условиях.

Вечером дома собрались гости. Они говорили речи, пили шампанское, ходили смотреть на рыбок, и снова пили шампанское и говорили речи.

Один Кеша сидел грустный и даже отказался от пирожного под названием «эклер». Он-то все знал про открытие.

Просто Кеша не мог смотреть как мучают «животных», и когда папы не было дома, кормил рыбок.

Шесть месяцев подряд.

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Ко мне в квартиру забрался вор. Увидев, что я не сплю, он разозлился.

— Тихо! — приказал. — А то я тебя ножиком зарежу.

— Режь, — отвечаю. — Я и сам хотел это сделать, да последний нож пропил.

— Пить нехорошо, — пожурил вор. — Пить — здоровью вредить! Где что у тебя лежит, чтоб по-быстрому...

— Да, ничего, — отвечаю — нет. Все просадил. Грязная ватная куртка осталась и кеды. Совсем рваные кеды, ничего за них не дают. Пробовал уже. Правда, есть книга «О вкусной и здоровой пище». Возьми. Может удасться загнать. У меня ничего не получилось.

Вор уселся на подоконник, так как стулья я пропил еще в прошлом году, и засомневался:

— Так уж ничего и нет?

Заплакал я тут.

— Ладно, — отвечаю. — Грабь. На кухне три пустых бутылки 0,7 и одна 0,5. На два стакана столового красного хватит.

Совсем сник вор, хотел было назад в окно уходить. А я его за воротник.

— Куда! — останавливаю. — Кричать буду!

— Пусти, — просит. — На вот два рубля 37 копеек. Больше у меня нету.

— А пальто, — говорю. — Рублей десять за него дадут. Да и за кепченку рублишко выбью.

Жилет я ему оставил. Плохонький был, честно говоря, жилет.

Копейки за него не дадут.

Вовочка, скажи папочке, кого ты больше любишь?..

Рис. А. Грабко

Константин КОНДРЯ

П Е Р Е В О Д

В 1940 году, когда была освобождена Бессарабия, русского языка я не знал. Чтобы хоть немного усовершенствоваться в этой области, я начал читать детские учебники. В них, как вам известно, часто встречаются стихи знаменитого баснописца Крылова. Они мне страшно нравились. Русский, можно сказать, я выучил при помощи басен Крылова.

По-видимому, это наложило отпечаток на мою речь. Когда я сегодня говорю кому-либо, что знаю русский язык, непременно слышу в ответ: «Не рассказывай басни».

В ту пору я звался начинающим поэтом, только я не знал... с чего начать. И вдруг меня осенило: давай переводить Крылова. В русской грамоте я не шибко разобрался,

и, как вы уже догадываетесь, в моем переводе были некоторые отклонения от оригинала. Вот, к примеру, как звучала по-молдавски известная басня «Ворона и Лисица»:

*Держа во рту свой знаменитый
сыр,
На ель Ворона взгромоздилась,
От голода урча, Лиса на
сырный дух явилась
И, щедрый предвкушая пир,
Под деревом остановилась.
Сидит на дереве и думает*

Варона:

*«Сейчас начнет хвалить определенно...»
Лиса ж как будто в рот воды набрала.
Утратив свой медовый голосок,
С Вороны глаз не сводит — и молчок,
Так времени прошло немало,
Быть может, час, а то и больший срок.
Глазами ела сыр Лисица,
Похвал ждала Ворона, чуть дыша.
Но под конец не вытерпела птица,
Сыр вынула из клюва, не спеша,
С собою положила рядом.
— Ты, — говорит, — чего ж это, Лиса,
Не восхищаешься моим нарядом
И моего не хвалишь голоса?
Иль сыр любить ты перестала,
Или Крылова не читала?
Так слушай же... —
И каркнула она,
Да так, что ветвь под нею закачалась.
Как пьяная, Лисица заметалась.
— О, пощади, моя была вина,
Схитрила я тогда, — воскликнула она. —
Меня и нынче голод мучит,
Но каркать перестань, молю;
Я с голоду погибну лучше,
Но пенья твоего не похвалю!*

Мой перевод был хорошо принят. Некоторые ценители (даже из научного мира) стали говорить о новом и интересном прочтении баснописца. Успех меня «окрыловил». Я даже поднялся на ступеньку выше — из «начинающего» сразу стал «молодым и растущим». Только я не знал, в каком направлении расти. И снова обратился к Крылову.

Знаете, есть у него такая басня... забыл название... Короче говоря, там Ворона вызывает на соревнование по пению Соловья, а Осел судит состязание певцов. Так вот, именно эту басню я и решил перевести.

Перевод шел гладко — до решения Осла. Там снова меня подвело незнание русского языка.

*Ворона с Соловьем
Тягаться вздумали эстрадным мастерством
И вызвали Осла, чтоб был он им судьей.
Вот каждый спел по песенке одной
И стали ждать ослиного решения.*

Осел задумался.

— Пожалуй, что Ворона... —

Прожамлил он, но тут же спохватясь:

— Нет, Соловей сильнее определенно... —

Сказал и удалился, не простясь.

За ним Ворона бросилась вдогонку.

— Ну, нет, — кричит, — так это не пройдет!

Ты уверял когда-то, что наоборот,

Ворона лучше Соловья поет.

И твой ослиный суд записан мной на пленку...

— Все это так, — сказал Осел со вздохом, —

Я и сейчас тебя бы предпочел.

Но не могу. Не та теперь эпоха —

Все будут говорить, что я Осел.

На этом моя переводческая деятельность закончилась. Один из героев этой басни, бывший в ту пору моим начальником, вызвал меня и властно спросил:

— Как вас понимать?

— Никак, — пробормотал я, — видите, это Крылов... Я только... переводил...

— Ага, — многозначительно произнес он. — Так разрешите мне тоже заняться переводом.

И перевел... меня... на самую низкую должность.

КРИТИКА ЗАЙЦЕВ

Собрались однажды зайцы написать жалобу на Лису.

— Напишем, что эта подлая тварь губит нашего брата, — начал старый заяц и пугливо оглянулся.

— Что она кровожадная bestия, — добавил другой и упал в обморок от страха.

Все дружно задрожали и пришли к выводу, что это слишком крепко сказано.

— Лучше тонкий намек, — предложил третий заяц. — Напишем, что Лиса груба и неучтива.

Так и написали.

Получив жалобу, Медведь сделал Лисе внушение. С того дня кума круто изменила свой нрав. Теперь, встретив зайца, она приветствует его, спрашивается о его здоровье.

И только потом съедает.

ЛУЧШИЙ ОРАТОР

В лесу состоялся конкурс на звание лучшего оратора.
Попугай и Ворона произносили длинные тирады, вкладывая в них все свое мастерство.

Лев рыкнул всего один раз и... и получил первую премию.
За убедительность.

КОТ-ХУДОЖНИК

Кот-художник
Вот уж много лет
Пишет с тигра
Свой автопортрет.

ФОРМУЛА ВЕЖЛИВОСТИ

О нем тактично говорят:
«Работает, как автомат...»
Поскольку, как известно всем,
Он не работает совсем.

Это был такой замысловатый ковер, что не сразу поймешь, кто его делал то ли бригада отличного качества, то ли группа бракоделов.

Аркадий ПАСЕЧНИК

А, Л А Д Н О!..

По нервам тут кто крайний? Ты, старая? Какая старая? Старая и есть! Лет-то тебе сколько? Ну и что, раз не мое дело? Думаешь, губы намазала — и помолодела? Короче — ты за кем? За этим очкариком? Ты тоже нервами маешься? Не, у меня нервы в порядке. Освидетельствоваться прислали. Зачем? А ты послушай.

Недавно зарплата была. Ну и, сам понимаешь, поддали мы. Выпили, значит. Давал, правда, я зарок бригаде, что не буду «отмечаться». А, ладно, думаю, еще разок, последний.

Так вот, закладываю спокойно, без шума. Я не буян, закон понимаю. Сообразили в кафе на троих, потом еще пару раз мороженым с вареньем закусили — и по домам. Я, правда, еще к Верке забежал. Хожу я с ней. Думаю все — жениться или нет? Чего-то говорили, а о чем, ей-богу, не помню.

Ночевал у себя в «общаге». Утром поднялся — тяжело! Но, думаю, ни-ни — давал зарок. Побежал на работу. Да как назло, ларек на углу оказался открытым. А, ладно, думаю, — в последний раз, забегу! Отметился.

А работаю я на мебельной. Спинки стульев клепаю. Обрабатываю их, значит, на наждаке. Опоздал маленько. Только в цех, а навстречу — мастер. «А ну, дыхни!» — го-

ворит. Не могу, говорю, Василь Дмитриевич. Горло болит. Но мастер потянул носом и говорит: «Все тайное становится явным: Европейское, 80 копеек литр». И стал стыдить меня. Хорошо так говорил: доверие, коллектив, рабочая честь.. Говорил-говорил, а потом: «А, ладно!..» — и пошел.

Прибегаю я к станку своему, а там уже кучу спинок из заготовительного накидали. Я за одну, другую — а они, как стиральные доски! В «буграх» все. Надо бы за мастером сбегать... А, ладно, думаю, сойдет! Обработал я их, эти доски стиральные, и точно, все сошло.

После смены решил я к Верке съездить. Выяснить хотел — о чем говорил вчера. Может натворил чего?.. Сел в автобус. Проехал пару остановок — стоп, машина! Вышел шофер, под капот слазил. Почесал затылок: «А, ладно! — говорит, — поехали!». Неуютно мне так стало после слов этих... И точно, не доехал я до Верки. До первого столба доехали.

Очнулся, глядь туда-сюда. Что за история, думаю, где это я? Грешным делом подумал, что опять поддал... Но гляжу, вокруг все в белых халатах крутятся, лежу я на каком-то прилавке, а надо мною зеркало круглое. Сообразил я — операционная. Отлегло. Не вытрезвитель все же, на работу сообщать не будут.

Сгрудились все возле меня — бок шупают. Товарищи доктора, говорю я им, кончайте вашу планерку. Мне к Верке надо. Обрадовались они (что жив я, значит). Потом один бородатый в глаза мне пальцем потыкал и говорит: «Типичный случай».

Тут я и обиделся. Какой такой типичный случай? Я сегодня и не пил, говорю им. Только опохмелился с утра после получки. А что, на свои кровные, говорю, выпить не могу в день получки?!

Стали они меня успокаивать: да что вы, да не думайте, да мы понимаем... У вас ребро вроде треснуто, надо проверить. Валяйте, говорю им. А сам лежу, скучаю, сестричкой, что около стола крутится, интересуюсь: узенький такой у неё халатик...

Все бы миром кончилось, да тут что-то притихли все. Смотрю — тот самый предетавительный, что в глаза мне тыкал, берет ножовку с метр длины и на меня смотрит. Долго смотрел. Потом так махнул рукой: «А, ладно», — говорит и ко мне подступает. Эх, как взвился я: знаем мы эти «ладно». И в окно рванул! Чего смеешься-то? Там не до смеху было.

Засомневался я, когда он, «а, ладно» сказал. Знаю я эти фокусы. Материалу, верно, не было. Или еще какая каверза. Ходи потом с каким-то обручем вместо ребра, обращайся в местком за помощью...

Так вот. Из больницы на работу сообщили. Требуют по нервам освидетельствоваться. А я чего, я здоров! И ребро целое. Вот такая история у меня вышла.

Да, а к Верке я потом забежал. Точно, наболтал я у нее в день получки. Замуж звал. И знаешь, что она ответила. «А, ладно!» — говорит. Каково, а?

О К О З А О К О

Я был заказчиком, а он — генподрядчиком. Принес я ему документацию. Берите, говорю, изучайте, конспектируйте и стройте мне завод.

— Построим, — сказал он. Мрачно как-то так... Мне это сразу не понравилось.

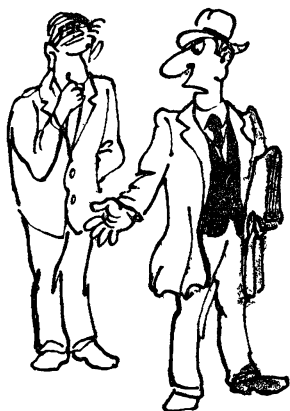
— Что-то мне сметы не нравятся, — задумчиво сказал он.

— И не сомневайтесь, уважаемый товарищ генподрядчик. Копеечка в копейку. Как на стройке, — польстил я ему.

— То-то и оно, что как на стройке. Мне надо — чтоб обложечка в обложечку были. А у тебя что: одна синяя, другая зеленая, третья вообще непонятного цвета... Ведь интерьер прорабской конторки испортим. Нет, нет! И не уговаривай. Весь комплект — в цвет «бордо»!

Переpleли. Пришел я опять к нему. Проверил все сначала. И опять стал задумчивый-задумчивый. Неуютно мне так стало. И неспроста. Посмотрел он один чертеж на свет и говорит:

— Ты хочешь, чтобы мы быстро построили тебе завод? Так вот, слабо у нас вторая смена организована. Потому — не видно ночью. Чертежи не разобрать. Говорят, в Прибалтике чертежи так делают — вся бумага черная, а сами ли-

нии — белые. В самую темень такой чертеж читается. Вот переделай так чертежи и приходи. И не уговаривай...

Через месяц он документацию у меня взял. А меня взяли в больницу...

А потом он мне строил. Как строил? Не спрашивайте меня, не берегите душу... Лучше пощупайте мой пульс. Чувствуете? Да, да — миокард! Сердечная недостаточность... Сначала ему не хватало чертежей, потом ему все мало было материалов, потом ему не хватало оборудования. Потом мне стало не хватать воздуха, зато у него хватало выговоров. Но — построили.

Стучится как-то ко мне в кабинет, заходит, ногами у порога пошаркал и... (никогда такого не было) просит разрешения сесть. «Ну, — думаю себе, — опять какую-то неувязочку из-за пазухи вытянет...» — И валидол из стола достаю.

— Так что, уважаемый товарищ заказчик, — говорит, — назначайте комиссию и принимайте завод.

Я перевел дух:

— Ну, это можно, товарищ генподрядчик. А вы... а ты готов?

— И не сомневайтесь, товарищ заказчик...

Повел он, показал. И я ему показал:

— Что это у тебя двери какие-то не такие? Серое, тусклое все. Какой у моих работников производственный тонус будет при таких дверях? Нет, нет, и не уговаривай! Все — в цвет «бордо». Потом и приходи.

Пришел он.

— Перекрасили, уважаемый товарищ заказчик. Приняли бы. А то, знаете, квартал кончается. Премию, знаете, за ввод хотелось бы...

— Премия — это хорошо. Веди, показывай.

Он показывает, а я задумался.

— Слушай, — говорю, — что такое дизайн — знаешь?

— Это, — говорит, — краска такая индийская. Под кистью сохнет. И переливается. Для тещи доставал.

— Повышать надо свой научно-технический уровень. А то только процентовки и читаешь. Дизайн — это такое оформление оборудования, чтоб людям хорошо работалось.

— Но оборудование, товарищ заказчик, вы мне давали, — робко возразил он.

— Ну и что, здание-то твое. Значит, так, Колонны — в зеленый цвет, потолок — в желтый, стены — в синий. А посредине — фонтанчик. И не уговаривай...

...Через месяц завод я у него принял. Теперь и у него с миокардом... не того. Теперь он мне — не генподрядчик. И у него — другой заказчик.

ЭТОТ СТРАННЫЙ ДЕТОЧКИН

На планерке все шло, как и должно было идти. Вел ее, как обычно, товарищ Завалихин. Он привычно тянул одну за другой сигареты «ВТ» и задумчиво смотрел на своего снабженца, который сидел в первом ряду перед «президиумом» планерки. От этого снабженец чувствовал себя очень неуютно. «Что ему надо? — теснились в его голове лихорадочные мысли. — Стальной уголок я обменял, швеллер достал, арматуру вырвал... Неужели о чем-то забыл?» Потом снабженец вспомнил, что управляющий всегда на кого-то задумчиво смотрит, и вытер вспотевший лоб.

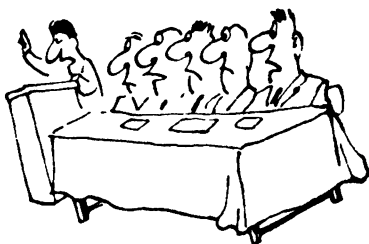
Зато не волновались прорабы и начальники участков. А чего им волноваться? Им, прошедшим сквозь многолетний огонь критики вышестоящих организаций и сквозь редкие трубы похвал. Обычная планерка. Что ж тут волноваться? Хвалить не будут. А ругать... Дело привычное.

Все шло, в общем, как обычно. Прорабы привычно отбивались от столь же привычного: «Почему ты отстаешь?», ловко, в одно касание, переадресовывая претензии своим коллегам из других организаций. Все шло, как обычно. И здесь...

— Все у меня было, товарищи: и фронт работ, и люди. Но план не дал — сам сплоховал! — сказал один из прорабов.

Мгновенная тишина. Потом шорох, скрип стульев: присутствующие вставали, чтобы лучше рассмотреть сказавшего ЭТО. Товарищ Завалихин оторвал задумчивый взгляд от своего снабженца и наклонился к сидящему рядом начальнику участка:

— Кто таков?

— Да вы не обращайтесь на него внимания, товарищ Завалихин, — нервно зашептал тот. — Горе мне с этим молодым специалистом Деточкиным. Перебрасываю его уже на четвертый объект. На предыдущем он знает что сказал заказчику? «Вот, — говорит, — эти две тысячи по смете я не возьму. Можно сделать дешевле».

— Понятно, — сказал товарищ Завалихин. — И давно это у него? Может, после какого случая?

— Да вот с тех пор, как пришел из института год назад. И не переубедишь, главное. Я, говорит, изучал экономику строительства...

— Странный случай, — пробормотал товарищ Завалихин и с участием посмотрел на Деточкина. — Его, наверное, лечить надо, а не переубеждать. А пока вот что. Перебросим мы его на технику безопасности. Или там на НОТ... Экономике знает, пусть теперь ЭВМ учит или еще что-нибудь...

Планерка продолжалась.

Рис. Ю. Румянцева

Владимир СУББОТИН

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Хохотушка Оля в десятом классе стала заметно сдержаннее и все словно бы прислушивалась к чему-то. Отец и мать, желая помочь Оле найти свое призвание, обсудили за зиму многие профессии, но дочь никак не могла определить, о какой именно говорит ей внутренний голос. 28 июня она принесла аттестат зрелости и сказала, что... выходит замуж.

— «Он» из нашего дома, — с решительностью начала Оля. — «Он»...

Обрадованная мать не дала ей договорить.

— Я же вижу, какими глазами «он» на тебя смотрит, — сказала она. — У меня не было уверенности, насколько это с его стороны серьезно и как ты принимаешь его взгляды... Но раз вы даже объяснились...

Агния Ивановна прослезилась.

Расцеловав мать, Оля выбежала на лестницу, быстро пересчитала ногами ступеньки, юркнула в другой подъезд и ворвалась к жениху:

— Мама одобряет! — крикнула она. — Дело за папой!

Жених порывисто обнял невесту:

— Она сама сказала или тебе только показалось? — спросил он. — Когда твоя мамаша проплывает мимо, меня холодом обдаёт. Айсберг!

— Глупый! Это у нее такая манера. Мама, оказывается давно наблюдает за тобой, она лишь сомневалась в серьезности...

Оля пощелкала жениха по лбу и убежала.

Оставив мужа любоваться аттестатом дочери, Агния Ивановна нанесла визит жениху.

— Оля мне открылась, — сказала она, оглядевшись в просторной квартире. — Оля серьезней, чем кажется. Со своей стороны лучшего мужа ей... я...

Агния Ивановна достала платок. Волнение и слова ее смутили жениха. Он не сразу нашелся. Впрочем, Агния Ивановна и так видела, что жених очень обрадован.

— Я, собственно, скорее мечтал, нежели надеялся, — заговорил он, обретая дар речи. — Она такая сдержанная: «здравствуйте» и — мимо.

— Только ли «здрав-ствуй-те?» — Агния Ивановна многозначительно погрозила жениху пальцем.

Супруг Агнии Ивановны происходящему значения не придавал.

— Рано об этом думать, — отмахивался он, когда жена в пятый раз за вечер сказала, что Оле уже 18 лет и «надо быть не идеалистами, а реалистами».

В день решительного объяснения супруг страшно вспылал, но сдался быстро.

— Если у вас все сговорено и обговорено, — сказал он, держа руку на сердце, — мое мнение все равно — одна формальность. И нечего было мне голову морочить насчет идеализма и реализма. Но кто же «он»?

Складки на лице матери разгладились, выражение упрямства исчезло с лица дочери.

— Отгадай сам, папа! — воскликнула Оля. — Это так легко!

— Действительно, — сказала Агния Ивановна, — испытаем, насколько ты знаешь свою дочь. Я вот сразу проникла. Муж пожал плечами:

— В Кишиневе тридцать тысяч невест. Если считать, что в среднем на невесту приходится 0,8 жениха, передо мной приятная перспектива перебрать 24 тысячи холостяков!

— Ты, как всегда, преувеличиваешь, — возразила Агния Ивановна. — И потом «он» живет в нашем же доме.

У главы семьи округлились глаза:

— Не этот ли... с усами. Из пятого, что ли, подъезда?

— Фу! Ненавижу стилиг! — вскричала Оля.

— Кто же еще? Военный на наши окна поглядывал...

— Какой военный? — спросила Оля.

Агния Ивановна чуть покраснела.

— Этот капитан — младший брат врача Петра Степановича, с крайнего подъезда, — поспешно сказала она. — Капитан приезжал в кратковременную командировку...

— Хм... Извини! Не думаю, чтобы избранником был этот артист с дамским зачесом?

— Он женат!

Муж обозначил по приметам еще пятерых жильцов. Все было не то. Оля перестала улыбаться.

— Какой ты недогадливый, папа! — сказала она с обидой. — Называешь всяких, а «его» и не заметил. А ведь «он» всегда с тобой здороваешься!

В передней прозвенел звонок, Оля вышла и вернулась с братом матери, дядей Васей. Жизнерадостный адвокат, узнав в чем дело, ахнул, поцеловал племянницу и исчез. Возвратившись и поставив в холодильник две бутылки шампанского, он проницательно посмотрел на Олю:

— Совпадение идеала юности и... — адвокат перевел взгляд на сестру, — скажем, зрелости гарантирует нам образец жениха. Так что нечего оттягивать. Пригласим этот образец и устроим помолвку. А пока, раз нам не хотят открыть его имя, попробуем доказать, что и мы знаем сердце Оленьки. Поступим так: я поведу о суженом допрос, а ты, — обратился адвокат к свояку, — вникай в ответы, они по черточкам нарисуют его портрет. Итак, начнем:

— Характер?

— Самый лучший! — воскликнула Оля.

— Да, положительный, — подтвердила мать.

— Внешность?

— Самый красивый!

— Импонирует, — уточнила мать.

— Ум?

Оля посмотрела на мать. Агния Ивановна победоносно улыбнулась:

— Хочу надеяться, что ваши умы не слишком будут шокировать его интеллект!

Адвокат взглянул на свояка. Тот поднял плечи и брови.

— М-да... — резюмировал адвокат. — Нет портрета! Не нашли мы общий язык.

— Но мы-то с дочерью нашли общий язык!

Агния Ивановна поцеловала Олю.

— И предупреждаю, братец, ты, пожалуйста, в моем доме не мути. Оля, — обратилась она к дочери, вынимая из холодильника шампанское, — иди и пригласи «его» к нам.

Хлопнула дверь, Агния Ивановна поморщилась:

— Какая еще девочка! Забежит, наверное, и за подругой. Позову-ка я «его» сама.

Она вышла. Свойки уселись у столика и устремили взгляды на дверь.

— Нервничаешь? — спросил адвокат. — Вижу, что нервничаешь. Но раз согласие такое у них — приговор можно считать окончательным. Кассацию подавать некому! И кого ни приведут сейчас — примешь в зятья!

Послышались уверенные шаги. Агния Ивановна пропустила вперед хорошо одетого мужчину лет сорока с хвостиком.

— «Он»! — отрекомендовала она. — Да, да, именно Геннадий Борисович! Доцент. Заведует кафедрой института. Сосед и, надеюсь...

Она приятно улыбнулась. Лицо адвоката вытянулось. Муж сказал: «А-а-а...» и замолчал.

— Открывайте-ка, мужчины, шампанское! — весело приказала Агния Ивановна. — Слышите, каблучки нашей доцентши стучат на лестнице...

— Сам-то я, собственно, не пью, — оживление адвоката сняло, как рукой. — Сердце... Кисловодск... племянница...

Он сбился и взялся за бутылку. Хлопнула пробка, хлопнула дверь и... появилась Оля. Рядом с ней стоял рослый юноша в скромном темном костюме.

— Вот, — Оля подняла испускающие сияние глаза на юношу, — «он», Сережа. Работает на заводе, живет в четвертом подъезде, заочник... Мама, что с тобой!?

Свойки переглянулись и разом осушили свои бокалы.

Он был принят в сельскохозяйственный институт, как хороший футболист. Но вскоре там его раскусили и отчислили из вуза: не умеет бить по воротам.

* * *

Пока положительные герои фильма играли в шахматы, отрицательные занимались делом и выигрывали в глазах зрителей.

Федор ЦЕЛИЩЕВ

УЗКОЕ МЕСТО

Тит не справился с винтрестом:
Горло было
узким местом.

ДВЕ САТАНЫ

Муж да жена —
одна сатана.
Пословица эта и нынче верна,
Но слышится вой из-за
толстой стены....
По-моему,
там
все же
две Сатаны!

КОБРА

Зло шипела об Уже:
Гад! не жалится уже...

САМАЯ КОРОТКАЯ БАСНЯ

Голодный Кот стерег сметану...
.....
Об остальном
рассказывать не стану.

Григорий ЧЕЛАК

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

Когда она вошла, участковый молодцевато выпятил грудь. У нее были огромные синие глаза небесной чистоты, и старый служака с горьким сожалением подумал о своих пятидесяти веснах и о своей спутнице-ровеснице, у которой в уголке одного только глаза больше морщин, чем у этой красавицы на всем лице.

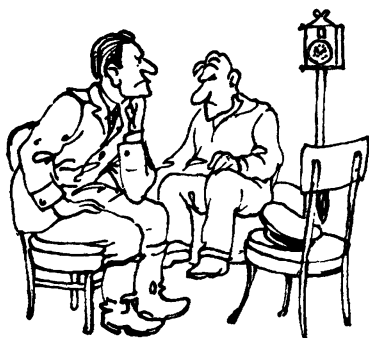
— Я с жалобой, — заявила она, приблизившись к столу.

— Да, да, — растерялся участковый. — Садитесь, пожалуйста.

Он посмотрел на ее губы и невольно поднес руку к лицу, туда, где еще месяц назад красовался щегольский рыжий ус, сбритый по настоянию жены. Но покрутить уже было нечего, и он только растерянно прищелкнул пальцами.

Молодая женщина рассказывала. О себе, о своем муже, с которым невозможно больше жить, потому что он груб, неотесан, свиреп и жесток. Она хотела разойтись с ним, а он начал угрожать расправой и теперь она просто боится за свою жизнь и за жизнь малыша...

Участковый увидел прекрасные глаза, подпернутые пеленой слез, и заерзал на стуле:

— Я, понимаете, готов сделать все, но ведь разводы — это дело народного суда.

И подумал, как не умеют мужчины ценить свое счастье. «Я бы ее на руках всю жизнь носил, в шелка-капроны одевал. Но мне такая не попалась».

— Я знаю, — кивнула она. — Но ведь он и там будет отказываться, и неизвестно еще, как суд дело повернет. Вы бы поговорили с ним, пригрозили, что ли... О вас все соседи так хорошо отзываются!

Он удовлетворенно хмыкнул.

— Ну хорошо, гражданочка, я поговорю. Уж будьте уверены, говорить мы умеем и в обиду вас не дадим. Где вы живете?

Он записал адрес, фамилию и пообещал сегодня же вечером навестить их.

В тот вечер, однако, выполнить обещанное он не смог и только на следующий, часов в восемь, позвонил у двери квартиры в новом микрорайоне города. За дверью слышались чьи-то шаги, щелкнул замок и на пороге появился огромный детина с квадратной физиономией боксера. Увидев серую форму гостя и капитанские погоны, хозяин слегка смутился, недоброжелательным взглядом смерил его с ног до головы и коротко бросил:

— Ну, чего вам?

— Вы гражданин Воронов?

— Ну я.

— Мне с вами надо побеседовать. Можно войти?

Хозяин неохотно посторонился, пропуская участкового.

В комнате, на полу, играл мальчишка трех лет. В одном углу стояла двуспальная кровать, в другом — аккуратно заправленная раскладушка. Вместо стола — ящик, застланный клетчатой скатертью, а над ящиком — на стене — старинные ходики. Как раз в тот момент, когда участковый переступил порог комнаты, ходики зашипели, потом что-то в них щелкнуло, распахнулась крошечная двустворчатая дверца и выскочила кукушка:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Участковый перевел взгляд на хозяина дома, который хмуро смотрел на него исподлобья. Да, права была его жена: грубое, будто высеченное из камня лицо первобытного человека, широкие плечи — признак недюжинной физической силы, покрытые густой шерстью руки... «Типичный бандит, —

подумал участковый. — С таким шутки плохи, отца родного не пощадит...»

— А ваша жена где? — вслух произнес он.

— Нету ее. В магазин пошла, — буркнул хозяин.

— Ну что ж, тем лучше. Можно присесть?

— Садитесь.

Малыш подошел к отцу, взял его за руку и с любопытством уставился на гостя. И тут участковый заметил, что поверх синего спортивного костюма у хозяина надет цветастый фартук.

Участковый уселся в потрепанное кресло.

— Жалоба есть на вас, гражданин Воронов. Жену обижаете. Почему?

Молчание.

— Почему угрозами пугаете? Разводиться не хотите?

Парень молча пожал плечами. Потом вдруг сорвался с места, бросив: «Я сейчас» и исчез на кухне. Там загремели кастрюли, что-то затрещало, потом стало слышно, как кто-то помешивает ложкой в звонком казанчике.

— Ку-ку!

Участковый взглянул на часы. Половина девятого. Малыш стоял перед ним и сосал палец, разглядывая его погоны. Он поманил мальчика пальцем. Тот доверчиво приблизился.

— Ты мамку любишь?

Мальчишка вытащил палец изо рта.

— Ага.

— А папку?

— Ага.

— А кого больше — мамку или папку?

— Папку, — не задумываясь, ответил мальчик.

Вернулся отец с тарелкой дымящейся каши в руке. Он сел, усадил мальчика себе на колени и стал кормить его.

Что-то дрогнуло в груди участкового.

— Где же ваша жена? Что-то долго ее нет, — сказал он.

Хозяин быстро взглянул на него и снова опустил голову. Краска залила его щеки.

— Может, к соседям зашла, — пожал он плечами.

Помолчали. Мальчик уплетал кашу, аппетитно чавкая. Ходики отстукивали время.

— Послушайте, — сказал участковый, — вы ее любите?

Парень кивнул, не глядя на него.

— А зачем же обижаете?

— Один раз было. Не сдержался...

— Из-за чего?

— По моей вине...

Он безнадежно махнул рукой, опустил мальчика на пол и, вздохнув, поднялся.

— Я сейчас.

Он мыл посуду на кухне, потом вернулся, раздел мальчишку и уложил в кровать. Сам уселся рядом и стал рассказывать сказку.

Участковый слушал монотонный грубоватый голос:

— Жили-были старик со старухой...

И неуверенность все больше охватывала его. Он всматривался в лицо парня, сидевшего на кровати вполоборота к нему, и это лицо уже не казалось ему таким грубым и отталкивающим.

— И сказал старик своей старухе...

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку...»

Десять. Мальчик зевнул раз, второй, протянул ручки, обняв наклонившегося к нему отца, повернулся на бок и мгновенно уснул.

Участковый выждал минут десять, потом шепотом спросил:

— Вы с пацаном спите?

Парень кивнул.

— А она — на раскладушке?

Снова кивок.

— Что же вы не поделили?

— Это все я, — он снова безнадежно махнул рукой. — Не сумел... Она хорошая, а я, вот, грубоват... И ничего поделать не могу.

Потом он стирал в ванной белье, и участковый стоял в дверях и наблюдал за ним. Окончив стирку, принялся штопать носки сына...

Кукушка прокуковала одиннадцать, двенадцать раз... Стиснув зубы, участковый упрямо ждал. Хозяин дома дремал рядом с малышом, вскакивая всякий раз, когда тот вздрагивал во сне.

Во втором часу ночи шелкнул ключ в замке входной двери. Вошла она. В комнате запахло духами. Синие глаза небесной чистоты удивленно уставились на участкового. Он резко поднялся, с силой нахлобучил на голову фуражку. Рука невольно потянулась туда, где был грозный рыжий ус, но на полпути застыла в воздухе. Участковый угрожающе

щелкнул пальцами и, не говоря ни слова, пошел к двери. По пути бросил последний взгляд на парня, понуро сидевшего на краю кровати, и он показался ему очень даже милым, очень симпатичным человеком.

И на улице с давно забытой нежностью вспомнил свою спутницу-ровесницу, у которой в уголке одного только глаза больше морщин, чем у той красавицы на всем лице...

КЛАД

На третий день после того, как семья Чипчирыук — муж, жена и шестилетний сын — переселилась на новое местожительство, сосед слева, симпатичный старичок с бородкой клином, встретив супругов в подъезде, вежливо раскланялся и ни с того, ни с сего заявил:

— А до вас в этой комнате жила Прасковья Ильинична-с. Между прочим, бывшая помещица, так сказать, — последний отпрыск. Ничего была женщина-с, царство ей небесное, только больно уж скупа...

Супруги Чипчирыук переглянулись: что бы могли означать эти слова? Распрощавшись с соседом, они молча поднялись к себе на второй этаж, но едва переступив порог огромной комнаты, каких нынче уже не строят, наперебой заговорили:

Елена Павловна: Что он имел в виду?

Валерьян Евдокимович: Вот именно, черт возьми. За его словами — скрытый намек.

Елена Павловна: Ты тоже почувствовал это?

Валерьян Евдокимович: Еще бы! Я даже догадываюсь...

Елена Павловна: Ой, я тоже! Ты имеешь в виду...

Валерьян Евдокимович: А ты думаешь, что...

— Клад, — торжественным шепотом изрекла Елена Павловна.

— Клад, — зажмурив глаза, шепотом повторил Вале-

рьян Евдокимович, и сердце его приятно заняло в предвкушении золотого дождя.

— Клад, клад, клад, — все так же шепотом проскандировала Елена Павловна и захлопала в ладоши. — Клад. Помещица, скупердяйка... Ну, конечно, клад.

— Спокойно, — чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из грудной клетки, сказал он. — Спокойно. Сядем и поговорим.

Сели на диван, тесно прижавшись друг к дружке. Она высказала предположение, что клад может быть припрятан под одним из подоконников — в комнате или на кухне. Он сказал, что скорее всего тайник оборудован где-то в стене. В конце концов решили искать всюду — и под подоконниками, и в стенках, и под половицами...

Сын Витя играл во дворе. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, супруги Чипчирук немедленно приступили к поискам. Вооружившись игрушечным молоточком сына, Елена Павловна, словно цимбалист-виртуоз, принялась стучать по деревянным частям квартиры. Валерьян Евдокимович тем временем принялся за стены. Костяшками согнутых пальцев он, будто опытный врач, простукивал каждый сантиметр свежeweбеленной поверхности и чужким ухом прислушивался, не прозвенит ли пустота.

Никогда в жизни не трудились они так самозабвенно. Проходили минуты, часы, а они, потные, измазавшись в пыли и извести, продолжали искать, будто клондайкские старатели, одержимые золотой лихорадкой.

И вдруг... О, это «вдруг»! Оно всегда наступает для тех, кто ищет, не жалея сил и времени, — момент высшего торжества вознагражденного трудолюбия и терпения...

Вдруг Валерьян Евдокимович услышал хриплый возглас, в котором ничего человеческого уже не было. Он обернулся: его супруга стояла на четвереньках посреди комнаты. Ее распутившиеся волосы мягкими черными волнами лежали на полу, натянутая, как тетива, юбка подчеркивала округлость форм. При других обстоятельствах эта картина взволновала бы его. Но теперь он заметил лишь то, что жена постукивает молоточком по одному и тому же месту в центре комнаты и ее лихорадочно блестящие глаза с немym торжеством уставлены на него. Валерьян Евдокимович по-

дошел, присел на корточки и тоже начал постукивать по крашеной половице. Сердце его затрепетало...

С помощью топора и ломика через полчаса ему удалось выломать (о, эти проклятые капиталисты, все у них так прочно!) две доски. В подполье оказался какой-то хлам — шлак, опилки. Дрожащими руками супруги разгребли все это, и перед ними оказалась металлическая плита. Великое нетерпение обуяло двух кладоискателей. Они попытались сдвинуть плиту. Ничего из этого не получилось. Тогда они попробовали просунуть пальцы под нее. Тщетно, только руки поранили...

Кто-то забарабанил в дверь. Супруги мгновенно кое-как прикрыли остатками половиц и ковром тайник и пошли открывать дверь. Тревога оказалась ложной. Это был Витя.

Усадили сына за стол, дали ему книжки, бумагу, карандаши, а сами стали думать, как быть дальше. Придумал Валерьян Евдокимович:

— У нашего Громова есть автогенный аппарат. Возьму его и разрежу плиту на части...

И так как за автогеном лучше всего было идти под вечер, пока, от нечего делать, стали предаваться мечтам.

Елена Павловна: Купим новую мебель...

Валерьян Евдокимович: И тебе каракулевую шубу...

Елена Павловна: И Витеньке пианино...

Валерьян Евдокимович: А для всех нас — машину, «Волгу»...

Елена Павловна: О да, «Волгу»... Ты будешь сидеть за рулем, я — рядом с тобой, а Витя — на заднем сиденье...

Витя, прислушавшись к разговору родителей, сразу же пожелал внести ясность.

— Рядом с папкой буду сидеть я, — заявил он.

Елена Павловна возразила:

— Что ты, Витенька, мама всегда должна сидеть рядом с папой.

— Нет! — Витя стукнул кулачком по столу. — Я с папкой. Чтoб рулить. А ты сзади.

Раздраженный упрямством сына, отец поставил точку над «і».

— Рядом со мной будет сидеть мама, а ты сзади. И не смей возражать, а то ремня получишь!

Витя разревелся и выбежал на кухню.

...Поздно ночью, когда все соседи спали сном праведным, Валерьян Евдокимович включил автоген. Голубоватое пламя

озарило напряженные бледные лица супругов. Оба склонились над таинственной плитой, под которой хранились сокровища усопшей помещицы. Огонь вонзался в металл, словно нож в масло. Вот отвалился кусок плиты. Потом еще кусок. Еще... Но — неожиданное препятствие! Под плитой оказалось сплетение еще каких-то металлических прутьев и болтов. Еще несколько минут работы и...

Где-то внизу под ними раздался страшный грохот, звон разбитого стекла. Валерьян Евдокимович в испуге вскочил на ноги и прикрутил горелку. Жена, дрожа от страха, прижалась к нему. Долго стояли они так, не решаясь шевельнуться. Потом тихо, не обмолвившись ни словом, легли спать.

Едва забрезжил рассвет, Валерьян Евдокимович спустился на улицу. Здесь вроде ничего не произошло. Но, случайно заглянув в зеркальное окно гастронома, занимавшего весь первый этаж дома, он обмер: на полу магазина, вдребезги разбитая, лежала огромная люстра, вернее, то, что осталось от этой люстры после падения с трехметровой высоты. Мириады осколков стекла поблескивали вокруг изуродованного металлического остова...

Охваченный легким ознобом, Валерьян Евдокимович вернулся домой. Жена не спала. Проснулся и Витя.

— Я буду сидеть рядом с папкой, — захныкал он из-под одеяла.

— Ладно, сядешь, где захочешь, — махнул рукой Валерьян Евдокимович, а про себя подумал:

«Не знаю, где ты будешь сидеть, зато точно знаю, куда меня посадят».

Он ошибся. Кладонискательство обошлось семье Чипчирию не так дорого. Суд народный порешил: в течение года супруги должны возместить магазину причиненный ущерб.

О том, что штаты в столовой увеличились, догадаться было нетрудно: порции уменьшились.

* * *

Новый завмаг издал строгое распоряжение: «В трехдневный срок приказываю прекратить обсчетывание посетителей. Об исполнении доложить».

Анна ЛУПАН

БЕССОННАЯ НОЧЬ

О том, что в село прибудет госпожа Харгель, тетушка Кица прослышала в поликлинике. Весть эта повлияла на старушку несказанно, — мигом позабыла и ломоту и мазь. Узнай тетушка Кица, что вернулся кто-то с того света, и то не изумилась бы так. Последние лет десять-пятнадцать тетушка была так занята делами, что, пожалуй, и не вспоминала госпожу Харгель.

И вот тебе на — как гром с ясного неба: прибывает.

Во всей этой суматохе одно было ясно тетушке Кице, — как бы ни сложились обстоятельства, но остановиться на постой госпожа Харгель должна именно у нее, у тетушки Кицы. Уж если такой случай представился, упускать его, право же, грешно.

И не теряя ни минуты, старушка принялась хлопотать. Убрала в доме, расстелила половики, накрыла стол праздничной скатертью, протерла уксусом зеркало шкафа, чтобы госпожа Харгель могла рассмотреть себя с любой стороны, с какой душе ее будет угодно. Пригласила Трофима из радиоузла, чтобы наладил радиолу, а то сипит что-то в последнее время. И того же парня попросила, чтобы сменил лампочку на более яркую, а заодно и приладил под иконой портрет футболиста Пеле.

Поскольку у бабуси целая ватага внуков, увлекающихся спортом, одна из стен ее дома чуть ли не целиком пестрит снимками знаменитых атлетов. Что касается карточки Пеле,

то из-за нее у бабуся даже произошел конфликт с любимым внуком. Негодник надумал снять висевшую в углу икону и на ее место водрузить лик своего кумира. Уж на что отличается тетушка Кица кротостью и долготерпением, тут она так вспылила, что чуть не растерзала на мелкие кусочки злополучного Пеле. А внук давай ее корить, — ты, мол, отсталая, и неграмотная, понятия не имеешь, кто этот великий человек. Но старушка стояла твердо на своем. Нет и нет.

— Висела эта икона, еще когда я родилась, пусть висит... А этот Пеле ваш, которому не терпится занять место иконы, пусть подождет.

Теперь же, пораскинув мозгами, тетушка Кица решила поместить его под иконой, если внуки так превозносят этого человека, и госпожа Харгель наверняка знает его.

Закончив уборку, тетушка принялась стряпать.

Испекла ореховый рулет, баклаву, струдель, защипанный трех с вареньем из роз, фигурные пряники, плацынды, вертуты, хрустики. А закусок и блюд наготовила — холодец, голубцы, биточки в сметанном соусе, кавурма из утки, чулама из цыплят, куриная зама, монастырский гивеч, баклажаны, перцы, а также еще несколько французских блюд, названия которых тетушка хоть и позабыла, но готовить не разучилась. Потому что другой такой стряпухи, как тетушка Кица, не найдешь. Нет, вовсе не потому, что в былые времена служила поварихой у госпожи Харгель, — просто у тетушки Кицы врожденный дар, и этого никто отрицать не станет.

Вино у бабуся было и белое, и красное. Но эти обыденные напитки, казалось старушке, не отвечают изысканному вкусу госпожи Харгель. Бабуся решила, что необходимы коньяк и шампанское.

В нескольких шагах от продовольственного магазина столкнулась, — носом к носу, — с Никодимом Казанжиу. И тот держал в руке авоську с коньяком и шампанским. У тетушки Кицы аж в боку закололо — спросить, не спросить? Превозмогая смущение, заговорила:

— Послушай, Никодим, прости за беспокойство, хочу что-то спросить. — Скажи честно, зачем тебе коньяк?

— Не слышала разве — приезжает госпожа Харгель...

У тетушки Кицы подкосились ноги. Неужто все ее хлопоты напрасны! Тягаться и соперничать с Никодимом ей не так-то просто. Никодим — бригадир. У Никодима ограда

выше, чем домик тетушки Кицы. Но другого выхода не предвидится, и бабуся с ходу берет быка за рога.

— Слушай, Никодим, — голос бабуся как бы омыт медом и сладким молочком, — знаю, что принять ее подобает скорей всего тебе. Кто-то, а я это понимаю. Что ж, пригласи, покажи, как живешь, угости, как у нас заведено. Но на ночлег пусть останется у меня.

— Ни за что. Зря я готовлюсь, что ли?

— Думаешь, я хуже тебя подготовилась? У меня разве что стены пониже, а все остальное, не беспокойся...

— Тетушка Кица, мне очень жаль, но ничем не могу помочь. Я у Харгель батрачил семь лет. Хорошо помнишь, ведь ты постарше... Вот и хочу, чтобы увидела, — кем был и кем стал.

— Но ведь и я была стряпухой больше двадцати лет, так что в смысле стажа...

— Даже не хочу слушать. Сказал — и точка.

Спор грозил закончиться не в пользу тетушки Кицы. И она уже еле сдерживала слезы. Как обычно случается, счастье привалило с неожиданной стороны. Надошел Кэлиман, председатель колхоза. То ли он искал Никодима, то ли и ему понадобилось в магазин. Услышав их препирательство, поинтересовался, о чем речь. Поинтересовался просто, без всякого умысла, чтобы не подумали — зазнался и гордо проходит мимо. Услышав же о сути этой перебранки, призадумался. Госпожу Харгель он лично не помнил: молод, ровесник республики. Но знает, что в прошлом колхозные угоды принадлежали ей, и то обстоятельство, что через столько лет она сюда приезжает, было чем-то неприятно. Первым делом, как она смеет показаться здесь, где помыкала людьми, где угнетала... Во-вторых, зачем ей разрешили? В-третьих, как должен он, председатель колхоза, отнестись к ней? Не устраивать же парадную встречу с оркестром! Но и не преграждать дорогу. Да, мало забот у Кэлимана, так еще одна.

— Ну, и к кому она сюда приезжает? Что она тут забыла, кто ее ждет? — накинулся он на обоих спорящих.

Никодим пожал плечами.

— Черт ее знает. Наверно, хочется ей посмотреть, как мы живем. А может, соскучилась по этой земле. Как говорится, волка тянет на овчарню...

— Нет, говорят, у нее муж умер, а приехала она в гости к родичам в Кишинев. А оттуда ей разрешили навеститься к нам, — пояснила бабуся, которая оказалась более информированной, чем Никодим.

Кэлимана охватил такой зуд, словно его обстрекали крапивой.

Ситуация была не такой простенькой, как казалось Никодиму и старушке. Раз мадам Харгель прибывает в село, где некогда барствовала, ее прибытие — дело политическое, и он, Кэлиман, должен оказаться на уровне стоящих перед ним задач.

— Ты, Казанжиу, того... Кица — это Кица. А ты — верни коньяк в магазин. Этого мне не хватало, чтобы передовой человек, как ты, пил на брудершафт с бывшей капиталисткой и эксплуататоршей.

— Но я же по другим соображениям, товарищ председатель, — пробовал защититься Казанжиу.

Кэлиман прервал, не дослушав до конца:

— Это меня не интересует. Одно знаю — за любую вашу глупость в ответе я. Ясно? Оставь ее на попечении Кицы. Собственно, не стоило бы и Кице возиться, да ладно уж... А вот если гостья сама пожелает тебя проведать и придет в гости, тогда другой коленкор.

Кица поблагодарила за доверие и честь. Казанжиу чертыхнулся и ушел, сердитый. Кэлиман постоял еще минутку в раздумье и, глядя на лучезарно сияющую Кицу, вошел в магазин, подумав, что недурно бы еще до приезда мадам Харгель направить к тетушке Кице несколько самых опытных агитаторов, чтобы они обстоятельно просветили старушку относительно эксплуатации человека человеком. Но времени оставалось в обрез. Пока искал агитаторов, пока нашел, госпожа Харгель приехала.

Тетушка Кица, едва увидев ее, сразу поняла, что госпожа Харгель — уже не госпожа Харгель. Это была старушечка в выцветшем плаще и стоптанных туфлях, более потертых, чем шлепанцы Кицы. Только стрижка короткая и губы слегка подкрашены. И больше никаких примет бывшей барыни. Кица даже огорчилась. Столько хлопот, подготовки, а выходит — зря. Но зато госпожа Харгель то и дело ахала и охала. От возбуждения и восторга у нее на каждом шагу вырывалось:

— Не может быть!

— О, не говори!

— Невероятно!

И так налегала на лакомства, что Кица диву давалась, как в такую хрупкую даму вмещается столько всякой всячины. И чарочку подносила не к уху. Хлестала коньяк и шампанское, как заправский гусар. Лишь время от времени лукаво подмигивала:

— Напоишь ты меня, Кица!

Когда трапеза подошла к концу и гостья сказала, что уже не может, Кица предложила ей развлечься — записаться на магнитофон или послушать радиолу, но мадам Харгель отказалась.

Кица принялась рассказывать о своем житье-бытье, о детях. Старший сын у нее врачом стал, второй — самолеты водит. Одна дочка в Кишиневе, в Академии, науками занимается, две младшие остались в селе. Одна учительницей, другая — в клубе. Если госпоже угодно, можно прогуляться по селу, посмотреть их дома, — настоящие дворцы. Но госпоже Харгель, кажется, уже ничего не было угодно. Размякла, ее стало клонить ко сну. Видно, утомилась.

Кица постелила ей постель и принялась убирать со стола. Все-таки ей было приятно, что труды не пропали зря. Даже если мадам Харгель уже совсем не та барыня, она ее приняла по-барски.

Но, видно, суждено было Кице не все предусмотреть. Подремав немного, госпожа Харгель проснулась и спросила, не найдется ли закурить. И вот представьте: дом у Кицы — полная чаша, всего вдоволь, а сигаретки не нашлось. И как у нее из головы вылетело, что госпожа Харгель курит. Позор. В селе полно табаку, а у нее ни щепотки в доме, ни пнюшки.

Госпожа Харгель выпила стакан водички и, повернувшись на другой бок, уснула. Кица же переживала и терзалась всю ночь. «Может, остановись она у Никодима, не мучилась бы без курева».

И еще пожалела тетушка Кица, что зря забила лишний гвоздь в тот угол под иконой, потому что госпожа Харгель и не слыхала о Пеле.

К О Р И Ц А

— У меня болезненная привязанность к старым вещам,— на днях сказал мне один приятель, у которого сквозь прорехи в обветшавшей шапке пробивались космы, а я, набравшись духу, посоветовал было купить новую.

«У каждого свой пунктик», — подумал я с усмешечкой, притворяясь, что с пониманием отношусь к его причуде. В конце концов, если у него болезненная привязанность к старым вещам, то у меня не менее болезненная привязанность к вещам новым. Что, собственно говоря, представляет собой старая вещь? Ветошь, рвань, жалкие остатки чего-то былого. В то время как любая обнова — чудо, открытие, тайна, доселе неведомая миру. Новая вещь несомненно приносит элемент свежести в житейские будни, доставляет эстетическое удовлетворение, развивает фантазию, изощряет разум. А главное, пробуждает дремлющий в недрах личности дух изобретательства.

Покупаешь, скажем, новый костюм. С размером вроде все в порядке, лишь кое-какие мелочи не в ажуре. Пиджак широк или, наоборот, узок. Брюки слишком длинные или, наоборот, коротки. Беспокоить мастера по таким пустякам вряд ли есть смысл. Да мастера и не всегда найдешь. А если найдешь, не так-то просто втолковать ему, как и что. В большинстве случаев начинаешь невольно сам прикидывать, как тут быть? Укорачиваешь полы, впускаешь клинья, где убавишь, где прибавишь, пока чего-то не добьешься. Сегодня пораскинешь мозгами, завтра потренируешься, глядишь — и обзавелся новым ремеслом, обучился портняжному делу.

С обувью дела обстоят аналогично. Допустим, достали вы пару сандалий. В толчее у прилавка некогда вникать в подробности. Схватил коробку подмышки и дуй домой. Дома, естественно, приступаешь к примерке. Радость от приобретения начинает тускнеть. Перепонка коротка, задник врезается в пятку. Короче говоря, снова берешься за изобретательство и вскоре приходишь к выводу, что при некотором усовершенствовании обувь вполне приемлема. Тогда направляешься к мастеру, предлагаешь ему свой план реконструкции, показываешь кошелек. Но не так-то просто подступиться к гордым нынешним мастерам. Чего доброго, он же тебе еще прочтет нравоучение.

— Да, чтобы я испортил новую вещь?

— Нет, не испортил, а исправил.

— Если вы такой умный, сами и займитесь... А меня не впутывайте в эту историю.

Напрасны ваши уверения, что-де никаких претензий у вас ни в коем случае не будет. Мастер непреклонен. С кислой миной плетешься домой, начинаешь снова шевелить мозгами, разводить руками. С успехом ли, без, идешь на приступ бастioned сапожного ремесла. Вот так незаметно, исподволь обзаводишься еще одной профессией. И так далее, покуда в конечном счете не станешь универсалом. Поверите ли, я ведь до сей поры уже овладел профессиями каменщика, маляра, слесаря, портного, плотника, сапожника и многими другими.

Правда, с техникой дело обстоит сложнее. К технике мне как-то боязно подступиться. Пришибет — за милую душу. В какой-нибудь проволочке или винтике таится гибель. Волей-неволей, приходится обращаться к мастеру. И что же вы думаете: если техника и механизмы сложны, то мастера уступают им в сложности?

Если никуда не спешите, расскажу вам сравнительно свежий случай. Недавно, стало быть, купил я новые часики. Старые часы, которые я сдавал в ремонт по разу в месяц, окончательно стали. Ну, обзавелся новыми. Глядь — поглядь, и эти не идут. Разумеется, ничего особенного: если бы шли бесперебойно все продаваемые часы, никто бы, наверно, не покупал новых во веки веков...

Понес я, значит, часики в мастерскую, потому что в паспорте так и сказано: если обнаружатся неполадки, ступай в мастерскую, там тебе их устранят. Часовщик, бржнет с усталым лицом и усталым взором, стал весь воплощенной меланхолией, когда я показал ему часы. Он вздохнул и осведомился:

— Не идут?

— Нет.

— Новые?

— Новые.

— Кто же теперь покупает часы такой марки?

— Вот я, к примеру...

— Простите, конечно, но вы допустили глупость.

— В чем же моя глупость? Просветите, если можно...

— Механизм слишком крошечный, запчастей не имеется, — и вздохнул так, что хоть плачь в три ручья.

Сокрушенно спрашиваю:

— Что же делать?

Часовщик запрокидывает глаза и размышляет вслух:

— Посылать на завод, пожалуй, обойдется дороже... А обращались вы в мастерскую на Пушкинской?

— Нет запчастей.

— А на центральном рынке?

— Та же история.

— А я что говорю?

Меня охватывает странное головокружение, все становится с ног на голову. Чувствую, нет больше сил моих...

— Послушайте, шут с ней, с гарантией... Если вся загвоздка из-за какого-то рубля...

В грустных глазах мастера мелькает подобие искорки.

— Идет? — напоминаю через некоторое время о своем существовании.

Часовщик возвращается к действительности, словно спускается с невесть каких горных высот.

— Вы можете заглянуть ко мне, скажем, через... через час?

— Почему бы нет?

— Тогда оставьте часы, попробуем что-нибудь придумать...

Через час я снова у его окошка. Он меня встречает чуть-чуть веселей. Но облако грусти никогда, наверно, не рассеивается окончательно. Он оглядывает меня равнодушно, но пристально. Спрашивает с некоторым сочувствием.

— Плохо чувствуете себя?

— Немножко... Беготня, нервы. Видимо, подскочило давление.

— А, давление. Понимаю. Когда кому-то не по себе, я чую за версту. Едва увидел вас, сразу смекнул — что-то неладно. Пожалуйста, вот часы.

Изумленно беру часы, подношу к уху — невероятно: тикают. По всем правилам. Несколько смущенно спрашиваю:

— Я вам что-то должен?.. Или в счет гарантии?..

— Пять рублей, — легко произносит мастер и далее интересуется моим недугом: — Не пробовали лечиться коричей?

Оставляю вопрос без ответа и пытаюсь уточнить размер услуги:

— Ну, знаете ли...

— Знахарское средство, а помогает здорово!

— Но все-таки пять рублей...

— Я вас научу, как это делается: возьмите четыреста граммов корицы и двести — сахара.

— Да бог с ними...

— А вы не нервничайте. Вам нельзя расстраиваться. В магазинах сейчас как раз появилась корица. Раньше не было. Да и стоит недорого — копейки... Когда речь идет о здоровье...

— Послушайте, не заговаривайте зубы...

— Пять рублей, пожалуйста. И не забудьте: четыреста граммов корицы, двести сахару... Хорошенько размешайте и расфасуйте в девяносто пакетиков. Если нет специальной бумаги, можно воспользоваться газетой.

— Издеваетесь вы надо мной или...

— Пить надо по три порошка в день. Утром, в обед и вечером. Пять рублей вы еще не дали. Жена моя так лечилась, великолепно чувствует себя.

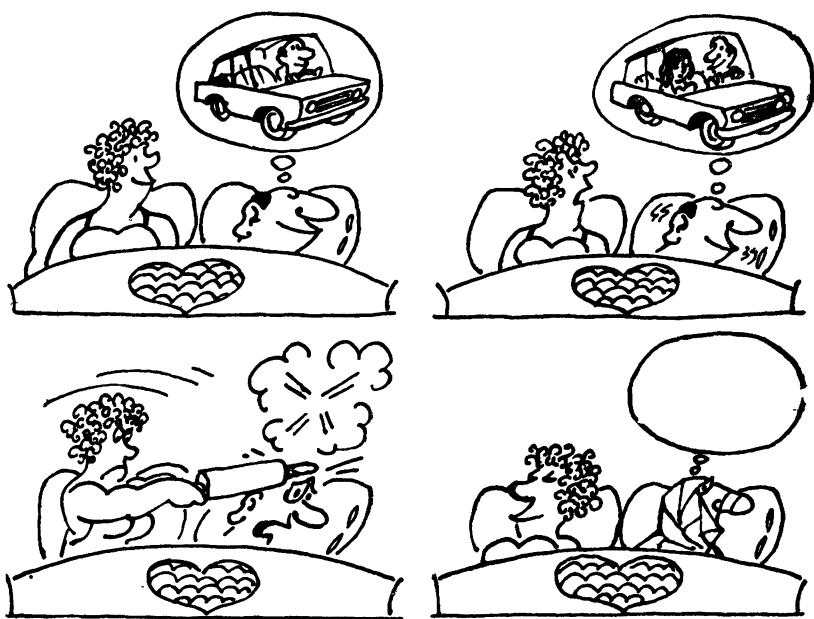
— Послушайте, хватит с меня вашей корицы. И вообще — сколько вы поработали? А сверх того — и гарантия есть...

— Не кричите! Дома кричать будете на жену, а здесь будем взаимно вежливы: мы ведь культурные люди! К тому же у вас давление. Конечно, оно подскочит, если психуете из-за каждого пустяка. Нет, все-таки послушайте меня и попробуйте полечиться корицей. Не позабыли дозу? Запишите.

Чувствую — давление предельно повышается. Где наша не пропадала! Кидаю ему пятерку и бегу за корицей. Прихожу домой, смешиваю корицу с сахаром, нарезаю девяносто бумажек и принимаюсь сворачивать пакетики. Дозу отлично помню. Квартира наполняется сладковато-пряным духом. Давление не только не падает, — наоборот, повышается. Похоже, мне этот рецепт противопоказан.

Быть может, самочувствие мое было бы гораздо лучше, попробуй я овладеть и профессией часовщика? А-почему бы нет! В конце концов, не могу же я допустить, как тот приятель, чтобы космы у меня торчали из прохудившейся шапки. Я ведь не питаю болезненного пристрастия к старым вещам. Лишняя профессия никогда не помешает. Правда, с тех пор как обзавелся уймой смежных профессий, я, кажется,

ся, основательно подзабыл основную. Ничего не поделаешь, так уж устроена жизнь. Ничто не дается нам даром. Если с одной стороны что-то выигрываешь, то с другой — ты непременно в накладе.

Первая авария

Рис. А. Грабко

Анатолий ГОРЛО

П О Г О Н Я

Впервые я заметил ее в троллейбусе. Примостившись на заднем сиденье, я поглощал детективную литературу, как вдруг почувствовал некоторое стеснение. Увлеченный чтением, я не сразу сообразил, в чем дело. Потом догадался — что-то явно давило на меня. Не подымая головы, я покосился краешком глаза и увидел сиреневую сетку с картошкой, которая беспардонно терлась о мое плечо. Обычно непримиримый к любым проявлениям невоспитанности, на этот раз я сдержался. Во-первых, не хотелось отрываться от захватывающего детектива, во-вторых, я не люблю устраивать публичных скандалов.

Уткнувшись носом в книжку, я сошел с троллейбуса и двинулся к автобусной остановке. Прошло около получаса, мой автобус не появлялся. Обычно болезненно реагируя на малейшую заминку в работе городского транспорта, сейчас я этого просто не замечал.

Неожиданно я снова стал испытывать некоторое стеснение: что-то давило мне на ногу. Я покосился краешком глаза и увидел все ту же сиреневую сетку с картошкой. Она лежала, тесно прижавшись к моей ноге, подобно псу, который наконец-то нашел своего хозяина.

Будучи под впечатлением детектива, я начал подозре-

вать, что с определенного времени кто-то упорно преследует меня. Кто он? Что ему нужно? Тем же краешком глаза я изучил содержимое сетки: «американка», килограммов десять, не меньше. Так, значит, «американка».

В душу закралась смутная тревога, которая стремительно перерастала в предчувствие надвигающейся опасности. Может «американка» — своеобразный намек на происхождение ее хозяина? А сиреневая сетка символизирует сети шпионажа? Пароль: «Привет от дяди». Вопрос: «От какого дяди?». Ответ: «Из ЦРУ»... А что если это действительно тайный агент, засланный в наш город? Увидел, что я увлекаюсь специальной литературой, и решил попытаться завербовать меня, сделать меня резидентом или еще кем-нибудь похлеще!..

Я уже готов был позвать милицию, но, во-первых, в это время подошел мой автобус, а во-вторых, я не люблю публичных скандалов.

Энергично работая локтями, я пробрался в переднюю часть салона и даже успел занять место, предназначенное для детей и инвалидов. «Тут уж он меня не найдет». Машина тронулась. Затаив дыхание, я покосился краешком глаза: сиреневой сетки не было видно. Я облегченно вздохнул и снова с головой окунулся в чтение, едва не проехав свою остановку.

Не отрывая глаз от детектива, я вышел из автобуса и направился к дому. Внезапно я услышал за собой тяжелые шаги, а затем прерывистое дыхание. Я вздрогнул и сделал сверхчеловеческое усилие, чтобы не обернуться: «Иначе я с головой выдам себя — тот сразу поймет, что я понял, что он следит за мной, и заметит, что я заметил, что он понял, что я понял...»

Шаги неумолимо приближались. Сунув книжку в карман, я перешел на неспортивную рысь, но было поздно, краешком глаза я увидел рядом со мной сиреневую сетку!

Я бежал уже во весь дух, когда услышал за спиной:

— Ну помоги же, я больше не могу!

Я оглянулся и увидел жену.

Тут я вспомнил, что утром мы поехали с ней на рынок за картошкой.

— Но почему ты молчала всю дорогу? — взорвался я.

— Сам ведь столько раз говорил, чтобы я не мешала, когда ты читаешь! — всхлипывая, пролепетала она.

Я хотел вырвать сетку из ее оцепеневшей руки, но сдержался. Во-первых, мы уже стояли у нашего подъезда, во-вторых, пока мы доберемся до седьмого этажа, я сумею прочесть еще целых две страницы.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

— Значит, из телевидения? — повторил председатель, вытирая потный лоб, хотя в кабинете было прохладно.

— Так точно, из редакции последних известий, — подтвердил режиссер. — Хотим заснять репортаж о начале весенне-полевых работ.

— Мы уже и титры для него заказали, — уточнила редактор. — Он будет называться «Первая борозда».

— И сценарий уже утвержден, — вмешался оператор. — Начало такое: в чистом небе летит клин журавлей. Несколько минут камера провожает их, затем опускается вниз и телезритель видит шикарную панораму — выстроившись клином, тракторы несутся вслед за журавлями...

— В кабине первого трактора, — продолжал режиссер, — украшенного переходящим вымпелом, сидит...

— За рулем, — уточнила редактор, — лучший механизатор колхоза...

— В национальном костюме, — вмешался оператор.

— К нему подбегает председатель колхоза, — продолжал режиссер.

— То есть вы, — уточнила редактор.

— В запыленных сапогах, — вмешался оператор. — И кричит, что есть мочи...

— Чтобы перекрыть гул мотора, поскольку передовик, дорожа каждой погожей минутой, не может остановить трактор, — уточнила редактор.

— И стало быть вы, — продолжал режиссер, — кричите: «Неужто снова выдашь две нормы, мэй Николай?»

— Мэй Ион, — уточнила редактор. — А передовик задорно отвечает, цитирую по памяти: «По всей вероятности, думаю, что так оно и будет, товарищ председатель. Хотя выпел и считается переходящим, но я его никому не отдам. Мы тут с напарником подсчитали..»

— Здесь, — вмешался оператор, — снова дается шикарная панорама с несколькими десятками тракторов...

— Бороздящих безбрежное поле, — продолжал режиссер. — А за кадром звучит голос диктора: «Вы познакомились лишь с одним из тысячей хлеборобов...».

— «Из тысячей Ионов, — уточнила редактор, — которые в эти весенние дни проводят первые борозды, закладывая основу будущего урожая».

— Вот так, — заключил режиссер, потирая уши, потому что в кабинете было прохладно.

— Значит, так? — повторил председатель колхоза, вытирая вспотевший лоб. — Ну что вам сказать, товарищи дорогие? Хороший репортаж, нечего сказать. Помню, в прошлом году мы всем колхозом смотрели его по телевизору.

— В прошлом году? — переспросил режиссер, вытирая вспотевший лоб.

— По какому телевизору? — уточнила редактор.

— И в чистом небе летел клин журавлей? — вмешался оператор.

— Все летело — и журавли, и трактора, и я в запыленных сапогах летел вслед за Тимофеем Лупу и орал: «Неужто снова выдашь две нормы, мэй Ион?» А разве в тот раз не вы приезжали?

— Да, но сейчас нам нужен новый репортаж, — продолжал режиссер.

— Для последних известий, — уточнила редактор.

— С шикарной панорамой, — вмешался оператор.

— Нет уж, товарищи дорогие, — председатель вышел из-за стола, сверкнув лаковыми туфлями. — С нас довольно. А то мы еще с прошлого года не очухались. Нагрянули вы к нам тогда в самый разгар посевной, забрали лучших механизаторов и они почти целую неделю простояли. То, видите ли, небо не такое, то журавли летят не в ту сторону, то передовик не телегеничный, то костюм неяркий и пришлось в оперном театре другой выпрашивать. И притом: сняли бы

раз, да дело с концом, так где там! Когда пошли репетиции или как вы их там называете, похоже на трактор...

— Тракты, — уточнила редактор.

— Вот-вот, эти самые тракторы подвели нас под монастырь. Из-за них окаянных сев мы закончили последними в районе. Я получил строгача, а трактористы-бедняги вообще почти ничего не получили. Так что, товарищи дорогие, поищите-ка лучше тот самый репортаж и прокрутите его еще раз. Он нам в копеечку обошелся.

— Но нам нужна первая борозда в этом году! — продолжал режиссер.

— Та пленка тую-тю, — вмешался оператор.

— Поступила в архив, — уточнила редактор.

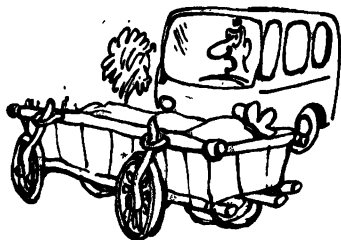
— Тогда ступайте и вы, — вмешался председатель. — В соседний колхоз, — уточнил он. — Там еще не начали пахать: к ним тоже нагрянула бригада, кажется, из киностудии. А мы давно уже вспахали последнюю борозду и не сегодня-завтра закончим сев.

УПРАЖНЕНИЯ С ТЕЛЕГОЙ

Увидев знак, запрещающий въезд гужевого транспорта, хозяин оставил воз на обочине, распряг лошадей, пустил их в придорожный овес, а сам пошел в город. Проезжавший самосвал слегка задел подводу. Она выкатилась на асфальт и остановилась.

Телега стояла поперек дороги. Хозяин слонялся по городу в поисках соковыжималки. Лошади рыскали по окрестностям в поисках сочного овса. Водители, вынужденные объезжать телегу, сдержанно ругались. Кто-то написал в редакцию «районки». На место прибыл корреспондент и вскоре в газете появился «Тревожный сигнал».

А телега осталась там же. Ее хозяин устроился на колесную фабрику. Одицавшие лошади превратились в мустангов. Подпрыгивая на ухабах объездного пути, водители ругались менее сдержанно. Под рубрикой «Возвращаясь к напечатанному» в газете появилась заметка «А воз и ныне там».

А воз и впрямь остался там же. Став горожанином, его хозяин записался в очередь за машиной. Беспорядочные мус-танги превратились в «тушеную конину». Проносясь по не-давно заасфальтированному объездному пути, водители ру-гались от удовольствия. Под рубрикой «По следам наших выступлений» газета оповестила читателей о принятых мерах.

Поперек дороги стояла телега...

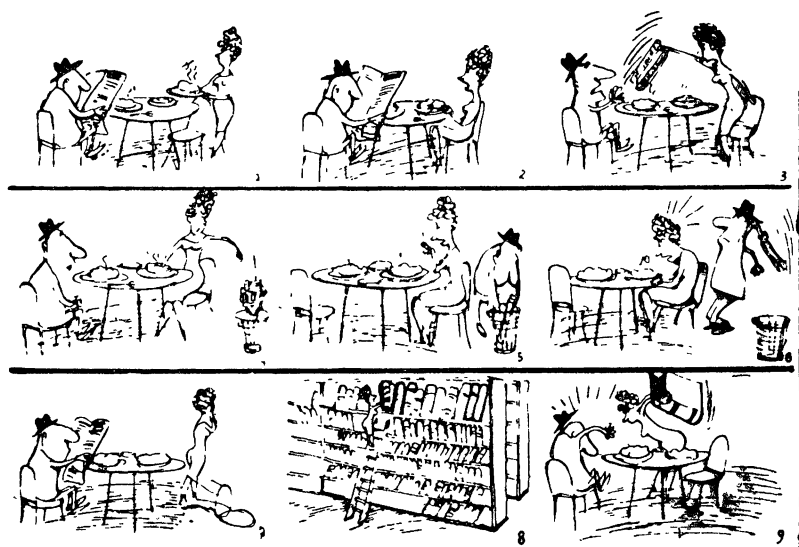

Рис. А. Грабко

Евгения ДОЛГИХ

НАСЛЕДСТВО

В этом году я внезапно стал собственником. Умерла моя тетка, и в наследство от нее я получил дачу.

Почему из всей многочисленной родни выбор пал именно на меня, никто не мог понять.

Дело в том, что с теткой я не ладил. Ссора произошла много лет назад совершенно по незначительному поводу.

С тех пор мы с ней не виделись. Я и раньше редко бывал у нее, а теперь и вовсе перестал к ней ездить.

Однако, мне кажется, тетка вряд ли ощущала хоть как-то разрыв со мной. Мое отсутствие с лихвой восполняло паломничество других родственников.

Бывало, с первым весенним ветерком двор и дом ее оглашаются гамом, шумом нашей многочисленной родни, выезжавшей к ней на дачу лечить свои зимние недуги.

И сколько веселой суетни вносили они в ее дом! Где уж там скучать? Одному понадобится гамак, другой хочет спать на сеновале, третьему врач прописал только козье молоко. А там, смотришь, кто-то из ребят задушил цыпленка, а детишки сестры объелись зелеными яблоками и маются животами.

Попробуй одной за всеми успеть! Тут уж на одиночество не пожалуешься.

Естественно было бы предположить, что при таких обстоятельствах тетка должна была бы свое имущество завещать именно тем, кто заботился о ней до конца ее жизни. Но она и тут оказалась верна своим странностям: завещала имущество своему «невнимательному племяннику».

Долг перед сородичами не позволял мне принять этот неожиданный дар. Так я и заявил об этом.

Боже мой! Видели бы вы, в какое негодование привели родню мои слова. Все в один голос заявили о своем уважении к воле покойной, проявив тем самым редчайшее бескорыстие.

Делать нечего, пришлось принимать наследство. Однако, уж если говорить начистоту, я был рад такому обороту событий. Как ни говорите, а дача — это дача. Там и воздух, и зелень, и все такое прочее. А мы с женой несколько лет, кажется с тех самых пор, как я поссорился с теткой, не отдыхали по-настоящему. Так, что ее наследство оказалось кстати.

Обсуждая планы на лето, мы с женой так и порешили: как только сойдет снег, переберемся за город.

Но не тут-то было! Я и не подозревал сколько хлопот у владельцев дач. Сам я, конечно, мало смыслил во всем этом. Но мои родственники оказались людьми хозяйственными и практичными. Каждый считал себя обязанным оказать мне помощь в наведении порядка в доставшемся мне хозяйстве. Ежедневно ко мне являлся то тот, то другой с самыми различными советами и предложениями.

Планов у них хоть отбавляй и один другого лучше.

Вначале я был ошеломлен хаосом предложений, сыпавшихся на меня со всех сторон. Я не знал кого слушать и что делать. Но постепенно программа действий стала вырисовываться более отчетливо. После долгих споров все сошлись на том, что дачу надо перестроить. Теткин «куратник» был тесен и старомоден.

Чтобы облегчить мне задачу, брат жены вызвался выхлопотать разрешение на строительство, а заодно и раздобыть денег.

Пока он решал эти дела, возникла новая проблема — красить или не красить будущую дачу? Большинство стояло за покраску, а теща, как самая старшая в роду, настояла на оранжевом цвете.

Не успел я еще решить, будет ли этот цвет наилучшим, как в квартире у нас запахло масляной краской и наши де-

тишки превратились в оранжевых бесенят, оставлявших отпечатки на всем, к чему они прикасались.

В дальнейшем я уже не пытался проявлять самостоятельность. Это было бы бесполезно. Я просто подчинился воле большинства и покорно выполнял все, что от меня требовали.

Собственно, от меня ничего и не требовали. Все заботы по строительству взяли на себя родственники.

И вот, вскоре квартира наша превратилась в настоящий склад. Ежедневно какие-то люди привозили к нам то ящики со стеклом, то гвозди, то доски. Однажды притащили даже целый воз саженцев фруктовых деревьев.

Все эти приобретения требовали места и нам пришлось перебраться со всей семьей в кухню. Я понимал, что это временное явление. Но временами мне все-таки хотелось уснуть в своей кровати, а не на полу. А тут еще новая забота. Оказалось, что за все покупки надо платить.

Выручили те же родственники. Кто-то из них очень выгодно продал всю нашу мебель, не потеряв при этом и половины ее стоимости. Затем моя двоюродная сестра подыскала мне работу по совместительству. Но так как доходов от этого не хватало на покрытие долгов, то она же устроила мне заказ — переплести книги, а жене и детям — изготовление бумажных цветов.

Теперь уже о сне нечего было и мечтать — на это у нас просто не было времени. Ибо о каком сне может идти речь, когда непрерывно расширявшееся строительство требовало все новых и новых денег?

И нам приходилось работать по двадцать два часа в сутки. Но зато и дачка же, я вам скажу, должна была получиться!

Правда, я сам еще ни разу там не был. Все было недосуг. Но о ходе строительства я знал от родственников. Бедняги, они не щадили ни сил, ни времени, чтобы все в новой даче выглядело наилучшим образом.

Ежедневно у нас в квартире заседал семейный совет. На нем обсуждались все детали, связанные с переделками. Не упускалось ничего, вплоть до того — в какой комнате какие повесить люстры и шторы; стоит ли стены оклеивать обоями или применить современный трафарет — черные полосы на желтом и красном фоне.

Слушая эти дебаты, мы с женой украдкой переглядывались и подсчитывали про себя, сколько лет нам еще нужно

будет делать бумажные цветы, чтобы оплатить всю эту модернизацию.

Между тем строительство, кажется, стало подходить к концу. Об этом я мог судить по все убывающему числу советов. Постепенно на нем отсутствовало то одно, то другое семейство. Оставшиеся, при этом, деловито вычеркивали из списков очередную комнату. Это означало, что она полностью построена и обставлена. И, наконец, наступил день, когда совет не собрался вовсе.

Чтобы прояснить обстановку, мы с женой в ближайшее воскресенье поехали на дачу.

В первую минуту мы не поверили своим глазам. Вместо старой развалины сквозь листву молодого сада на нас глядела совсем новенькая двухэтажная оранжевая дачка со множеством террасочек, крылечек и балкончиков.

Из каждого окошечка выглядывали физиономии моих родственников. Обитатели дачи приняли нас радушно, как самых дорогих гостей. Напоили чаем, а затем повели показывать мои владения.

Все в новом доме выглядело великолепно и мы с женой, как по команде, заявили в один голос, что завтра же переедем сюда с детишками.

Но не успели мы кончить, как я почувствовал, что сказал какую-то глупость. Вся моя многочисленная родня с удивлением уставилась на меня.

— Переедете? — спросил меня двоюродный брат мужа сестры моей жены, — переедете, но куда? Прости, мы как-то не подумали о вас. Вся дача занята, нет ни одной свободной комнаты, вот разве что чердак еще свободен?..

Иван ДИОРДИЕВ

И Д А В Н О ?

Он сидел около меня на скамейке. Худой, бледный, вялый.

— Не удивляйтесь... Нервы, дорогой, нервы...

— И давно?

— Лет пять. Э-э-э, — сказал он тяжело, — если бы только нервы, а так и желудок беспокоит.

— Заметно... Выглядите очень бледно. И давно?

— Лет семь, если не больше. И сердце постоянно беспокоит.

Он поднял дрожащую левую руку и приложил ее к сердцу.

— И давно беспокоит вас сердце?

— Вот уже лет десять, дорогой, лет десять...

Посмотрел вокруг, быстро вытащил из портфеля бутылку и поднес ее ко рту. Сделал несколько глотков.

— С лекарством в портфеле? — посочувствовал я.

— Хм... — улыбнулся, — какие там лекарства? Если бы я слушал врачей, давно бы меня не было. Даже такого, каким видите сейчас. — Посмотрел в портфель. — Как жаль.

Забыл дома стаканчик. Налил бы и тебе. Но, пожалуйста, из горлышка. Не желаешь хоть глоток за мое здоровье?

У меня остановился комок в горле.

Посмотрел на него, потом на бутылку, которую он прятал где-то на дне поношенного портфеля.

— И давно?

— Что давно? А-а-а?! Да вот лет пятнадцать, дорогой, лет пятнадцать...

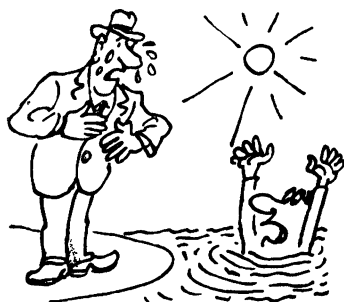
МОЙ БЫВШИЙ ПРИЯТЕЛЬ

Не любитель я устраивать свои дела за счет знакомств. И к Ивану Никифоровичу обратился лишь по чистой случайности.

— От кого же, — спрашивает хозяин кабинета, выслушав меня внимательно, — от кого, говоришь, зависит решение твоего вопроса?

— От вас, — отвечаю. — Если б, — продолжаю, — кто другой мог разобраться, не стал бы вас утруждать...

— Понимаешь, — задумчиво продолжает, — даже не знаю как быть! Вот если б решение вопроса зависело не от меня — все было бы проще. Я позвонил бы тому товарищу, от которого зависело б решение этого вопроса, и вопрос был бы решен. А так сам подумай. Ну, утрясу я это дело... Что другие скажут? Вот, скажут, если приятель...

— Ну и что, — возражаю, — в том плохого, что мы приятели?..

— Ничего, конечно, плохого в этом нет. Но все же... Разговоры пойдут. А знаешь что? Найди-ка ты среди своих знакомых такого, которого б я тоже знал. И пусть он за тебя попросит. И я тебе это дело устрою.

Сергей ФУРТУНЭ

СЕАНС АСТРОЛОГИИ

В купе нас было трое: старенький учитель из Уфы, инженер из Сызрани, следующий на новое место работы, — и я — вчерашний студент, а ныне выпускник горного института, ехавший поправлять свое, «подорванное» экзаменационными треволнениями здоровье, к деду в деревню, под Кострому.

Я лежал на полке, листал детектив «Щупальцы кальмара». После студенческих книг, заставляющих постоянно думать, сопоставлять, искать истину — чтение опуса, на десятках страниц которого не найти было и проблеска мысли и за главу вперед можно было разгадать действия героев, было занятием щекочущим самолюбие, дающим ощущение твоего превосходства над автором. И это, черт побери, было приятно

День шел на убыль. Сумерки просачивались сквозь оконное стекло и окутывали страницы.

Я отложил книжку, прислушался к разговору своих попутчиков. Вначале это была обыкновенная банальная беседа, которую нередко можно услышать в зале ожидания или купе: откуда, куда, мотивы, на долго ли...

Учитель говорил просто и негромко. В словах инженера проступали сентенция и фанфаронство.

Проводник принес пахнув-

ший накипью, круто заваренный чай. Ужинали долго и не спеша. Учитель угощал нас горьковатым липовым медом и бесподобными вагрушками. Был признан и мой ореховый пирог. В свою очередь инженер достал из кожаного саквояжа крупные, как дыня, апельсины.

— Марокко. «Апельсины из Марокко» — В. Аксенов, — сказал он небрежно.

— Вы были в Марокко? — спросил я заинтригованно.

— Приходилось, батенька, — также небрежно ответил инженер.

Я наклонился, намереваясь спросить: звуки тамтама-то он слышал?..

Но инженера не было.

— Ушел к начальнику поезда, — сказал учитель. — Лампочки, говорит, горят не в полный накал.

Кому нужен этот накал на ночь глядя? — подумал я и, пожелав учителю спокойной ночи, отвернулся к стене. Вернулся наш инженер минут через десять.

— Уломал... Пройдут подъем — добавят, — сказал он.

И впрямь, вскоре потолочные бра из медного цвета окрасились в иссинь-белый.

— Настоячивый вы, — сказал учитель после недолгой паузы.

Обычно такие высокие определения, как: упорный, настоящий, смелый, целеустремленный, мы произносим с застенчивой завистью. В особенности ежели этих качеств нам как раз и не достаёт. Но в том, как произнес это слово учитель, не было и тени восхищения. Точно так можно было бы сказать: «высокий вы», «опрятный вы». Или вложить в эпитет еще какое — чисто зрительное понятие.

Но инженер не заметил нюанса и, смакуя каждое слово, согласился:

— Да уж, этого у меня не отнимешь. Сызмальства приученный. Помню, мать никогда не давала мне конфеты и шоколад прямо в руки. Она ставила сладости на подоконник и говорила: «Ну, брат, трудись! В жизни ничего легко не дается». А подоконник у нас высокий, так просто не достанешь. Стул или табурет подтащить у меня сил не хватало. Принесу я доску со двора, на нее горшок вверх дном пристрою, на горшок пару толстых книжек. Взберусь на это шаткое сооружение, тянусь к сладости... Бывало и сорвешься раз-другой. Но от цели не отказываешься, не хнычешь. И приходит благодатная расплата... «Молодец, — говорили

родичи, — хватка у тебя есть». А ведь мне и трех не было.. Позже это упорство пригодилось мне.

Помню, в институт поступал: раз завалил, второй, третий. Колька Стриженов — отличник наш — тоже срезался. Что-то не понравилось экзаменаторам в его сочинении на вольную тему. После первой попытки спасовал он, пошел рубить уголок в шахту. Так и остался без высшего. А я нанял репетитора и еще три года поступал. Вот и судите в чем соль: год-два покрасоваться на школьной доске отличников или потом, когда придет время больших испытаний, суметь противопоставить им свои упорство и настойчивость.

Учитель молчал. Тень занавески падала на его крупные скулы, оттеняя лицо, придавая ему отсутствующий измученный вид. Казалось он спал, уставший от тетрадей в косую линейку, вагонной тряски и этих софистических рассуждений.

— О чем вы думаете? — спросил инженер, обращаясь к нему.

— Об упорстве... И еще о том, что у этого человеческого качества есть множество разновидностей, точнее множество сфер и направлений для применения. Не всегда мы проявляем упорство там, где в этом есть подлинная необходимость. Чаще мы просто приписываем себе эпитет упорного. Нам так удобней... Не справляясь с должностью, мы не находим в себе смелости признаться в этом. Более того, выгораживаясь, мы выдумываем себе всевозможные оправдания: трудный объект, трудный участок, неудачный год и т. д. Ну, а коль объект трудный и ты не бросаешь его — значит ты упорный. И людям и в голову не приходит, что объект сей труден лишь потому, что он просто тебе не по плечу. И, что другой на твоём месте — потянул бы его играючи...

Учитель встал, раскурил коротконосую трубку, подошел к окну, шумно опустил раму, неожиданно поменял тему разговора:

— Звезды сегодня яркие. Ветрено потому что. Даже Магеллановы облака проступили.

— Вы ведете астрономию? — спросил я.

— Нет, я филолог. Но звездную книгу я научился читать раньше азбуки. Так случилось, что моим первым мэтром был не школьный учитель, а известный в то время петербургский звездочет Альберт Туше. Большой был шарлатан, но астрономии знал неплохо. К нему двенадцатилетним мальчишкой попал я в услужение и от него же узнал звездную карту.

— И вы можете составить гороскоп? — оживился инженер.

— Гороскоп — мистика. Есть более верные способы предсказания судьбы.

— Ширина лба по Ламброзо? Рельефность темени по Фрейду?

— Нет, в это я тоже не верю.

— Тогда, что вы имеете в виду? — спросил инженер.

— Будущее человека можно предопределить зная, чем живет он в настоящем.

— Превратности судьбы вы исключаете?

— Нет. Просто есть категория лиц, которые не подвержены никаким превратностям. У них выработался прочный иммунитет против всех земных круговертей. Жизнь их ровна, как бильярдный стол и никаких зигзагов и перемен в ней не предвидется. Они никогда не делают глупостей, рискованных шагов, а посему и не ошибаются.

— Бог с ней, с философией, — прервал инженер. — Погадайте лучше.

Учитель неожиданно согласился.

— К вашим услугам. Только хочу предупредить: на астрологов, равно как и на хирургов, причиняющих боль, — не обижаются...

— Многообещающее начало, — отшутился инженер.

— Так с чего мы начнем? О том, как вы в детстве с упорством поедали конфеты, — мы знаем. И о том, как пригодилось это ваше упорство при поступлении в вуз, мы тоже слышали. Начнем с вашей трудовой деятельности. Я видел у вас портсигар из оленьей кожи. Такие в ходу у нанайцев. Это наталкивает на мысль, что вы побывали на Севере. Работать на Севере тяжело, но вы ведь упорный. Кстати, трудовой стаж вам шел там год — за два, а к зарплате — надбавка? Не так ли?

— Да, у меня два года «северных», а что?

— Два года «северных»... вуз вы окончили, судя по значку, четыре года назад, значит остальные два года вы были за границей. Жара, колючие пальмы пашибуа, великаны муравьи — инсули. Словом — не Рица. Но что вам с вашим упорством?.. Кстати, как там с окладом дела обстояли?

— Двойной. А что?

— Теперь вы вернулись. Привезли гостинцы — апельсины. Отдохнете месяц-другой. И... можно и об аспирантуре

подумать. Возможно, вы с первого раза и не поступите. Возможно, еще две-три ваши попытки увенчаются неудачей. Но в конце концов упорство возьмет свое. Вы подберете себе тему. Можно «Влияние некоторых термических моментов на некоторые структурные особенности некоторых металлов». Можно другую. Лет через пять вы «остепенитесь». В смысле, получите ученую степень: и остепенитесь — в смысле, что упорствовать вам больше будет незачем. Вы добились всего чего хотели. Такие незначительности, как упорство, проявленное в борьбе за кресло, улучшение жилищно-бытовых условий и средств передвижения — авто, я со счетов сбрасываю....

— Послушайте, — не вытерпел инженер, — я вижу ваш сеанс превратился в сплошную сатиру в мой адрес! Вы, что же, против упорства — этого прекрасного человеческого качества? Против цели в жизни?

— Нет, я не против упорства — упорства во имя долга. Упорствовать же, предвкушая вкус сладостей — мало чести. Идти к цели, видя перед собой конфету — низко.

— Причем здесь сладости и конфеты? — кажется искренне удивился инженер. — Мне кажется вы просто устали. Давайте лучше спать!..

Учитель ничего не ответил...

Струя воздуха, врываясь в полуоткрытое окно, путалась в оконных занавесках. Ситец приглушенно хлопал, отчего казалось, что в комнату на колесах влетела большая сильная птица.

Я встал, тихонько вышел в тамбур. За окном мелькали редкие огни. Поезд гасил скорость. Вскоре закрипели тормозные колодки и, тихо вздрогнув, состав остановился.

— Стоим семь минут, — предупредил сонный кондуктор.

Я сошел на перрон. Было темно. Пахло мазутом. Высоко в небе бледно-красным пламенем алели созвездия Большого и Малого Магелланова Облака.

Очень далекие системы. Чтоб разглядеть их — нужно хорошенько приглядеться.

КАК НАПИСАТЬ КИНОРЕЦЕНЗИЮ

Оговорюсь сразу: я не гарантирую, что научу вас писать рецензии, которые вы сможете публиковать в «Советской культуре» или, скажем, «Искусстве кино»... Тем не менее, при желании вы отыщите не одно газетно-журнальное издание, которое согласится тиснуть вашу продукцию.

Итак, приступим к делу. Возьмите лист бумаги и запишите следующее. Для того, чтоб написать кинокритику, нужно:

- а) посмотреть фильм;
- б) запомнить имена его создателей.

Создателями (это можно не записывать) принято считать: режиссера, оператора и актерский ансамбль. Можно, конечно, сказать несколько слов и о сценаристе, но это уже дело ваше... Что касается композитора и художника фильма, то эти лица, как правило, довольствуются и тем, что о них упоминается в титрах...

На этом же листке бумаги набросайте план будущей рецензии.

Итак, план:

1. Студия, где создавался фильм.
2. Режиссер фильма (его ранние работы).
3. Оператор.
4. Краткий пересказ сюжета.
5. Актерская игра.
6. Концовка.

Даю образец:

«Свай вбиваются пневмомолотом»

Так называется новая работа студии «Стандартфильм».

С продукцией этой студии зритель знаком давно. Стоит вспомнить такие фильмы, как: «Звезды смотрят вниз», «Реки впадают в море», «Человек с обезжиренной кожей», и многие другие.

На съемочных площадках «Стандартфильма» выросли такие мастера кино, как Пере-

пелкин, Саратово-Частушкин, братья-операторы Булыжниковы.

Имя режиссера Ванечкина, создателя «Свай, вбиваемых пневмомолотом», также знакомо зрителям. Его ранние полотна «Отдать концы!» и «Птицы зимуют на юге» вызвали в свое время восторженные отзывы критики.

В новой работе Ванечкин остался верен своему профессиональному кредо.

Молодому режиссеру присущи постоянный поиск новых выразительных средств, новых приемов, своеобразная режиссерская трактовка. (В чем конкретно выразился этот поиск и своеобразие иллюстрировать не обязательно)

В решении предельно выразительных, порой даже аллегорических кадров, сцен, эпизодов — талантливый художник нашел чуткого партнера-оператора Вадима Углового.

И если, в не так давно прошедшем по экранам фильме «Влюбленный ватерполист», молодой оператор, вчерашний выпускник ВГИКа сдавал экзамен на творческую зрелость, то в ленте «Свай вбиваются пневмомолотом» перед нами уже сложившийся мастер. Его богатая палитра, смелые ракурсы придают фильму романтическое звучание. И можно с уверенностью сказать: присутствие Углового — оператора в «Сваях....» так же волнующе, как подача углового удара у ворот любимой футбольной команды...

В основу «Свай...» заложен конфликт между сельским архитектором Сосновым, — личностью с передовыми взглядами, — и председателем колхоза Вырланом — человеком хозяйственным и деловым, но не всегда чувствующим ритм времени.

Соснов (артист Акациев), с которым мы знакомы по фильму «Человек с пересаженной почкой», берется за перестройку колхозного села уверенно и смело. Его оригинальный проект водонапорной башни с астрономической обсерваторией наверху поражает все воображения. Но председатель колхоза Вырлан (артист Мырлан) не достигает высоты полета архитектурской мысли и вместо башни-обсерватории строит силосную башню...

В фильме выведен еще один яркий образ — образ сельского почтальона. С этой ролью успешно справился артист Сумкин. Роль почтальона не единственная работа Сумкина в кино. С ним мы уже знакомы по фильмам «Такая белая ночь» и «Дымоход чистят от сажи».

В своем первом фильме снялся студент театрального училища Леонид Иногородний. Как всегда великолепен артист С. Кириллов в роли младшего лейтенанта милиции Шпагатова.

В галерее образов работников милиции, созданных этим одаренным актером (вспомните сержанта Тесемкина из «Алых погон», старшего сержанта Бечевкина из «Синих шинелей», старшину Веревкина из «Форменной фуражки»), образ младшего лейтенанта Шпагатова займет достойное место.

Но, наряду с большими творческими удачами, в фильме, к сожалению, есть и недостатки. Так в сцене объяснения в любви зоотехника Гицэ с дояркой Глашей за кадром слышен шум удаляющегося мотоцикла, после чего Гицэ произносит свою ключевую реплику: «Дождь льет, а наш почтарь на своем «ИЖе» разъезжает. Мм-даа...».

Хороший кадр, говорящий кадр. В нем нашли отражение и состояние дорог (дождь не помеха езде на мотоцикле), и бесперебойная работа службы связи (и в дождь, и в снег), и улучшение жизненного уровня (почтальон на мотоцикле), только судя по глухим, басистым выхлопам мотора, для шумового оформления был использован мотоцикл марки К-750, в то время как Гицэ утверждает, что почтальон «разъезжает на ИЖе». И все же этот досадный промах не умалил художественных достоинств фильма. Соприкоснувшись с его героями, зритель получит большую эстетическую радость.

Хочется пожелать создателям фильма новых творческих удач!

Точка. Все. Вот в таком разрезе.

Конечно, в рецензии могут быть и свежие мысли, наблюдения, своеобразный язык — словом все то, что приближает рецензию к художественному произведению малой формы.

Но, как показала практика, — это не обязательно...

PS. А предложенный мною план сохраните. Он вам понадобится вот для чего: если в первой рецензии вы начинали с режиссера и его предыдущих работ, то садясь за новую — вступайте с краткого пересказа фильма. Кто теперь упрекнет вас в скудости фантазии и штампе? И побольше кинотерминов: ракурс, натура, кадрирование, плавающая камера и т. д. На их фоне адинамичность написанного станет менее зримой.

ДРЕВНЕРИМСКИЙ ОБЫЧАЙ

Не знаю, как у других председателей спортобществ, а мой рабочий день начинается со звонка «сверху». Шеф — Петров называет это «допингом» и считает, что я без него, как слепой без поводыря.

И вот, в девять ноль-ноль: дзинь... дзинь...

— Значит, здравствуй! — говорит Петров. — Тут, значит, телефонограмма получена: наши в зональных соревнованиях пробились на второе место. Нужно организовать встречу...

— Так не на первое же... — возражаю.

— Ну, ты это брось! — Зона-то какая! Одним словом, нужно встретить на уровне. Обозгуй и представь конструктивный план. Значит, понятно?

— А что, — говорю я, оживляясь, — если мы встретим их по-римски?..

— По-римски? Интересно... А ну давай, значит, в деталях. С подробностями!

— У древних римлян, — поясняю, — был добрый обычай: во время триумфа народ и войско, вместо дифирамбов, распевали сатирические куплеты в адрес триумфатора. Чтобы тот не слишком зазнавался. И не почевал на лаврах...

— И правильно, — соглашается шеф. — А то что у нас с Канатовым получилось?.. Мы его и в кино, и на радио, и еще только не знаю куда... А он прицепил у изголовья свой портрет и полгода самолюбовался, пока какой-то второраз-

рядник из него тренировочную грушу на ринге не сделал...

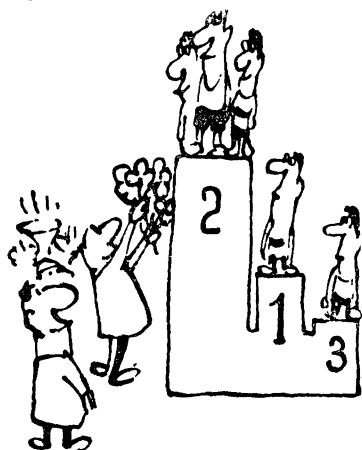
— А Беглов, — вторую, — недолго думая, к соседям переметнулся: восходящей звездой себя возомнил...

— Во... во!.. — поддакивает Петров.

— Встретим скромненько, без помпы. Поздравим, конечно. И эти самые... куплетики... в шутилой форме приподнесем. Будет мило!

— Думаешь?

— Уверен. Вот послушай-

те: э-э-э... Допустим так: «Гарин, ты преодолел всех районных асов; только помни! — ты еще далеко не Власов!»

— Ого! Ты где так поднаторел?

— Было дело... Или вот: «Несмотря на твой прогресс, Вероника Дулче, рекордсмен Ирина Пресс начинала лучше!»

— Впечатляет. Знали древние, что делают...

— Или вот еще, — вдохновляюсь я. — «Копье, Кудасов, — дело не простое. И если ты не будешь каждый день метать... э-э-э...

— Получишь разгон, — закончил Петров. — Молодец, новатор! Решено: делаем по-римски... Значит так. Перво-на-перво — оркестрик: марш «Входящему», чтобы, значит... Потом цветочки. Пионеры, само собой. Транспарантик: «Сегодня чемпион района — завтра олимпийский чемпион!» Речь... Ну, это я, значит, сам... А под занавес — скромный банкет в ресторане «Кишинэу». И вот тут-то, между тостами, ты свои куплетки и ввернешь. Сатирические... Только рифмы подчисти. А то, они у тебя, как горбыли. У меня все. Будь здоров, значит. Действуй, новатор!!!

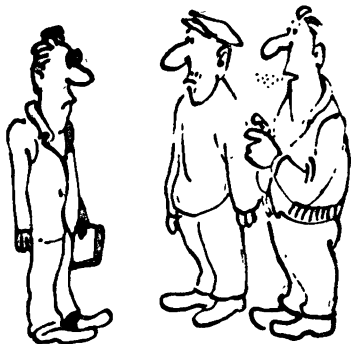
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Наш комсорг Коля Колокольников считает, что нам просто не повезло.

— Есть коллективы, насчитывающие сотни человек, — говорит он, — и среди них вы не найдете и одного верующего, а тут нате — в молодежной бригаде из тридцати человек — две единицы охвачены религиозным дурманом. И веру-то выбрали хитрую, удовлетворяющую их лодырские потребности...

Здесь необходимы кое-какие пояснения.

И Лязгин, и Кузлин (одурманенные единицы) состояли в религиозной секте, запрещающей работать в субботние дни.

Мы подходили к ним и так и этак, но все наши попытки были безуспешны: каждую субботу два стака простаивали.

Одно время был поставлен вопрос об увольнении «святош», но мы подошли к делу трезво: мы уволим, другие уволят — и пошел человек по миру.

В субботние дни работали без перекуров, а то и задерживались на часок-другой. И, пока «святоши» отбивали поклоны, мы давили на план.

Но и это не спасло.

Их прогулы портили нам все показатели, и о нашей бригаде частенько поговаривали на заводских активах.

— Вот что, — сказал мне — своему заместителю — Коля Колокольчиков. — Пора провести с этими индивидуумами соответствующую атеистическую обработку. Я б занялся ими лично, да сам знаешь, отчетность на носу...

— Какой уж из меня атеист-пропагандист, — отшутился я, — если я протестантскую церковь от православной отличить не могу.

— Брось, не боги горшки обжигают. Подбери в библиотеке соответствующую литературу и жми...

— В общем так, — сказал я вскоре «святошам», запираясь с ними после работы в подсобке. — Я буду читать вот эту книжицу, в которой очень наглядно доказаны ваши темные заблуждения, а вы будете слушать. Времени у меня предостаточно и я буду читать ее до тех пор, пока вы не поймете, что все сказанное в ней — правда.

Наверное, это был не самый лучший метод атеистической пропаганды, но ничего другого я придумать не мог.

Я открыл толстую брошюру из серии «Современные религии» и стал читать:

«Изучение религии никогда не было сферой чисто академического, беспристрастного интереса. Это арена острой идеологической борьбы. Судьба отдельных религиозных течений оказалась неодинаковой. Среди них в первую очередь следует назвать баптизм. В своих основных чертах и проявлениях баптистская церковь не конгломерат...».

— Чё, чё? — перебил Лязгин.

— Конгломерат, говорю...

— А-а-а, — сказал Лязгин.

— «Научная критика не может ограничиться религиозной доктриной»...

— Чем? — спросил Куклин.

— Доктриной же, ну...

— Ыгы... — давай дальше, — сказал Куклин.

Я читал, пока не охрип. Лязгин и Куклин, как ни странно, слушали очень внимательно.

— Ну, что, убедились или продолжать? — спросил я, переворачивая сто девятую страницу.

— Все, ясно, — сказал Куклин.

— Что... ясно? — спросил я настороженно.

— Вранье все это, — возбужденно ответили Лязгин с Куклиным.

— Что... вранье?.. — еще больше насторожился я.

— Да вера эта...

— То-то же, — облегченно вздохнул я. — Сразу бы так.

— Странно. Уж больно быстро они сдались, — задумчиво проговорил на второй день Коля Колокольчиков. — Предложи им билеты в театр. Небось, откажутся...

Предложил, не отказались.

А в субботу — снова прогуляли.

— Значит капитулировали, говоришь? На сто девятой странице, говоришь? — ехидничал Коля Колокольчиков. — Ну погодите, «святые отцы». Доберусь я до вас. Вот только взносы соберу...

И комсорг сдержал слово.

Через месяц прогульщики предстали пред его строгими очами.

— Мы терпели ваш религиозный опиум, — сказал он гневно. — Но обмана не потерпим. Значит на словах сознаете, что вера обман, а на деле — обратное?!

— Так смотря какая вера...

— То есть...

— Он же про баптистов нам читал.

— Так что же?

— А мы — сектанты — хасидисты.

Комсорг вопрошающе посмотрел на меня. Я на комсорга.

— Ну, вот что, братья — ха... хасидисты, — сказал наконец Коля Колокольчиков, — идите. Идите, но знайте: борьба за вас только начинается.

— Я лично возьмусь за это дело, — закончил он, когда Лязгин с Куклиным вышли. — Вот только подобью итоги соцсоревнования.

ОЗАБОЧЕННЫЙ

Наш бурный беспокойный век тресбует вдумчивого к себе отношения...

Это я прочел где-то и теперь поминутно ловлю себя на том, что думаю о чем-то важном, деловом и значительном.

Как это можно: прийдя с работы и, обув домашние тапочки, бесшабашно уткнуться в кроссворд или там еще какой, извините, нонсенс. Мир начинен парадоксами, как фугас порохом. Кому, как не нам, разобраться в них?

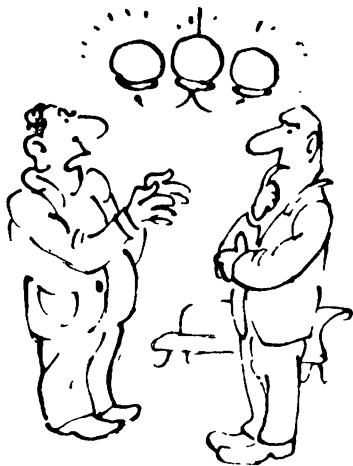
Мне, например, не дает покоя такой вопрос или, образно выражаясь, — факт. Все говорят о вреде курения и лишут об этом метровыми буквами... А табачные комбинаты увеличивают выпуск продукции.

Опять же: с алкоголизмом ведется яростная борьба, а винзаводы наращивают производство. Как понимать подобное?

Проблема мотоциклов опять же. Ведь что ни день — авария. Почему бы не сократить выпуск мотоциклов, если от них одни неприятности?

Не знаю как вы, а я насчет электрического тока тоже подумал бы... Нет, то, что он есть — неплохо. Можно уютно попользоваться или еще чем... Но то, что он стукнуть может — вот это уже не дело.

Шурина моего со столба сбросил. Лежит в кровати. В гипсе, образно говоря.

Ну, да это — мелочи. Есть вопросы и позакрывистее.

Как вы относитесь к политике? Я без нее и дня прожить не могу. Последним предметом моих глубоких раздумий было состояние наших торговых отношений с Банановой республикой. Мы им тракторы — они нам бананы. А зачем нам их бананы? Да если мы захотим, мы своих — отечественных бананов столько понавыращиваем — есть некому будет.

Теперь о литературе. Эта область занимает не послед-

нее место в моей озабоченности. Толстой не любил Шекспира. Писарев недооценивал Пушкина. Как тут быть? Принимать Шекспира всерьез или нет? И как отзываться при случае о Пушкине? Вот — дилемма. Есть над чем поразмыслить.

И так наразмыслишься, так за день намаешься, что прямо голова кругом идет. А тут еще Викентий Феофанович и Ярополк Ксенофонович — собеседники мои милые с визитом.

— Как вы считаете, друзья, — начинает Викентий Феофанович, — есть толк в изучении Луны, если на Земле еще столь неизведано?

Зарождается живая, содержательная беседа, конец которой в состоянии поставить лишь стук шваброй о перегородку, раздающийся далеко за полночь.

Стучит недовольная шумом сверловщица Тамара. Темная женщина. Совершенно лишенная вдумчивости...

РЕГИСТРАТОР ФЛЮГЕЛЕВ

Предположим — вы работаете в отделе кадров завода. И заходит к вам мужчина пенсионного возраста, и говорит: — Я хотел бы устроиться на работу...

Как вы поступите? Постараетесь, конечно, подыскать ему место согласно его возрасту: поспокойнее да полегче.

Я тоже так думал. Да ошибся. Но по порядку.

Так вот, заходит однажды некто Флюгелев и произносит уже знакомую фразу. И документы подает.

Знакомлюсь: пятьдесят пять лет; двадцать семь из них пробыл каким-то регистратором корреспонденции.

(Получил, значит, пакетик, зарегистрировал его и вся недолга). Взысканий нет. Поощрений, впрочем, тоже.

— Ну что ж, — отвечаю. — Подберем что-нибудь. Можно табельщиком, — предложил я, исходя из его старой должности, — можно в бюро учета.

— Нет, мне бы в цех... — попросил Флюгелев.

В цех, так в цех. Почему бы и нет? Для своих лет он прекрасно выглядит. Но скидку на возраст, все же, сделать нужно...

— Тогда в механический. На склад готовой продукции, — говорю. — Работа легкая. Оклад — восемьдесят. Устраивает?

Флюгелев скорчил кислую мину. Не устраивало. Не знаю только что: оклад или работа.

Я призадумался.

— Есть тут одно место. На сто рублей. В штамповочном...

Флюгелев без энтузиазма посмотрел мимо меня. Да, действительно, подумал я; в штамповочном, пожалуй, шумновато для него будет.

Я полистал журнал вакансий.

— В лакокрасочный, — нерешительно предложил я, — нужны люди. — Зарплата неплохая: сто двадцать и выше.

Флюгелев неопределенно пожал плечами. Цех обжига я назвал скорей по инерции. В таком возрасте, да не познавшему гармонии и ритма настоящего труда — ему там действительно было бы не легко. Но услышав цифру 140, Флюгелев неожиданно преобразился.

— Ну, а что у вас еще есть? — спросил он оживленно.

— Да пожалуй и все, — развел я руками. — Грузчиком ведь вы не пойдете?

— Сколько? — только и спросил Флюгелев.

— Да сколько, — сказал я, — и полторы сотни и больше.

— А сто семьдесят будет?

— Возможно. Это нужно уточнить в отделе труда и заработной платы, — сказал я и набрал номер бухгалтерии. Абонент был занят. — А почему вас интересует именно эта сумма?..

— Понимаете, — ответил он помявшись, — размер пенсии начисляется из заработка последних трех лет. Вот и выходит: чтобы получить пенсию сто рубликов...

Дальнейшего объяснения не потребовалось. Я понял все. Выходит можно всю жизнь сидеть на дамской работе: клеить конвертики, регистрировать поступающую корреспонден-

цию, и прочее, а под занавес «организовать» себе приличную пенсию. Вот о чем подумал я, глядя на его благоухающее лицо. Но антипатии антипатиями, — а служба службой. И я снова набрал номер бухгалтерии.

...До интересующей его суммы не дотянуло каких-то пять рублей.

И он ушел к соседям. На сталелитейный.

...Где он сейчас? Регистратор корреспонденции. С пенсией сталевара.

МИМОХОДОМ

Объявление: «Меняю соседей...»

* * *

Бесконечность: «Приходите завтра...»

* * *

Часы показывают и то время, которое мы теряем, часто глядя на них.

* * *

Когда руководитель не на своем месте — часто меняют место подчиненные.

* * *

Редко колемся о колючки, растущие на видном месте, чаще о те, что прячутся среди цветов.

* * *

Когда предложили уйти с работы за безделье — ответил: — Думаете в другом месте буду что-то делать?..

* * *

Хотя дом не был принят, строители не стали биться головой о стены: боялись — отвалится штукатурка.

* * *

И торопясь, можно топтаться на месте.

* * *

Дремучее суеверие не мешало ему с нетерпением ждать тринадцатую зарплату.

* * *

Упрямство других — это капризы. Собственное упрямство — твердость характера...

* * *

Ставши на ноги, забываем о руках, поднявших нас.

* * *

«Говорю вам без стеснения... прямо в лицо...» — писал автор анонимного письма.

* * *

Подчас трудней всего выходим из тех обстоятельств, которые создаем сами.

* * *

Дерево, растущее на возвышенности, ближе к солнцу. Но оно чаще подвержено капризам ветров.

* * *

Если «Книга жалоб и предложений» абсолютно чиста, дело здесь не совсем чистое...

* * *

Выйдя на дорогу жизни, стал ждать, чтоб на ней расставили указательные знаки.

— Все плохие дороги ведут в Доротдел! — вздохнул начальник дорожного строительства. И добавил: — А между тем, мы все вокруг себя заасфальтировали.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПОЧЕМУ ВСПОТЕЛ ЛЕНТЯЙ

Проснулся тунядец весь в поту и вышел на воздух освежиться. В это время с работы возвращался сосед и спрашивает:

— Как поживаете, кум?

— А вот проснулся и сейчас немножко отдыхаю.

— А чего вы так вспотели?

— Вспотел? А вот приснилось, что целый день работал, вот и вспотел.

ГОРДОСТЬ

На заседании правления обсуждалось заявление одного колхозника, который выходил на работу раз в год. Теперь он просил материальную помощь.

— Ты лучше бы работал, как все, — сказал кто-то из членов правления.

На это тунядец ответил гордо:

— Я прошу у вас помощи, а не советов!..

КОНЮШНЯ

Продавался частный дом. Покупатель пришел договориться о цене.

— Итак, вы просите за этот дом 30 тысяч рублей. Но где же здесь конюшня?

— Какая конюшня? — удивился домовладелец. — И зачем конюшня?

— Чтобы держать в ней того осла, который согласится заплатить такие деньги...

ЧУТКИЙ ДИРЕКТОР

— Товарищ Петрел, вы лучше зайдите сегодня ко мне домой, и тогда мы сможем поговорить с вами.

— Но я не знаю, где вы живете.

— Все равно приходите.

ПУСТЫЕ ВЕДРА

Разговаривают два приятеля.

— Вчера я ходил в магазин купить ведро. И мне так не повезло! У самого входа встретил женщину с двумя пустыми ведрами.

— Как тебе не стыдно?! Веришь в приметы?

— А как не верить? Она последние два ведра купила.

УГРОЗА

Муж рассказывает жене:

— Такие безобразия творятся на нашем заводе, просто ужас! Но пусть директор знает: если ему удалось закрыть мне рот, то глаза на беспорядки закрыть не удастся.

ЛЮБОВЬ

— Лида, ты меня любишь?

— Да, конечно, очень.

— В таком случае прошу тебя прийти завтра в загс. Мы с Машей решили пожениться, и нам нужны свидетели.

ТЯЖЕЛОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

— Почему ты не приходишь на работу?

— Я болен.

— А что у тебя?

— У меня бюллетень!..

ОШИБКА РЕВИЗОРА

— У вас на двадцать кур больше, чем по документам! — возмутился ревизор.

— Совершенно верно, — согласился заведующий птицефермой.

— Но почему?

— Я думал, что надо же как-то проводить вас после ревизии.

ЛОГИКА СОБЫТИЙ

— Что ты все вздыхаешь, Трифан? — удивился заведующий фермой.

— Как не вздыхать, — отвечает тот, — если погибло тридцать пять поросят!

— Когда?

— А тогда, когда мне пришлось вспахать вашего сына.

— Ну и что же?

— Ничего особенного, но завтра выходит замуж моя дочь...

АМОРАЛЬНЫЙ ТИП

Весной он обещал вспахать вовремя, посеять и собрать урожай. И ни одно из этих обещаний не выполнил.

— И что же с ним сделали?

— Дали выговор за то, что развелся с женой...

ОТЦЫ И ДЕТИ

— Правда, что твоего сына хотят исключить из школы?

— Наверное, правда. Уж несколько знакомых говорят мне об этом...

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

— Кто без билета?.. Вы, гражданин?

— У меня проездной.

— Покажите.

— Показать?! Для чего же я его тогда купил? Нет, уж лучше я заплачу четыре копейки за билет, чем каждый раз показывать проездной.

ВОЛШЕБНЫЙ СТАКАН

Клиент подозвал официантку и с возмущением сказал:
— Вы говорили, что у вас спиртные напитки не продаются. Почему же компот пахнет водкой?

— Возможно, стакан... Я сейчас вам все поменяю, — предложила официантка.

— Да, непременно поменяйте: возьмите компот и принесите водки.

ПОЧТИ КАК У ПЭКАЛЭ

— Что у вас хорошего?

— Все, что угодно.

— Котлеты есть?

— Есть.

— А колбаса?

— Тоже есть.

— Свежая?

— Да, только привезли.

— А не очень жирная?

— Есть и жирная, и постная.

— Тогда налейте, пожалуйста, стакан газированной воды.

ДРУГАЯ КНИЖКА

В сберкассе встретились двое.

— А, привет! — сказал первый. — Плохи твои дела. Говорят, берешь взятки, а деньги кладешь на сберкнижку. Это же хамство, дружище!

— Не волнуйся, — сказал тот. — Эти деньги жена кладет на свою сберкнижку.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Маринат.	Незащищенная диссертация. Персональный водитель. Чашка. Подозрительная личность. Гогошары. Париж, который не в Барселоне . . .	3
А. Лупан.	Земляк Семен. Похвала Дементию. Иларие да Ларие Комедия Химия гибрида. Тэркилэ Бедняга язык.	21
Р. Слуцкая.	И что ему надо? Санаторий «Магнолия». Палочка-выручалочка	31
П. Ширяев.	Феномен. Отпустите на часок. Жесткий контроль. Частный ремонт. Прелестная квартира. Родительское собрание. Странное решение. Сила искусства	35
М. Хазин.	Памирский сувенир. Поймите меня правильно. Конец загадочной личности	51
А. Брыньковяну.	Повестка. Репетиторы. В быстром темпе. Не уступает. Внимание к ближнему. Ни капли в рот. Прекраснодушный мечтатель	61
А. Василюк.	Операция «Гроза» Две вести	75
В. Прохин.	Телевизор. Мотоцикл с коляской	87
Г. Перов.	Волшебная путевка. Баллада о нервах. Мужчина в доме. Братьям-рыболовам. Рыбья месть . .	95
Л. Бусуйок.	Папочка, расскажи сказку. Вселение Иона Падуре	101
С. Мирон-Брэйковяну.	Петрел	109
А. Малашенко.	Повезло. Открытие. Ночной визит	113
К. Кондря.	Перевод. Критика зайцев. Лучший оратор. Трагическая смерть. Кот-художник. Формула вежливости	117
А. Пасечник.	А, ладно!.. Око за око. Этот странный Деточкин.	121
В. Субботин.	Общий язык	127
Ф. Целищев.	Узкое место Две сатаны. Кобра. Самая короткая басня	131
Г. Челак.	Часы с кукушкой. Клад	132
Анна Лупан.	Бессонная ночь. Корица.	140
А. Горло.	Погоня. Первая борозда. Упражнения с телегой.	150
Е. Долгих.	Наследство	156
И. Диордиев.	И давно? Мой бывший приятель.	160
С. Фуртунэ.	Сеанс астрологии. Как написать кинокритику. Древнеримский обычай. Индивидуальный подход. Озабоченный. Регистратор Флюгелев . .	162
	Мимоходом. Короткие рассказы	178

32 коп.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ 1973**